

Сергей Калабухин

*Мысли
о прочитанном*

Сборник эссе

Сергей Калабухин

Мысли о прочитанном

Сборник эссе

Издательские решения
По лицензии Ridero
2024

УДК 82-9
ББК 76.01
К17

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Калабухин Сергей

К17 Мысли о прочитанном : Сборник эссе / Сергей Калабухин. —
[б. м.] : Издательские решения, 2024. — 202 с.
ISBN 978-5-0062-7159-3

Сергей Калабухин — русский писатель: прозаик, поэт, фантаст, публицист. Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, Украины, США, Англии, Канады, Австралии, Германии, Сербии и Финляндии. Автор двенадцати книг.

Член Союза писателей России.

В этом сборнике собраны эссе на исторические и литературные темы.

УДК 82-9
ББК 76.01

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0062-7159-3

© Сергей Калабухин, 2024

АМУРСКИЕ СТРАСТИ

1. НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

Тридцать лет назад, 18 июня 1992 года, перестало биться сердце Николая Павловича Задорнова – русского и советского писателя и сценариста, заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР, лауреата Сталинской премии II степени. Практически всему взрослому населению России знакомо имя писателя-сатирика Михаила Задорнова. И тем более обидно, что мало кому известно имя и творческое наследие его отца – Николая Задорнова. К своему стыду должен признаться, что и я до недавнего времени не читал исторических романов этого замечательного писателя. А ведь за три из них (романы «Амур-батюшка», «Далёкий край», «К океану») в 1952 году Николаю Задорнову была присуждена Сталинская премия! Сталин, разумеется, прекрасно разбирался в литературе, читал и оценивал всё, что выдвигалось на соискание Государственной премии его имени. Он сам в юности писал настолько хорошие стихи, что классик грузинской литературы Илья Григорьевич Чавчавадзе некоторые из них опубликовал в тифлисской литературной газете «Иверия», а стихотворение «Утро» в 1912 году даже вошло в учебник родного языка «Дэда Эна», и его на протяжении многих лет учили грузинские дети.

В случае награждения Николая Задорнова отсутствует какая-либо политическая составляющая, так как в его романах нет убеждённых коммунистов, большевиков, направляющей силы партии и тому подобных штампов. Нет даже светлых, то есть правильных согласно законам социалистического реализма, образов революционеров и прочих борцов с царским режимом. Поэтому можно смело утверждать, что Николай Задорнов был

награждён именно за писательское мастерство, то есть вполне заслуженно. Вот и американская литературная энциклопедия о Николае Задорнове пишет, что **«его роман „Амур-батюшка“, ставший на его Родине классикой, переведён на многие языки. Несмотря на то, что в его произведениях нет партийной темы, писатель был удостоен высочайшей послевоенной награды СССР – Сталинской премии».**

Японская критика неоднократно отмечала русского писателя Николая Задорнова как **«неповторимого художника природы и человека»**, а Британская литературная энциклопедия о нём писала: **«Без исторических романов Н. Задорнова нельзя иметь полного представления о развитии истории России и российской литературы».** И в американской литературной энциклопедии написано, что Николай Задорнов **«поднял пласты истории народов, не известных до сих пор цивилизации. Он красочно изобразил их быт, с глубоким знанием рассказал о нравах, привычках, семейных спорах, любви, несчастьях, житейских неурядицах, о тяге к русскому языку, русским обрядам и образу жизни».**

Тем большим было моё удивление, когда я прочёл негативные отзывы о литературном творчестве Николая Задорнова. К примеру, вот что заявил о его книгах доктор филологических наук, критик, профессор Геннадий Красухин: **«Дело в том, что писателем он был, мягко говоря, средним. Психологическим мастерством не владел. Интриги его романов были довольно унылы».** Видимо, этот критик решил повторить суждение немецкого слависта, литературоведа и переводчика Вольфганга Казака (нем. Wolfgang Kasack): **«Книги Задорнова не отличаются исторической достоверностью, свидетельствуют об интересе автора к фольклорным частностям; они очень растянуты и лишены психологической глубины».**

Разумеется, я не мог поверить мнению Красухина и Казака, потому что не могут «унылые» и «лишённые психологической глубины» книги быть более полувека популярны у читателей разных рас, стран и убеждений при отсутствии мощной рекламы и государственной поддержки.

Перу Николая Павловича Задорнова принадлежат два цикла исторических романов об освоении в XIX веке российского Дальнего Востока, о подвигах русских землепроходцев. Первый цикл состоит из 4 романов: «Далёкий край» (1946–1949), «Первое открытие» (1969, первое название – «К океану», 1949), «Капитан Невельской» (1956–1958) и «Война за океан» (1960–1962). Второй цикл: романы «Амур-батюшка» (1941–1946) и «Золотая лихорадка» (1969). Я не буду рассматривать их все, разберу только меньший, второй цикл с наиболее известным романом «Амур-батюшка».

Дилогия Николая Задорнова из романов «Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка» грандиозна по масштабам описания природы Приамурья второй половины XIX века, быта и типажей местных племён и тяжкого труда крестьян-переселенцев из России. Я не буду подробно всё это разбирать, потому что лучше, чем у автора у меня всё равно не получится. А вот поспорить с критиками по поводу «унылости» и «отсутствия психологической глубины» попробую.

У каждого человека имеются некие собственные представления о том, какой жизнью он хотел бы жить, мечты о лучшей доли, цель, к которой надо стремиться. В дилогии Николая Задорнова чётко прослеживается линия противостояния двух идеологий жизни, одну из которых олицетворяет Иван Бердышов, другую – Егор Кузнецов.

2. ИВАН БЕРДЫШОВ

Иван первым пришёл на описываемые в дилогии берега Амура, подружился с местными гольдами (нанайцами), женился на молодой красавице-шаманке Анге. Его цель – выбиться из нищеты в уважаемые люди, разбогатеть. Ради достижения своей мечты Бердышов не боится нарушать закон, рисковать собственной жизнью, идёт на убийство и ограбление богатого маньчжурского купца Дыгена, хищнически и незаконно эксплуатировавшего местные племена гольдов, гиляков и тунгусов.

В конце концов Иван Бердышов добивается поставленной цели: становится одним из богатейших и уважаемых людей Приамурского края, он владеет золотыми приисками, его пароходы везут рыбу в Японию и Китай, он продаёт пушнину американцам, занимается организацией первого в Николаевске коммерческого банка. Бердышов постоянно учится бизнесу, он побывал в Калифорнии (организация золотых приисков) и в Париже (банковское дело). Жена Ивана, бывшая шаманка, живёт в конце дилгии в Петербурге, дочь закончила училище с золотой медалью! Так что мечта Ивана Бердышова сбылась. Казалось бы, всё просто и даже прямолинейно в судьбе этого персонажа. Какая уж тут глубина психологии! Обычный хищник, как говорится «акула капитализма», не зря окружающие прозвали Бердышова «Ванька-тигр». Но так ли это?

Кем был Иван Бердышов до того, как пришёл на Амур?

«Он был потомком забайкальских крестьян, которых Муравьёв впоследствии записал в казаки. Отец его, небогатый скотовод, земледелец и охотник, всех своих сыновей – их в семье было трое – с малолетства приучал зверовать в тайге».

То есть, в отличие от крестьян-переселенцев, семья Бердышовых отнюдь не бедствовала, хоть и не выбилась в богатеи. О причине, заставившей молодого Ивана Бердышова покинуть семью и переселиться на Амур, рассказал Кешка, его бывший земляк:

«Сам-то он родом с Шилки, из мужиков, от нас неподалеку, где мы раньше до переселения жили, там их деревня. Сватался он к Токмакову. Шибко это торгован у нас, по деревням, по Аргуни и Шилке славился. Дочка у него была Анюша, не девка – облепиха! Парнем-то Иван всё ухлёстывал за ней. А послал сватать, старик ему и сказывает: мол, так и так – отваливай... Иван-то после того, конечно, на Амур ушёл, чтобы разбогатеть. «То ли, – говорит, – живу мне не бывать, то ли вернусь с деньгами и склоню старика».

Вот откуда взялась мечта Ивана разбогатеть! Не само богатство изначально влекло Ивана, оно было лишь средством,

позволявшим жениться на любимой девушке, дочери богатого купца. И парень упорно добивался поставленной цели, он сумел добыть на Амуре достаточное количество пушнины и уже собирался возвращаться домой, но, как рассказал Кешка, «за Горюном напали на него беглые солдаты – тогда их тут много из Николаевска удуло, – напали они на него и маленько не убили. Конечно, все меха отняли...

Замерзал он израненный. Наехали на него гольды, отвезли к себе в Бельго. Там его шаманка признала, взяла к себе. Они с отцом ходили за ним, лечили его своим средством. Ну вот, оздоровел он и грустит, взяла его тоска... Нищий он, нагой, Иван-то, куда пойдёт? Дожил до весны у гольдов. Лёд прошёл – плывут забайкальские земляки. Вышел он на берег. «Ну, Иван, – сказывают, – Анюша долго жить приказала. Ждала тебя, ждала – не дождалась». Анюша-то ушла из дому тёмной ночью на Шилку – да и в прорубь. Не захотела богатого казака... Сказывают, как Ванча наш услышал это, так и заплакал. Шаманка-то его жалеет, гладит по лицу, а у него по скулам текут слёзыньки.

Иван-то и остался у гольдов, стал жить с шаманкой, как с женой, она своё шаманство кинула. Стали они зверя вместе промышлять. Жил он, как гольд, своих русских сторонился».

Да, мечта разбогатеть у Ивана Бердышова осталась, но теперь её причиной стала гордость. Иван не хотел выглядеть в глазах односельчан неудачником.

«Живя на Амуре с гольдами, он надеялся со временем разбогатеть и богатством вознаградить себя за страдания и бедность. Хотелось ему, чтобы слух о его богатстве дошёл до Шилки, чтобы и на родине услышали, как зажиточно живёт Иван. В Бельго он начал жить без гроша за душой. Гольды, приютившие его, сами были небогаты. А в понимании русского человека – без земли, без скота и без хозяйства на русский лад – были почти нищи. Иван, оправившись, стал помогать им, как мог. Он жил бережливей их, не позволял торговцам обманывать себя, промышлял с настойчивостью, а не поддаваясь воле случая,

как они, из года в год добывал всё больше и больше пушнины. Анга быстро переняла от Ивана эту настойчивость в стремлении к богатству и помогала ему».

«Не такие уж тут глубины психологии! — могли бы презрительно скривить рот вышеупомянутые критики. — Любовь ли, гордость ли явились причиной стремления к богатству — это не столь важно. Главное осталось — прямолинейность образа постепенно всё более богатеющего персонажа, готового ради наживы на всё». Но Иван Бердышов вовсе не укладывается в привычные рамки бездушного скряги. Автор пишет:

«Но, живя среди гольдов, Иван не мог разбогатеть: приходилось делиться с ними своим достатком, платить их долги, отстаивать их в ссорах с торговцами, что ему всегда удавалось сделать если не хитростью, то силой.

Почти все бельговцы через жену приходились Бердышову родственниками, и отказать им в помощи он не мог. Когда они проедались или пропивались, Иван кормил их и даже покупал для них товары на баркасах. Только часть доходов от проданной пушнины ему удавалось утаивать от своих родичей, но больших денег он скопить не мог».

Ивану с Ангой пришлось покинуть селение гольдов и поселиться в одиночестве в убогой избушке на берегу Амура, чтобы освободиться от бед и забот назойливых родственников.

«Наступала решающая пора, и Бердышovy стали охотничать особенно усердно, зная, что теперь каждый лишний собо́ль приближает их к богатству. Воспоминания о доме всегда подхлёстывали Ивана. «Поди, уж братья мои и товарищи разбогатели, — думал он. — А я всё гол как сокол».

Однако одиночество Бердышовых вскоре было нарушено. Чиновники выделили на берегу Амура рядом с избой Ивана место для размещения четырёх семей переселенцев из России. Те однажды приплыли на плотax и основали село Уральское. Так вместо гольдов Ивану с Ангой неожиданно пришлось взять шефство над русскими крестьянами. Они учили их, как в этих местах нужно охотиться, ловить рыбу, делать запасы на зиму. И хотя

Иван знал, что от одного промысла ему не разбогатеть, он не взял у переселенцев ни копейки за то, что они поселились на его охотничьих угодьях, хотя по обычаю мог это сделать, он лишь попросил помочь ему расчистить участок земли вокруг его избышки, когда те немного обживутся. Участок этот Бердышовым был не нужен — они продолжали жить, как гольды — охотой и рыбалкой. Но, глядя, как поселенцы рубят и чистят лес, корчуют пни, готовя под посев пашню, Ивана охватила ностальгия по крестьянскому труду.

«Хотелось Ивану и пашню пахать, и хозяйство завести. Деньжата у него были, он мог купить и коня, и скотину. Но не торопился — он хотел, чтобы жена его сначала обжилась подле русских и переняла от них умение вести хозяйство и ходить за скотом.

Анге и самой хотелось поскорей стать русской, чтобы Иван не стыдился её. Она проявляла любопытство ко всему, что делали переселенки, и живо всё перенимала. Она училась говорить по-русски, выказывая в этом редкую способность».

Так что, не только Бердышovy помогали поселенцам, но и крестьянки учили Ангу русскому образу жизни. А позднее, когда жители Уральского познакомились с гольдами, живущими по соседству, началось взаимное проникновение и обогащение культур двух народов. Но об этом лучше и подробнее написано в дилогии.

Иван Бердышов прекрасно понимал, что один охотничий промысел не принесёт ему богатство. Не говоря уже о тяжёлом крестьянском труде. Богатыми на Амуре были только торговцы, менявшие нужные местным племенам и русским поселенцам продукты и товары на пушнину, шкуры, рыбу и излишки крестьянского труда — зерно, овощи с огородов, мёд. Но особенно быстро богатели китайские и маньчжурские купцы, часто просто грабившие и обиравшие неграмотных, запуганных гольдов и тунгусов. Но чтобы стать купцом, нужен первоначальный капитал, а где его взять? Только ограбить кого-нибудь, как когда-то беглые солдаты ограбили и чуть не убили самого Ивана.

Но Амур хоть и велик, и тайга почти бескрайняя, а купцы здесь все наперечёт, и убийство любого из них сохранить в тайне не удастся. В одиночку, как Иван, они не ездят, охрану имеют, значит для ограбления такого купца Бердышову нужны не просто храбрые, готовые пойти на убийство сообщники, но и умеющие при этом держать язык за зубами. И Иван находит таких людей. Они вовсе не разбойники, не беглые солдаты или каторжники, а обычные охотники: друг Ивана Бердышова из соседнего села Тамбовка крестьянин-переселенец Родион Шишкин и двое гольдов. Почему эти мирные люди согласились пойти на преступление? Ответ кроется в личности жертвы. Это не местный купец, а один из самых ненавистных местным племенам маньчжурец Дыген. Вот что о нём рассказывает Егору Кузнецову Иван Бердышов:

«До сих пор они из Китая потихоньку на Амур ездят, гольдов грабить. И дороги не даёт, едет как начальник. Они и русских убивают, глаза им выкалывают!

Маньчжурец этот ходит сюда на грабежи. Тайно албан – налог – с гольдов берёт, пугает их, а они боятся – платят. Русских, говорит, всех надо убить. Если кто соболя не отдаст, уши отрежет. Раньше они летом приплывали, а теперь норовят зимой, пока полиции нет. Они к весне стойбища объезжают и зимние меха берут».

И если гольды, ненавидевшие Дыгена, пошли на убийство его людей без лишних разговоров, то Родиона Шишкина Бердышов просто обманул, сказав, что они будут действовать по поручению бессильной против маньчжурца полиции. После убийства Дыгена Иван честно поделил найденные у того меха и золото, скупленные по дешёвке или просто отнятые маньчжурцами у гольдов и тунгусов, и открыл правду Родиону.

«У Родиона было такое чувство, словно его запутали в силки. – Но ты не совестись. Мы с тобой, по справедливости ежели рассудить, Горюн от разбойников избавили, славное, паря, дело сделали, для твоих же друзей старались. Осознайка!

Родион понимал, что Дыген разбойничал бы без конца, а полиция бездельничала бы. И при том беззаконии, которое было на Амуре, поймай Дыгена и привези его в город — горя не оберёшься. Самих же затаскали бы по полициям. Вот и выходит: не убей — он бы ездил грабить, а убил — грех! Куда ни кинь — кругом клин.

— Всё же я свою часть пропью! — сказал Родион. — Мне такого богатства не надо!»

А вот Иван Бердышов пропивать награбленное добро не стал, а пустил его в оборот. Гольды, считавшие Ивана своим, массово понесли новоявленному купцу добытые на охоте шкурки, благо тот, в отличие от торговцев-китайцев, платил за них справедливую цену и никого не стремился обсчитать или обмануть. Купцы-китайцы, весьма недовольные таким конкурентом, на одном из собраний полностью согласились с мнением Гао, главы своего тайного торгового сообщества.

«Иван — ублюдок, наверное, даже не русский, а какой-нибудь гольд! — твердил Гао. — Говорит по-гольдски, пронюхал про общество торговцев, всегда издевается. Он сбивает цены, рушит влияние. Не будь его, гольдов можно было запугать, как в других местах. Надо хорошо жить с русскими, а гольдов запугивать, внушать им, что русская власть скоро окончится. И тогда они будут покорны от всей души, охотно на коленки станут перед купцом падать, а не нехотя... Но там, где Иван, гольд сам не свой. — Дорого бы дал Гао, чтобы убрать Бердышова и дружно зажить с остальными русскими!»

Бердышов стремительно богател. Исполнение его мечты приближалось. Казалось бы, развитие данного персонажа закончилось, ан нет! Хоть Иван и не подавал виду, но душа его ныла. Убийство Дыгена не давало покоя, и однажды Бердышов сделал то, чего ни за что не позволил бы себе раньше: сел за карточный стол и проиграл все свои богатства! Иван вернулся из Николаевска в Уральское в нищенских лохмотьях, но со спокойной душой. Он исполнил мечту, побыл богатым и решил, что

быть простым охотником для него гораздо приятнее и привычнее.

«Гольды ругали Ивана, что не торгует.

— Пусть ругаются, я хочу в жизни пожить вольно. Пусть бедно, но вольно, — говорил Иван. — Трусы бедности не терпят, а я сам себя прокормлю. Торговля-то кабалит. Если по-настоящему торговать, надо целую войну вести, башку большую на плечах иметь, видеть всё, что впереди и на стороне, а я теперь отдыхаю, — кутался Иван в свою рваную овчинную шубу и ухмылялся. — Завтра вместе на охоту пойдём».

Вот такой неожиданный поворот в судьбе «акулы капитализма!» Но что же заставило Бердышова вновь стать богачом? И как ему это удалось? На этот раз причиной стали не любовь, не гордость, а чувство долга. Долга перед гольдами и торговыми партнёрами. Толчком послужил визит главы китайских торговцев к Ивану. Гао решил поиздеваться над разорившимся Бердышовым и окончательно раздавить ненавистного конкурента, но добился обратного эффекта!

«Иван подлил Гао вина. Собеседники снова выпили.

— Какой ты хитрый! Терзаешь гольдов, орочён. А случай выйдет, и с меня шкуру сдерёшь — это ничего. А тебя тронь — обида!.. Торгашей бить нельзя? Надо тоненько с ними?.. Нет! — вдруг вскочил Иван. Он распахнул куртку, свирепо глянул исподлобья. — Я всех согну здесь в бараний рог! — вытянул Иван жилистую руку с мохнатым кулаком. — Ты там объяви. Я знаю, что ты старшина, начальник. Всем объяви, что я их возьмусь подряд мутить... Я из вас таких же черепах себе понаделаю, как вы из гольдов!»

После визита Гао душа Ивана вновь потеряла покой. Да, он избавился от несправедливо нажитого богатства, но не от взятых на себя обязательств.

«Бердышов вспомнил, что обязался поставить американцам большую партию мехов. Дел было множество. В городах налажены отношения с купцами, там ждут его весной. Здесь, по окрестным деревням, в торговые отношения втянуты все

охотники. Идёт целая торговая война из-за гольдов и орочён. В лавку приучены ездить сотни людей. Бросить всё — значит струсить, разлентиться.

«Ну, хватит баловать, впрягайся!» — сказал он себе».

Вот так Иван Бердышов в третий раз встал на путь накопления богатства. Но где теперь ему взять стартовый капитал? Вновь пойти на разбой и убийство? Иван знает, что этот путь не принесёт ему счастья и покоя. Но раз гольды просят Бердышова вновь стать купцом, то пусть помогут ему в этом.

«Иван зашёл в избу. Анга засветила лампу. На лавке лежал Савоська. Иван растолкал его. Сели ужинать.

— Савоська, завтра бери моих собак и дуй по всему Амуру — в Мылки, в Хунгари, к себе в Бельго. Объявляй, чтобы тащили мне соболей, как албан, — по два меха с головы. А мы наловим калуг, сохатина есть — устроим угощение.

— Я их напугаю! Знаю, что сказать! — восклицал Савоська. — У-ух!.. Ещё богаче будешь! Нынче соболей много, хорошая охота. Тебе все верят. Знают, что не обманываешь. Ладно! Я всегда говорю: без обмана лучше жить.

— Да скажи, что кто не привезёт, тому мало не будет! Я нынче вспомнил. У нас в Расее был начальник: как проиграется, так гонцов вышлет по всему Забайкалью. Приказывает с каждой овцы прислать по клоку шерсти. И сразу всё вернёт. Ещё богаче станет! И людям не шибко убыточно...

Савоська объехал всю округу. Несмотря на яростные старания купцов распушить устрашающие слухи об Иване, их никто не слушал, гольды по приглашению Савоськи съехались к Бердышову со всех деревень.

Улугу первым привёз албан. Он знал, что Бердышов убил нойона. Это было важнее всего. Знал он также, что Иван не насилует детей, не бьёт и не отбирает жён. Это же знали и все другие гольды. Савоська так расписал про беду Ивана, что всем захотелось выручить его».

Вскоре Бердышов вновь стал богатым русским купцом, а позднее — судовладельцем, золотопромышленником и банки-

ром. Став одним из столпов дальневосточного общества, он не возгордился, не забыл друзей и родичей, помогал русским поселенцам и гольдам, защищал от полиции и чиновников рабочих нелегального прииска. При этом Ивану приходилось, как и раньше, нарушать закон. Например, гольды и тунгусы пожаловались Бердышову на бесчинства и притеснения от одного из китайских торговцев. Вот несколько цитат, характеризующих этого негодяя:

«Синдан — полуманьчжур, полукитаец, богатырь с большой головой, хищными острыми глазами и тяжёлой нижней челюстью».

«Ведь в Маньчжурии ещё семь лет назад Синдан был нищим, а ныне, живя в России, он так разбогател, что считает себя единственным хозяином большой таёжной реки Горюна и прилегающих к ней озёр и речек со всеми селениями. Семьи гольдов в его власти. Он насилует их жён и дочерей».

«Он избивал своих должников сам, следуя неутолимой жажде причинять людям боль и зло.

Синдану хотелось особенной казни — закопать дерзкого тунгуса живым в землю. Вот уж несколько дней Синдан пьянствовал, а в лавке Гао шли разговоры о непокорстве «дикарей», как называли торгаши гольдов.

Из своего угла поднялся Синдан. Он протянул палку с иероглифами.

— Вот я вырезал палку для наказания сына тунгуса. Когда Иван прислал товары на Горюн, я составил себе набор палок, таких же, как принято в нашем обществе. У меня есть палки: «Десять ударов», «Двадцать ударов», «Бить до крови». Так я учу дикарей грамоте. Хи-хи! Каждый из них клянётся продавать соболей только мне... Теперь я вырезал палку с надписью: «Бить до костей».

Обращаться за защитой в полицию гольды и тунгусы даже не пытались, прекрасно зная, что она подкуплена китайскими торговцами. Местный исправник Оломов не только гольдов с тунгусами, но и русских поселенцев за людей не считает.

«Славно!» – думал Оломов. Он объехал все китайские лавки от Хабаровки. Везде ему давали взятки и подарки, но Гао оказался щедрей всех. И эти сигары! «Эх, если бы меня назначили в область, где не было бы русских, а были б одни китайцы!» – кутаясь в шубу, мечтал пьяный исправник.

Иван Бердышов был единственным, кто помогал гольдам и словом, и делом, поэтому они и обратились к нему. Но и Ванька Тигр уже стал другим. Его бескорыстие осталось в нищем прошлом. Теперь, помогая кому-либо, он не забывал и о собственных интересах. Бердышов решил помочь гольдам против Синдана и заодно исполнить свою угрозу прижать китайских торговцев, данную в запале Гао. Он решил изгнать Синдана с Амура о чём и заявил тому при встрече прямо в лицо. Китаец пришёл в ярость.

«Иван рушил его торговлю тем, что привёз муки, привёз хорошие ружья, каких никогда не продавал Синдан. У Ивана всё было лучше. Гольды отворачивались от Синдана, смеялись над его торговлей, не хотели покупать. И вот в довершение всего Иван гонит его с Горюна, где за семь лет он разбогател. Он готов был на всё, лишь бы не ссориться со страшным Ванькой Тигром. Но сейчас, слыша такую ужасную новость и видя близко его лицо, Синдан задрожал от злобы».

Началась драка, в которой победил Иван. Синдан был бит, разорён и изгнан, а его владения и торговля перешли к Бердышову. Прочие китайские купцы, уже строившие планы убийства Ваньки Тигра, умерили свои амбиции и решили, что им лучше с ним не ссориться. Так что на этот раз Бердышов, никого не убивая, достиг сразу нескольких целей: и гольдам с тунгусами помог, и беспредел китайских купцов притушил, и себе лакомый кусок торговли мехами приобрёл. Вот такая, унылая по мнению профессора Красухина, интрига! Да, российский Дальний Восток осваивался русскими переселенцами не так, как Северная Америка европейскими: без кровавых битв с местными племенами, без массовых убийств, без снятия скальпов и прочих зверств. Уныло? Кому как! Конечно, и на Дальнем Востоке бывали сраже-

ния, но это случалось во времена, когда русские воины носили кольчуги и шлемы, а в описываемые в дилогии времена казаки и солдаты воевали в основном с китайскими бандами хунхузов.

Что ж, образ и идеология жизни Ивана Бердышова, надеюсь, показана вполне чётко. Перейдём теперь к его антагонисту — Егору Кузнецову.

3. ЕГОР КУЗНЕЦОВ

Егор с юных лет ненавидел торгашество и богатеев, к тому же он не ладил с деревенскими воротилами. **«Мысль о том, что хорошо бы когда-нибудь и самому убежать в Сибирь, ещё смолоду укоренилась в голове Егора».** Он мечтал, **«что когда-нибудь оставит здешнюю незадачливую жизнь, соберётся с духом, перевалит в Сибирь и станет жить там по-своему, а не как укажут люди».** И вот однажды **«Егор решил уйти туда, где, как говорили, богачей и начальства либо совсем нет, либо поменьше, чем на Каме. Он надеялся, что если на новых местах сойдутся люди небогатые, то и жизнь у них станет равной и справедливой».** Словом, Егора Кузнецова влекло не личное богатство, а свобода, равенство и справедливость, которых он не видел в родном селе на Каме. Егор был идеалистом, как и многие русские крестьяне, безуспешно искавшие Синегорье — землю свободы и справедливости. Егор надеялся найти на берегах Амура воплощение своей мечты.

«Несмотря на большую бороду, Егор был ещё молод: ему недавно перевалило за тридцать — он женился рано, — и он со всей страстью хотел потрудиться. Упрёки в несуразности и лени, которыми допекали его на старых местах богатые мужики, пустое; хотя и богатеи были теперь за тридевять земель и казались Егору ничтожными, но зло к ним осталось до сих пор — так они его обидели в прежнее время, так глумились, — и он хотел построить тут жизнь, которая была бы крепка и свободна. Своим трудом он воевал против старых врагов и их злой дури».

Да, Кузнецов был молод, но его авторитет среди переселенцев был настолько велик, что те единогласно признавали Егора главой Уральского, нового поселения на берегу Амура. Чиновник, указавший переселенцам их новое место жительства, тоже заметил данное обстоятельство и даже не стал, как это было принято, официально назначать Кузнецова старостой.

Егор, верный своим идеалам всеобщего равенства, не раздавал команды направо и налево, а личным примером показывал, что и как надо делать.

«Егор хотел осесть на новом месте крепко, прочно, трудом своим доказать, что он не боится самого тяжёлого дела, что не на кисельные берега и не на соболей надеялся, когда шёл сюда. Он даже радовался, что рубит такой густой лес и корчует такие страшные пеньки.

Он желал подать пример и другим людям, как тут можно жить».

Иван Бердышов советовал поселенцам не пренебрегать охотой, особенно в зимнее время, когда заниматься крестьянскими работами нет возможности. Но Егор Кузнецов решительно отменял такие советы.

«Он понимал, что охота тут будет большим подспорьем. Но сам он шёл на Амур за землицей, пахать пашню и сеять, а не зверей ловить, и здешний порядок жизни перенимать не хотел и поддаваться никому из-за охоты не собирался. Становиться охотником он не желал. Он даже ружья не купил, хоть и мог бы сделать это, если собрал бы все гроши и поднатужился.

Он шёл в Сибирь землю пахать и без своего хлеба не представлял будущей жизни ни для себя, ни для детей, когда они подрастут. По его мнению, охотник был чем-то вроде бродяги, если у него не было пашни.

«Конечно, почему бы и не поохотиться на досуге? – думал он. – Здесь в самом деле грехом было бы не ловить зверей, если они сами подходят чуть не к избе».

Но бегать за ними и надеяться детей прокормить промыслом он считал позором. В жизни, полагал он, хорошо можно делать только одно дело, хотя бы и другие удавались».

Но идеалы идеалами, а жизнь есть жизнь. И хоть в Уральском всего четыре семьи переселенцев (не считая Бердышовых), согласия и равенства не получилось. Кто-то увлёкся охотой, кто-то завёл торговлю, и большинство мечтало хоть немного, но разбогатеть, выбиться из беспросветной нищеты.

Сосед Кузнецовых Фёдор Барабанов говорил Егору, что **«справедливой жизни и тут не бывать, что земля на Амуре плохая, и если казна не даст помощи – народ пустится в грабежи и торгашество.**

А мужик-то желает себя вознаградить. Он себе найдёт тут занятия!.. И никакой новой жизни быть не может. Попробуй укрась эту землю, заведи в ней справедливость! Приедут и сядут тебе на шею, найдутся душегубы! Они только и следят, не завелось ли где что. Нет, Егор, ты её укрась, эту землю, да так, чтобы никто не видал. А лучше себя самого укрась, свой карман, брюхо наешь потолще, чтобы видели, кто ты такой есть! По брюху-то сразу видно, кто умён, а кто глуп. Живи так, чтобы себе побольше, не думай про справедливость. Все люди грешны, и мы с тобой. Значит, не мы это заводили, и не нам придётся отвечать. Не губи, Егор, себя и детей! А то вот как на новом-то месте да придётся им батрачить... Ты лучше уловчись и вылазь наверх, а другая волна народа дойдёт сюда – ты её мни под себя. Вот как надо! А то угадаешь под чужие колёса. Ты жалеи не народ, а себя. Пусть всякий сам о себе на новой земле подумает...»

Барабанов говорил, что приехали они жить на место новое, но люди-то сами остались старые – со старыми понятиями и убеждениями. Кузнецов не желал с ним соглашаться.

«Егор знал, что жадные, хищные богачи могут завестись и здесь. Но знал он и другое: что основа жизни должна быть тут кем-то заложена не из большой корысти, а из желания жить вольно, справедливо. На это полагал он свою жизнь. Он не хо-

тел мять под себя других. Он желал, чтобы его род стал корнем народа, его сутью, плотью.

В семье Кузнецовых из поколения в поколение передавалось предубеждение против богатства и богачей. Чтобы сколотить богатство, надо стать сухим, чёрствым душой. Кто копит — не отзовётся душа того ни на что доброе, в ней нет жалости, дружбы, любви.

Добрый, отзывчивый не погонится за богатством. Может быть, поэтому человек с широкой душой всегда небогат.

В старой жизни Егор твёрдо знал правило, что с трудов праведных не построишь палат каменных. В новой амурской жизни, полагал он, люди могут зажить трудами, без обманов. Тут всем дано поровну, у кого есть руки.

Но и тут не желал себе Егор палат и богатства. Он искал жизни согласной в семье и с соседями и по трудам достаточной. Слыша, что кто-нибудь богатеет, он не завидовал, а от души говорил: «Ну, это им!.. А у нас своё!» Он радовался, что остаётся небогатым, но крепким на земле, что дети его растут в работе и ничего не боятся, что крепок он всем своим родом во всех корнях».

Однако время шло, подрастали дети, менялись окружающие реалии жизни на Амуре. Изоляция Уральского от внешней жизни всё больше нарушалась, размывались и пределы некоторых убеждений Егора Кузнецова. Сначала появились в Уральском местные гольды. Началось взаимопроникновение культур и обычаев. Потом приплыл с товарами китайский торговец Гао. Возникла необходимость в деньгах. Поплыли по Амуру пароходы, баркасы русских купцов. Появились заказы на дрова для пароходов, на солёную рыбу, на шкуры и меха. Приехал поп, а за ним — солдаты. Солдаты построили церковь, в которую стали приезжать жители других сёл русских поселенцев. После церкви солдаты протянули телеграфную линию, установив пост недалеко от Уральского. Начали наезжать в село полицейские и гражданские чины.

«Егор шёл на Амур за вольной, справедливой жизнью, надеялся, что люди сойдутся равные, будут жить трудами. А тут лю-

ди снова разделились на богатых и бедных. День ото дня на новой земле всё больше заводилось старого».

И вдруг сам Егор случайно набрёл в тайге на золотиносный песок! Согласно своим убеждениям, он рассказал о найденном золоте всем односельчанам. Но золото — это соблазн, сводящий людей с ума. На нелегальный прииск, бросив все дела, ринулись не только мужики и парни, но и бабы с девками. На глазах Егора в Уральском окончательно разрушилось всё, что он мечтал создать на этой земле. Многолетнее соперничество капиталиста Ивана Бердышова и социалиста Егора Кузнецова за умы поселенцев закончилось явным проигрышем последнего! И эта дилогия написана и издана во времена торжества в советской литературе социалистического реализма, причём первый роман был удостоен Сталинской премии! Заведомо отрицательный персонаж в ней выглядит более человечным и живым по сравнению с «идеально-положительным», преодолевая усилия автора прямо написать об обратном.

«Егор думал про Бердышова.

Иван превратился в большого воротилу, забрал в руки всю пушную торговлю, завёл работы в тайге. Народ не зря прозвал его Тигром. Хватка у него, как у зверя. Егор слышал про убийство Дыгена и за последнее время стал верить, что это сделал Иван. Каким бы Дыген ни был, а он человек. Людская молва не прощала Ивану убийства. Поминали про это, как про грех. Иван убил человека не в честном бою.

Егор сам, бывало, думал: «Этот человек как будто весёлый, а ведь он людей убил и ограбил и пойдёт на любой грех, хотя он и умён, и славен, и совет его делен. Почему так?» Иван и нравился ему, и боялся он его. Чувствовал Егор, что страшный зверь сидит в Иване, что тигр, которого все боятся в лесу, живёт с ним рядом, в соседнем доме, и от него всего можно ждать, что если он убил Дыгена, то при случае и другого убьёт».

Но и сам Егор далеко не ангел! Когда кто-то стрельнул в его сторону в тайге, он стрелял в ответ, причём несколько раз! Последний выстрел был уже в убегающего человека, то есть с яв-

ным намерением убить. А может, и убил: Егор не стал проверять, попал он в человека или нет и что с ним стало потом.

А когда поймали убийцу на нелегальном прииске, Егор Кузнецов вынес тому смертный приговор.

«Егор почти не спал ночь. Не хотел бы он убивать человека. Сам как с тяжёлого похмелья! „Я должен лишить человека жизни!“ Впервые. Если бы не на прииске, сдать бы его властям. Но ведь это то же самое».

Таким образом, осуждая за убийство Ивана Бердышова, сам Егор в похожих обстоятельствах поступает точно так же! И если Ивана мучает совершённое им убийство нойона, то Егор всего лишь «почти не спал ночь». Он же не ради наживы убил, да и не своими руками, а потому считает себя вправе судить Ивана.

«Когда шли с работы, Иван сказал:

– Сейчас меня на исповеди поп спросил... Говорят, что я разбогател не от труда, словом... Что греха таить, все знают, что было на Горюне. Но я уж тогда был с капиталом. За несколько лет перед этим возил меха в город. Взяли мы золота – крупичицы. А все говорят, что я с этого поднялся. Я сейчас всё это попу доказывал. Вот в газетах пишут, что есть политика. И это была политика, а не грабёж! Как ты скажешь? Грамотный скажет – грабительская политика! Завоевание Горюна! Да, мне надо было утвердиться, чтобы люди не колебались, и чтобы слух прошёл всюду, что я могу человека прикончить и выйти сухим из воды. Люди слушаются только тех, кого боятся. Но всего этого я тогда ещё не понимал, мне для удали будто бы надо было. А люди спросили бы, почему купец даёт серебро, почему торгует дешевле других, нет ли худого умысла. Все стали бы сомневаться. А я стукнул их главного торговца, а потом выгнал с речки Синдана, и все гольды успокоились. Теперь я знаю, что целые государства поступают, как я, ухватка та же. А я не знал, что политика... Стукнул – и всё. Чутьё лучше разума. Я знаю, Егор, ты праведный, не любишь таких разговоров, но что делать, сам такого соседа выбрал!

Егор вскинул топор на плечо и спросил:

- А теперь тебе обидно?
— Конечно, кому приятно. Я тогда не думал, что так получится и что я огребу целые прииски.
— Нет, ты уж и тогда метил высоко, — отвечал Егор. — Тебе всё чего-то не хватало».

«Праведный» Егор фактически ничем не лучше Ваньки Тигра. Он, пусть и чужими руками, но тоже убил человека ради выгоды. Кузнецов мог сдать убийцу властям, но тогда лишился бы возможности нелегально мыть золото, и сам бы пошёл в тюрьму за хищнический промысел. Бердышов не испугался риска попасть в тюрьму, отлично понимая, что скрыть от полиции, кто убил маньчжурского нойона, невозможно. Защитить его в то время было некому. Егора же, когда полиция обнаружила нелегальный прииск и узнала о произошедшем там самосуде, защищали все, кто мог, хоть он и решился наконец проявить свою «праведность» и «взять всю вину на себя». Спас же от тюрьмы и каторги Егора Кузнецова, его сына Василия и других арестованных «вольных старателей» Иван Бердышов! И спас, между прочим, ценой огромной лично для Ивана потери, но об этом позже.

Егор Кузнецов, изначально признававший только крестьянский труд, отвергавший охотничий промысел и презиравший богатеев и торгашей, постепенно меняет свои убеждения. Он становится и охотником, и рыбаком, моет золото и мечтает о богатстве, которое лицемерно именуется «достатком».

«Егор сегодня рыбу сдавал, а купцы те отвечали, что привезём и соль, и котлы, и научим варить, только бы сбыт был, куда продавать, а голодных, мол, на свете прибавляется. Пока нет дорог, а будут дороги, мол, все вы разбогатеете. Зачем вам пашни, кидайте их, целый год можно пьянствовать и гулять! Рыба прокормит».

Егор стал торгашом! Ведь он продаёт муку, рыбу, овощи и золото. Чем же тогда Кузнецов отличается от Бердышова? Только масштабами бизнеса и помощи людям — и то, и другое значительно мельче. Егор спас от произвола китайских торгов-

цев одну единственную девочку-гольдку, да и ту немедленно сбавил на попечение Ивана Бердышова. Бердышов же многие годы защищает гольдов, рискуя жизнью не побоялся убить грабителя Дыгена и изгнать убийцу и садиста Синдана. Можно, конечно, сказать, что Егор помог людям тем, что разрешил всем желающим добывать обнаруженное им в тайге золото. Но почему он это сделал?

«И куда я с золотом?.. Не даёт ли мне тайга остережение? Стоит ли всё это хлеба, пашни, трудовой жизни? Без хлеба. Без пути. С ружьём и с золотом... Богатым станешь – пойдёшь пахать, а люди засмеют, скажут, бога гневить вышел, прибудняешься. Но не брать золота нельзя. Взять всё себе – грешно. Людям дашь – на погубу. Не дашь – ещё хуже, достанется врагам людским».

Под «врагами людскими», наверно, надо понимать в первую очередь Ивана Бердышова, который, найдя золото, не постеснялся оформить на себя прииск, нанять людей, обеспечить их быт и начать промышленную добычу. В чём тут грех? Но главный вопрос, что задаёт себе Егор Кузнецов звучит так:

«Что будет с моими детьми, если набредут они на многие тысячи золота?»

Если Егор не уверен в собственной стойкости, то и его дети вряд ли устоят перед соблазном лёгкой жизни. Егор под влиянием реальной жизни уже скорректировал многие свои изначальные убеждения, с которыми приехал на Амур. Осталось только неприятие богатства, и оно теперь тоже под угрозой.

«Однако, полагал он, на золото, которое лежит у него в каюте в перепачканном, грязном мешке и в сумке, можно в самом деле купить баржу с хлебом. Тогда зачем же сеять? Железную дорогу проведут скоро. Тихая жизнь, кажется, окончится. „Всё нам привезут!“ И сейчас доставляют за меха, рыбу и золото много товаров. И муку. Но хочется хлеба своего, вытруженного».

То есть, если Егор разбогатеет, свой хлеб для него станет не жизненной необходимостью, а чем-то вроде лакомства, для производства которого будут больше не нужны обширные поля

и тяжёлый многомесячный труд. Но уж так семье Кузнецовых хочется достатка, что Егор сдаёт свою последнюю позицию, рассказывает всем о найденном золоте, утешаясь лишь тем, что не забрал, как Бердышов, обнаруженное богатство себе, а поделился им с людьми. Однако, если смотреть фактам в глаза, Ванька Тигр пошёл по пути закона и официально оформил найденное им месторождение на себя, а «праведный» Егор Кузнецов организовал нелегальный прииск, на котором три года всякий сброд хищнически мыл золото! Как-то к концу дилогии положительный и отрицательный герои не то чтобы поменялись местами, но праведными не являются оба! И лично у меня гораздо большую симпатию вызывает Иван Бердышов.

Егор Кузнецов так и не осуществил свою мечту о построении нового справедливого общества на берегах Амура. Он хотел, чтобы поселенцы жили свободно, а не по указке начальства, пахали столько земли, сколько могут обработать, растили хлеб и выращивали овощи, чтобы не было у них нищеты и расслоения на бедных и богатых, чтобы у всех семей поселенцев был достаток. Ничего не сбылось, реалии жизни не только разбились мечты Егора, но и опровергли многие его убеждения. Его средний сын Василий отринул крестьянство и пошёл на службу к Ивану Бердышову, переехал в город Владивосток и переманил к себе младшего брата Алексея, устроив того в гимназию. Старший сын Егора Петрован, по слухам, стрелял в Ивана Бердышова и только чудом не стал убийцей. Дочь Егора вышла замуж за бывшего каторжника, плавающего матросом на пароходе.

Достаток в поредевшей крестьянской семье Егора Кузнецова есть, но обеспечивает его не пашня, а когда-то презираемые им охота, рыбалка и нелегальная, хищническая добыча золота. Ещё немного, и Егор Кузнецов окончательно перестанет быть хлеборобом и бросит дело всей своей жизни.

«Но уж дошла к Амуру железная дорога. Огромная дорога через всю Сибирь дошла к верховьям реки. Люди теперь проедут сюда за две недели, а не за два года. Купцы с каждым годом покупают всё больше рыбы.

— Молодые мужики повсюду бросают пашни, — сказал Петрован отцу, возвращаясь домой.

— Будем и мы покупать хлеб! — ответил Егор. — А жалко... Хлеб здесь родится хороший.

— Амур будет нашей пашней, — сказал сын.

— Амур наш батюшка, — ответил Егор, — он прокормит!»

Почему же праведный Егор Кузнецов в своих мечтах и устремлениях терпит крах, а Ванька Тигр добивается успеха и становится одним из самых богатых и влиятельных людей Дальнего Востока?

Люди во все времена мечтали и мечтают о лучшей, идеальной жизни. Философы и писатели в своих учениях и книгах пытались изобразить идеальное устройство общества, но книг этих, как это ни странно, ничтожно мало! Как известно, сколько голов — столько и мнений, поэтому рецептов идеального общества должно быть огромное количество, а вот в реальности — ничего подобного! Живут-то люди не сами по себе, а в обществе, и потому их личные идеалы приходится согласовывать в приемлемые нормы для всех или, как вариант, для большинства членов общества. Но и тогда эти общепризнанные идеалы не становятся вечными догмами. Законы и устройство Атлантиды Платона не подходят Городу Солнца Кампанеллы, не говоря уже об Утопии Томаса Мора. А уж в том, что коммунизм практически не достижим, нас стараются убедить после краха СССР, как говорится, из каждого утюга. Сейчас уже никто даже не пытается писать какие-либо утопии — книги о светлом и идеальном будущем. Зато антиутопии, книги и фильмы об ужасном, пост-апокалиптическом будущем человечества, пекутся как блины. И это понятно и объяснимо. Достоверно описать нечто прекрасное и идеальное, чего ещё никто никогда не видел, невероятно трудно, в отличие от картин краха цивилизаций и ужасов всеобщего одичания, которые человечество не раз наблюдало в своей истории.

Новое общество могут построить только новые люди, отринувшие старые догмы и свято верящие в новые. А Егор Кузне-

цов был одинок в своих убеждениях и планах построения новой жизни в Уральском. А один, как гласит пословица, в поле не воин. Николай Задорнов не ставил своей задачей написать некую утопию о лучшей жизни отдельного посёлка русских переселенцев на Амуре. Да, жители Уральского выбились из нищеты, но они не построили нового общества, да и не могли этого сделать. И Задорнов прекрасно и достоверно описал причины этого.

4. И ВНОВЬ ПРО ЛЮБОВЬ

Роман, не имеющий любовной линии в сюжете, сильно проигрывает в глазах читателя. В дилогии Николая Задорнова такая линия есть, и не одна. Я расскажу о главной. Что в ней нестандартно, так это то, что автор описывает любовные перипетии не праведного Егора Кузнецова, а любовные страсти Ваньки Тигра. Да и что может быть интересного в примерной патриархальной семье? Муж и жена выполняют свои обязанности: он – мужские, она – женские. В семье Кузнецовых практически нет ссор и, конечно, присутствует абсолютная верность друг другу.

Другое дело – несправедный Ванька Тигр! О первой, несчастной любви Ивана к Анюше вновь рассказывать нет смысла. На бывшей шаманке Анге Бердышов женился без любви, из чувства благодарности за спасение от смерти. Это Анга любила Ивана, а не он её. И вот в жизни Бердышова вновь появилась настоящая любовь – Дуняша, дочь крестьянина-переселенца Спиридона из села Тамбовка. Иван положил на неё глаз, когда та была ещё девочкой-подростком, часто навещал её отца, привозил девочке подарки и лелеял мечту жениться на Дуняше, когда она подрастёт. Дуня называла Бердышова «дядя Ваня». И вот девочка выросла и превратилась в первую красавицу всего округа.

«Ивану давно уже и сильно нравилась Дуняша. Ещё когда ей было тринадцать лет, а он бывал в Тамбовке у её отца, ему всё хотелось смотреть на неё. Теперь она подросла, ей шёл семна-

дцатый год. Он сам понять не мог, что с ним делалось, когда он её видел. Он всё забывал: жену, семью. Он всё ради неё бросил бы: и дела, торговлю, охоту».

Бердышов никогда не скрывал своих чувств и намерений ни от Дуняши, ни от её отца. Заметив, что девушка стала засматриваться на Илью Бормотова, молодого парня из Уральского, Иван испугался опоздать и в очередной раз признался ей в любви.

«Дуня, ведь ты Илью не любишь, — твердил он своё, — а я тебя люблю! Одумайся да полюби меня. С Ангой я не венчан... Не люблю её! Я в несчастье, погубленный пристал к ним, сам стал гольдом, поднялся, а всю жизнь ждал, что придут поселенцы с Расеи и полюбит меня девица. Так мне и колдовали, предрекли с тобой любовь. У меня шея крепкая, руки дела не боятся. Мне люди говорят, что я всю тайгу захвачу. Было бы для кого! Мне надо ради чего-то жить... Я бы горы своротил — тебе бы всё! Но я всё брошу, и прииски... Зачем мне?»

Казалось, он говорил искренне. Он не жалел богатства.

— Дуня, ну, скажи... Скажи!.. — ласково молвил он. — Почему молчишь? Скажи смело...

— Илюшу люблю, — клоня голову, прошептала она слабо, стыдясь словно, что так жестоко обижает дядю Ваню.

Втайне ей так приятно было слушать все его слова. Но идти за него, за женатого, за приятеля отца, за старого, — ему уже лет тридцать пять, верно, — да что он, смеётся!»

Бердышов всё же официально попросил её руки, и Спиридон, не желая с ним ссориться, согласился, но попросил небольшую отсрочку. Окрылённый Иван уехал по своим делам.

«А Спиридон, проводив Бердышова, подумал: «Поверил Тигр! Но, слава богу, я нашёлся!»

Он сказал дочери:

— Берегись всю жизнь Ивана, он тебя сватал, не постыдился, говорит: полюбил, чуть ли, мол, ещё не выдавши тебя. Как сладко врёт!..»

Спиридону подобный зять пугал, он, как и Егор Кузнецов, не любил богатеев и торговцев и жалел дочке мужа-крестьяни-

на. Жители Тамбовки, как и Уральского, были переселенцами и считали Бердышова чужаком. Таким образом, и на этот раз отец любимой Иваном Бердышовым девушки оказался против их брака. Да и сама Дуняша в то время уже полюбила, как она считала, Илью Бормотова, и Спиридон, обманув Ивана, поспешил, пока того нет, выдать дочь замуж.

«Спиридон души не чаял в зяте. Теперь Иван бессилён, сбит. Спиридон видел, что Илья настоящий охотник, хороший работник, что он будет сильным, разумным мужиком».

Казалось бы, раз этот брак заключён по взаимной любви и согласию, родители молодожёнов были, как говорится, одного круга, почти нищие крестьяне-переселенцы, то Дуняшу с Ильёй ожидает счастливое будущее. Но не сбылось. Что же пошло не так? В чём причина? Дело в личностях всех участников этого любовного треугольника. Личность Ваньки Тигра повторно описывать нет надобности. Рассмотрим два других «угла».

Илюшка Бормотов молодым парнем приплыл на плоту вместе с другими переселенцами, основавшими на берегу Амура село Уральское.

«Это был неутомимый, бойкий парень, чуть постарше Федюшки Кузнецова. Он мог день-деньской ворочать гребни, толкаться шестом, а вечером на стану его доставало затевать борьбу, плавать через протоки, ловить птиц. По утрам, поднимаясь раньше других, он шатался по тайге, свистел по-бурундучьи и, подманивая к себе зверьков, бил их. Где и когда приглядел он это, было неведомо.

Парень был смугл, под густыми тёмными бровями глубоко сидели глаза, скулы торчали, как скобы, — всё это придавало его лицу выражение жестокости, весь он был какой-то тёмный и колючий. Неразговорчивый с детства, он был охотник до всякого дела. Воровал он, заведомо зная, что отец его прийдёт, и делал это не от нужды, а от избытка сил и из удалства, не ведая ещё, какие иные забавы, кроме драк и озорства, заведены для мужиков на белом свете».

В Уральском возмужавший Илья стал лучшим охотником и, как говорится, первым парнем на деревне. Понятно, почему он понравился отцу Дуняши Спиридону, тоже лучшему охотнику, но в Тамбовке, заслужившему прозвище «Лосиная смерть». В Дуняшу Илья влюбился с первого взгляда и долго не мог поверить, что та отвечает ему взаимностью. Да и родители Ильи тоже не могли понять, что нашла в их сыне первая красавица всего округа? Ведь отец мог выдать Дуняшу за парня из богатой семьи, а не из такой нищey, как Бормотовы. Неужели Дуняша и впрямь так сильно влюбилась?

Красавица всегда выглядит ещё более выгодно на фоне невзрачной подружки. У Дуняши есть такая подружка – Татьяна, **«малого роста, коренастая, с лицом широким и смуглым, в ичигах и холщовом платишке»**. И вот эту-то подружку вдруг выдают замуж раньше Дуняши за красивого парня из соседнего поселения, за Фёдора, младшего брата известного на весь Амур Егора Кузнецова! Не её, первую красавицу Тамбовки, а невзрачную подружку почему-то выбрали себе в снохи Кузнецовы. Гордость Дуняши задета, хоть она и не отдаёт в этом себе отчёта. Тамбовские парни бегают за Душяшей табуном, от женихов отбоя нет, красавица уже не раз отвергала притязания Терёшки Овчинникова, сына местного богатого купчика, не желая, чтобы про неё говорили, что она польстилась на богатство. И вдруг верная подружка её обошла, первая отхватила себе завидного мужа!

Дуняша ищет и находит себе достойного, как она считает, жениха. Илья внешне напоминает ей Ваньку Тигра, даже думать о котором в плане любви и замужества Дуне запретил отец.

«Ах, Илюшечка! – подумала она, укладываясь. Ещё зимой с первого взгляда он понравился ей. – В Уральское бы жить поехать! Илья там, и Таня там. И почему бы Илье на мне не жениться? Что я, урод, что ли?.. Обязательно должен, только нам злые люди мешают. Эх, мы бы с Танюхой зажили в Уральском без отцов-то!.. И дядя Ваня там. Такие все хорошие...»

Дуняша считает, что ею движет любовь, но на самом деле она бессознательно стремится к свободе от родительского диктата.

«Здоровые и крепкие, старшие дочери в семьях, девушки-подростки Таня и Дуняша целыми днями работали, как батрачки. Нравы в Тамбовке были суровые, родители ни в чём не давали девкам воли. Только на работу могли они тратить свои молодые силы. Зато много было радости, когда удавалось им убраться с родительских глаз долой».

Конечно, и соперничество между подругами сыграло немалую роль в выборе Дуняши. Муж Татьяны славен лишь тем, что он младший брат Егора Кузнецова, а муж Дуняши – лучший охотник Уральского. Кроме того, выходя замуж за Илью, Дуня испытывала уверенность в том, что влюблённый в неё муж будет плясать под её дудку.

«С детства она приучена была к мысли, что придётся подчиняться мужу и свекрови. В девушках, с тайным невысказанным ужасом думала – кому отдадут. Кому продадут, кому детей рожать? Что придётся терпеть, не знала. Умной девушке трудно. Глупой легче, ждёт, как баран, когда зарежут. Слава богу, отец завлётся охотой и отдал Дуню по любви».

Дуняша, выходя замуж, думала, что с таким мужем, как Илья, она так развернётся, добьётся такого достатка, какой и не снился подруге Тане. И, конечно, дяде Ване покажет, что тот напрасно пытался соблазнить её своим богатством. Но Бердышов не принял её вызов, забрал Ангу с дочкой и переехал из Уральского в Николаевск.

Однако счастливым брак Дуняши с Ильёй не стал. Первым разочаровался в зяте Спиридон.

«Отец Дуни надеялся, что Илья станет ему товарищем на охоте и слава их загремит. Теперь Спиридон недоволен, говорит, что зять сидит под бабьей юбкой и возится со старухами и что его не оторвёшь».

Но и Дуню ждало не меньшее разочарование. Муж оказался безвольным исполнителем воли отца и матери, которым сноха

не могла угодить, что бы она ни делала и как бы ни старалась. А Илья ни слова не говорил в защиту жены.

«Дуняша всё же надеется подобрать к нему ключи. Она знает, Илья привык, зависим от отца по привычке, покорен, цены сам себе не знает».

«Молила Дуня бога. И молила мужа: давай уйдём, отделимся».

А Илья глаза тарачил и молчал. Богатырь он, а слабей бабы, отмалчивается всегда».

Жизнь в доме мужа превратилась для Дуняши в ад. Каждый её шаг обсуждается и осуждается родственниками мужа, а она даже пожаловаться ему не может.

«Дуне негде поговорить наедине с мужем. Кругом толкутся. Илью нельзя отзывать, он не пойдёт, ещё и удивится, зачем, мол, зовёшь, толкуй тут...»

Осталась только одна возможность: ночью в постели, отделившейся от подслушивающих родственников простой занавесочкой, уговорить Илью разделить имущество с родителями и зажить отдельно.

«Я ли не работница... У меня ли не руки, — лился чуть слышный шёпот прямо в ухо Илье, даже щекотно ему. — Нам ли не жить? А всё нам заступлено. Уйдём, давай заживём сами, детям порадуемся и жизни. И друг друга мы не видим, не говорим... Без позволения не живём, шагу не ступим. Хорошо делаешь — им боязно, что я одолею, всё возьму себе. Плохо — как на ленивую батрачку смотрят. Я не угожу никак, и не буду! Ильюшечка, милый...»

Но «первый парень на деревне» оказался не только безвольным мямлей, но и весьма туповатым.

«Илья силится, думает, как быть. Переменить жизнь? Отца-мать не переспоришь. Он непривычен спорить».

И однажды Дуня не выдержала очередного унижения, высказала всё, что думает о родичах мужа и даже пригрозила Илье.

«Вся семья перессорилась в этот день. Все остались в обиде друг на друга».

— Илья! А Илья! Ну, что ты молчишь?.. Смотри, Илья, — вспыхнула Дуняша, оставшись с мужем наедине, — я тебя погублю, ей-богу погублю, если будешь молчать.

Илья ухмыльнулся. Приехал Митька Овчинников и подбивал его ехать в кабак, «под ёлку». Илье надоели домашние споры и раздоры. Угрозу жены он не принял к сердцу. Она ли не заступник его, не первый ли ему друг, холит его, нежит! «Любит, как же погубит меня?» — подумал он и опять ухмыльнулся.

Постоянные ссоры в семье, конечно, не оставляли Илью равнодушным, но выйти из-под власти родителей и зажечь, наконец, самостоятельно у него не хватало силы воли. Илья начал пить и жаловаться на раздрай в семье собутыльникам. А у тех один совет: нечего слушать баб, надо просто поколотить как следует жену, чтобы знала, кто в доме хозяин, чего Илья, конечно, сделать не мог. И он решил пустить всё на самотёк — авось само всё как-нибудь рассосётся.

«Илья подумал, что, пожалуй, на самом деле не стоит так убиваться из-за бабьих ссор.

«Жалко, конечно, Дуню. Ну и что? Разве ей плохо? Разве мы не вместе всегда, разве она не любит меня? Дети у нас теперь здоровы!»

Илья решил, что нечего дома давать потачки, надо быть мужиком. «А я сам как баба, только и боюсь. Мать да жену!»

Слабоволие и начавшееся пьянство мужа всё более разочаровывало Дуню в Илье. Последней каплей, окончательно убившей её любовь, стало то, что муж унизил её, предпочтя пьяный загул с дружками возможности провести пару дней наедине с женой, когда все домашние и дети уехали на другой берег Амура на освящение построенной церкви.

«... Дуня просила Илья: «Побудь со мной. Все уехали, мы одни, голубочек мой, чернявенький мой!»

Но Илья не стал её слушать. А единственный раз можно было побыть наедине, два дня побыть вместе, пока старики и вся семья на миссионерском стане.

«Останься, Илья! — просила Дуня. — Молю тебя!»

Она стала перед ним на колени и обняла их.

А Илью опять ждали в лавке у китайца, близ почтового станка Бельго, в восемнадцати верстах отсюда. Он прошлый раз сгоряча и в досаде пообещал им приехать, когда Дуня не захотела кататься. Илья чувствовал, что получается нехорошо, что либо жену обидит, либо товарищей. Но жена человек свой, никуда-то не уйдёт, она его любит. А перед товарищами будет стыдно, нехорошо отступить от данного слова. Над ним и так ямщики посмеиваются, что он у жены под каблучком.

Илья не слушал Дуняшу и одевался.

«Илья! Илья, ты обидишь меня, — приговаривала она. — Илья, я давно уже терплю, смотри, смотри — худо будет!»

С тем они и расстались. Илья сунул в карман карты...»

Дуняша решила отомстить мужу. А как она могла это сделать? Единственным доступным женщине способом. Когда Илья вернулся домой, жена огорошила его признанием:

«Я больше не хочу тут жить! — сказала Дуняша мужу. — Я тебе изменила.

Илья обмер. Этого он не ожидал. Дикие глаза его загорелись, и он крикнул:

— Делимся!

— Да ты отцу скажи.

— Что там отец! — кричал Ильюшка как от боли. — Делимся, и всё! Сейчас же!

— Как это сейчас? — улыбнулась Дуняша, и лицо её стало тёплым, а Илье от этого стало ещё больней. Он готов был разреваться.

— Куда идти-то? Избы у тебя нет.

— Изба будет живо. Лес есть! — Глаза Ильи сверкали с каждым словом, как пароходные фонари в непогоду с порывами ветра.

— Пока своей не будет, я никуда не пойду. Или уеду в Тамбовку.

— Да ты что?

Илья ещё не знал и не думал, на самом ли деле изменила ему жена или нет. Но всё, что она говорила, казалось ему таким страшным, что он согласен был сделать всё...»

Илья построил избу, но любовь жены вернуть не смог. А когда у Дуняши родился сын, как две капли воды похожий на лучшего друга Ильи, впервые ударил её. А Дуняша всё чаще вспоминала Ивана Бердышова.

«Дуня всегда помнила, как ещё девчонкой однажды подняла её ночью со сна. В избе у Родиона была гулянка, и пели хором и плясали, кто-то играл на бандурке. Иван, вернувшийся с Родионом с Горюна, сильно пил, но пьян не был, как всегда, и потянул вдруг её плясать. А потом...»

А Иван тогда так разгулялся, развеселился, так ожил, что стал шутить с ней, с девчонкой, как с ровней, как с девицей. Он был и красив и удал, ловок. Она помнила, как его качнуло, пьяного, как он потянулся к её шее, и она поняла, что он бы хотел её поцеловать. И ей захотелось испытать этот поцелуй. А он отвёл голову и разогнулся. Сам же Родион тогда крикнул: «Молоденькая, а как ожгла!» В самом деле, сама того не зная, она и его и себя ожгла. А пьяные мужики подогревали её своими шутками. С тех пор она стала многое понимать...»

Только теперь Дуняша поняла, что на самом деле всегда, начиная с того вечера, любила Ивана Бердышова.

«Почему выбрала его? Почему мгновенно ожила от его мельком брошенного взора – он стоил того, чтобы отдать ему свою жизнь.»

Она потом, потом, гораздо позже всё поняла. Большая жизнь её сложилась из этих женских дум в одиночестве. И сейчас казалось, что она всегда только и ждала Ивана, что и не было её четырёх родов, огромной жизни с Ильёй, любви с ним и труда, и счастья у неё не было никогда...»

Егор Кузнецов нашёл в тайге золото, и среди поселенцев началась золотая лихорадка. Илья по настоянию жены уехал на прииск, через какое-то время Дуня решила его навестить. Она хотела оставить детей у матери в Тамбовке, и вдруг

неожиданно в Уральское приплыл на собственном пароходе Иван Бердышов, он и отвёз Дуняшу с детьми в Тамбовку. Разумеется, тамошние мужики решили отметить визит такого гостя. Ивана Бердышова не переставала мучить мечта о Дуняше.

«Я всю жизнь отступаю от того, чего хотел. Что толку, что я помогаю людям? Я не смею делать то, что хочу. А если рискнуть?» – подумал он. Душа защемила от того, что представилось ему. **«Это было бы счастье! Неужели я не могу сделать то, что хочу? Только не надо бояться».**

Иван вновь предложил Дуне бросить Илью и выйти замуж за него. Дуняша, хоть и поняла уже, что давно любит Ивана, никак не могла переломить свою гордыню и наконец принять его предложение. Бердышов всегда выполнял любое желание Дуняши, и она решила ещё раз испытать свою власть над ним, поставив ему жестокое условие своего ухода к нему. Во время гулянки в избе Родиона Дуняша переиграла сцену танца с Иваном, которую не могла забыть с детства, но изменила её концовку.

«Подымая оба плеча, как бы ещё не отойдя от сна и поёживаясь, Дуня взглянула на Ивана. Она хотела взглянуть, как тогда, просто, но синяя молния ударила из её глаз и обожгла сухое дерево.

– Эх, Дуня, ягода моя! – поднялся Иван, как на пружине, и прошёлся перед ней, разведя руками.

Дуня засмеялась и, разводя руками концы шали, мягко поплыла в плавном танце.

– Я за то люблю Ивана, – горячо пропела она, останавливаясь около него, – да, голова его кудрява...

– Э-эх-ма-а! Забайкальские казаки... – воскликнул Иван.

Дуня подошла к столу и выпила стакан водки.

– Зови девок, девчонок ли, пусть поют! – кричал Родион.

Все пили и кричали и никто не обращал внимания друг на друга. Появилась гармонь. Дуня пела и опять плясала с Иваном. Потом они сидели на лавке у двери. У лампы кричали и спорили мужики. На Ивана и Дуню не смотрели, их не видели или, может быть, видели, но ей это было всё равно. Она обняла

и поцеловала Ивана и стала долго целовать его и не позволяла повернуть ему голову.

– Уйдём со мной, – просил он. – Уйдём!

Она молчала.

– Уйдём на пароходе. Теперь уйдём...

– Я тебя люблю и всегда любила.

– Уйдём...

– Что же тогда? Брось богатство, дядя Иван, тогда уйду... Ты был наш и будь наш. Что же я опозорюсь, на богатство польщусь.

– Что тебе это богатство...

– Ты не со мной наживал.

– Брошу всё!

– Нет... Нельзя лукавить. Ты врешь!

– Пойдём...

– Нет, ты меня погубишь...»

Легко сказать: «брось богатство, не со мной наживал». В очередной раз начать с нуля? Бердышов уже не молод, и Дуня не одна – у неё дети, которых поднимать придётся Ивану, а как это сделать, бросив богатство? Вместе с богатством будут потеряны доверие и авторитет, купцом и золотопромышленником Бердышову тогда вновь не стать. Пойти землю пахать, охотничать? Он уже пробовал. Хоть и был моложе, богатства такими способами не нажил. Зачем Дуня поставила такое условие?

«Я ушла бы открыто», – вспомнил он её слова.

«Неужели вся эта красота будет со мной?» – «Я буду с тобой. Невенчана. От Ильи уйду, скажу ему сама в глаза». – «Лучше бы я сказал», – отвечал Иван. «Нет, он тебя убьёт. Но я его могу убить... А без тебя не будет жизни мне. Кому погибать? Я тебя всегда боялась... Я знаю, что сделаю, и знаю, что закон преступлю... Теперь всех учат, что грех не так велик. Я грамотная, я думала сама и слыхала...»

И Бердышов решился! Бросил все дела, пароход и нагнал Дуню на полпути к прииску, нашёл в охотничьей избушке, где она остановилась на ночь.

«Тихо горели дрова. Дуня стояла над постелью как бы в нерешительности.

Дверь запахнулась и хлопнула, словно от сильного ветра. В зимовье вошёл Иван.

Дуня обняла его, её горячие руки скользнули по его тяжёлой мокрой одежде. Она поцеловала его и, расстёгивая пуговицы, прильнула к его груди, и опять стала целовать горячо. Мгновениями она с удивлением рассматривала его лицо, словно никогда не видела его.

— А где же твой пароход?

— Я всё бросил! Как ты велела. Нету у меня парохода. Я молодой, бедный. Никакого языка, кроме гуранского, не знаю. Я вольный охотник...

Он быстро сорвал с себя плащ и куртку, бросил шапку.

— Пока ты росла, я ждал, как охотник... Добаловался до богатства... А теперь — опять к тебе! На лодке, один. Я тебя нашёл, нашёл... Мне, кроме тебя, никого и не надо!

— Если бы ты был бедный! — зажмурившись от восторга, сказала Дуня и отступила. — Ах, если бы!

Дуня и Иван спали обнявшись под тяжёлым меховым одеялом.

— Я, как собака, много лет хожу за тобой, — говорил он ночью. — И доходился».

Иван вновь предлагает Дуне стать его женой. Отказ от богатства кажется ему глупым капризом. Но Дуне по-прежнему хочется настоять на своём, «сбить с него спесь», показать, что она не из тех, кто льститься на богатство.

«Не думай, Иван, что я рот разину на богатство, — подумала она, — я сама золото мыла, гребла его с бугар, умею торговаться и сбивать спесь с людей... Я сказала Илье, что не люблю его... Да и зачем я ему?»

— Если бы ты был охотник? — снова говорила она ему под утро. — Я не хочу думать, что ты богач... Ваня! Нет, ты приехал с Горюна — и весна, а не осень... Ты вошёл — и нет осени... Оставь всё — я уйду с тобой на край света.

— Я бы отдал всё Илье.

— Отдай! — с восторгом и крепко обнимая его, воскликнула она, уже зная где-то в самой глубине души, что и она и он лгут. Но она будет любить его ещё крепче, вечно. И он её не забудет теперь никогда. Она знала это и чувствовала, что начинается буря, что ни он, ни она не остановятся...

Зачем Дуня, уже став любовницей Ивана, продолжает настаивать на своём невыполнимом условии? Ею руководит гордыня! Она хочет показать всем, что это она покорила Ваньку Тигра, а не он её.

«Иван! Да с ним весь свет будет её. Нет, ей не надо... Сегодня у неё есть то, о чём она не смела мечтать. Но, видно, сильно желала этого ещё раньше, на своей заре играя с ним. Она хотела сразиться с ним, таёжным царём, великаном ума, силы, богатства, смелости — с тигром».

Победа Дуняши была близка, но тут полиция нагрянула на нелегальный прииск Егора Кузнецова. Самому Егору, его сыну Василию и другим «вольным старателям» из Уральского и Тамбовки грозила тюрьма и каторга. Василий Кузнецов объявил себя и часть старателей работниками Ивана Бердышова. Дескать, они просто искали новые месторождения и к «хищникам» не имеют никакого отношения. Иван был вынужден либо подтвердить версию Василия Кузнецова, либо опровергнуть. В первом случае он спасал своих друзей и знакомых, в числе которых находился и муж Дуняши Илья, приобретая в качестве приза ещё один золотоносный прииск. Во втором выполнял условие Дуняши и вместе с богатством терял всех друзей. Да и останется ли с ним Дуня, если посадят Илью, большой вопрос! Иван Бердышов всегда помогал людям, не смог он и в этот раз свои личные интересы поставить на первый план.

«На Ивана обрушились сразу две заботы. У него появился новый прииск, быстрее, чем он предполагал. Погиб Илья. Оба эти происшествия сильно заботили Ивана. Он чувствовал, что ещё миллион сам шёл в карман... А она говорила: „Если бы ты был беден...“ Всё делалось наоборот... Казалось бы, и миллиона

не жалко... Иван сам себя чувствовал запутанным в свои же дела, как в силки. Всегда он был хозяином дела, он гнал его, а теперь получалось всё наоборот, дело гнало его».

Да, Илья погиб. Тоскуя по жене, он не стал ждать, когда Бердышов добьётся освобождения арестованных старателей, попытался бежать и был застрелен полицейским охранником. Дуня получила два удара одновременно: Иван вынужденно отверг её условие, став при этом ещё богаче, и муж погиб, как она считала, по её вине. Дуня замкнулась в себе, отгородилась от людей и наотрез отказалась пускать в избу Ивана, хоть и родила впоследствии от него сына. Гордыня Дуни продолжила губить не только её саму, но и калечить судьбы детей, вынуждая их жить в нищете и тяжёлом труде.

«Она работает как мужик. Охотиться умеет, может медведя убить! Лес рубит, дрова заготовливает! Рыбу ловит, парень у неё теперь уже большой, помогает ей. Она всё сама умеет. Она как мужик... Баба – мужик!»

Вот такие «унылые» и «лишённые психологической глубины» книги написал Николай Задорнов. Я рассказал только о четырёх персонажах дилогии, а их там десятки! И у каждого свой колорит, своя судьба.

В 1997 году дальневосточный писатель Всеволод Сысоев в одном из выступлений по поводу сооружения в Хабаровске памятника Николаю Задорнову сказал: **«Редко кому удаётся написать вечную книгу, которая переиздаётся во всём мире. Николай Павлович такую книгу написал, это „Амур-батюшка“ – лучшая книга об Амуре».**

БАРЬЕР СЧАСТЬЯ, ИЛИ ИСПЫТАНИЕ ЛЮБОВЬЮ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РАФАЭЛЯ САБАТИНИ И ИВАНА ТУРГЕНЕВА

Проблема любви, счастливой или несчастной, всегда была неустаревающей темой писателей всех времён и народов. Народные сказки и легенды тоже не обошли эту тему стороной. Мне хотелось бы сравнить два подхода к реализации темы любви в произведениях Ивана Тургенева и Рафаэля Сабатини.

Мой выбор может показаться странным: как можно сравнивать историко-приключенческие романы малоизвестного в России европейского автора с произведениями признанного классика русской литературы? Но я попробую.

Итак, начну с менее известного и именитого писателя. Рафаэль Сабатини родился 29 апреля 1875 года в старинном итальянском городке Ези, возле Анконы, и был сыном англичанки и итальянца. Получил образование в Швейцарии и Португалии, после чего поселился в Англии. Первый роман, «Рыцарь таверны» (The Tavern Knight), вышел в свет, когда Сабатини было 29 лет. Известность пришла к писателю в 1921 году, после публикации романа «Скарамуш» (Scaramouche), повествующем о времени Великой Французской революции. Книга стала международным бестселлером. Ещё больший успех получил роман «Одиссея капитана Блада». По произведениям Сабатини ставили пьесы, снимали фильмы, в том числе в СССР.

Конечно, Рафаэль Сабатини писал так называемое развлекательное чтиво, думать там особо не над чем, что, впрочем, столь же верно в отношении творчества более известного читателям французского писателя Александра Дюма. Однако, если Дюма в своих романах довольно вольно обращался с историче-

скими реалиями, то Сабатини прежде чем приступить к написанию очередного произведения тщательно изучал все доступные ему первоисточники: исторические хроники, мемуары, письма, книги по истории и даже художественные произведения того времени, чтобы погрузиться, как он писал, «в живую реальность прошлого». Сабатини считал, что историк-романист должен изучить изображаемый им период с такой тщательностью, чтобы чувствовать себя в нём как дома. Но если он знает своё писательское ремесло, писал Сабатини, то не станет загромождать рассказ приобретёнными знаниями, а лишь наполнит и осветит ими своё повествование. В исторических романах, тем более приключенческого характера, правда и авторский вымысел могут находиться в самых разных соотношениях.

Точно так же над своими произведениями работал известный русский писатель Валентин Пикуль. Но это единственное сходство между Пикулем и Сабатини. Русский патриот Пикуль писал об исторических событиях и выдающихся деятелях России, а «итало-англичанин Сабатини на историческом фоне различных стран Европы, Америки и Северной Африки рассказывал практически одну и ту же историю любви, пусть и с разными героями, но обязательно с головокружительными приключениями.

Все романы Рафаэля Сабатини созданы по единому шаблону, вне зависимости от темы, места действия и времени. Кто бы ни был главный герой (пират, фаворит короля, богач или авантюрист), он обязательно влюбляется в прекрасную внешне девушку, имеющую некий недостаток в характере или проблему в жизни, что приводит к массе невероятных препятствий на пути к их взаимной любви и счастью. Но всё кончается для влюблённых хорошо. Вот эта борьба главного героя с проблемами, созданными любимой девушкой, и составляют основное содержание романов Сабатини. Надо признать, что автор прекрасно справляется со своей работой, читать его книги интересно, с ними отдыхаешь и получаешь удовольствие от мастерски закрученного сюжета и головокружительных приключений героев. Приведу несколько примеров.

РОМАН «КОЛУМБ»

Главный герой, Христофор Колумб, прибывает в Испанию, чтобы добиться от королевы Изабеллы и короля Фердинанда финансирования морской экспедиции на поиски западного пути в Индию. У Колумба в качестве аргументов имеются карта мира с предполагаемым маршрутом экспедиции и подтверждающее её правильность письмо Паоло дель Поццо Тосканелли, самого знаменитого математика и физика того времени.

План Колумба открыть западный путь к Индиям совершенно не устраивает венецианского дожа Барбариго. Что станет с богатством и могуществом Венеции, построенными и сохраняемыми монополией на торговлю с Востоком, которая идёт через венецианские рынки? И тут на сцене появляется красавица Беатрис Энрикес де Арана, исполнительница испанских песен и танцев, известная как Ла Хитанилья. У этой красавицы имеется только один недостаток — её никчёмный, но горячо любимый и старательно опекаемый брат Пабло де Арана.

Беатрис «покинула Испанию, уступив настойчивым просьбам брата. Он попал в беду. Убил человека в Кордове. И ему не осталось ничего другого, как бежать из Испании. Она любила брата, знала, как он слаб и беспомощен. Кроме того, в Испании её ничего не удерживало, и она согласилась уехать с ним. Она рассчитывала, что своим талантом сможет прокормить их обоих. Год назад они прибыли в Геную, и с тех пор она пела и танцевала в Милане, Павии, Бергамо, пока не оказалась в Венеции».

В Венеции Пабло попадает на краже. Ему грозит отсечение руки или ссылка на галеры. Дополнительно обвинив Пабло в шпионаже на Милан, за что того могут просто задушить палачи инквизиции, дож Венеции ставит Беатрис перед выбором: казнь Пабло или соблазнение ею Колумба с последующей кражей у того карты и письма Тосканелли.

Одно не учёл дож Венеции: взаимную любовь, возникшую между Колумбом и Беатрис. Влюблённые преодолеют множество преград, прежде чем им удастся соединиться.

Следующие примеры я не буду рассматривать столь подробно.

«БАРДЕЛИС ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ»

Марсель де Сент-Пол, маркиз де Барделис, фаворит короля Франции Людовика XIII, один из самых богатых дворян Франции, двадцативосьмилетний красавец, любимец женщин, искусный фехтовальщик и кутила, заключает пари, что женится на юной красавице Роксалане де Лаведан. В любовь Барделис Великолепный не верит, но весь его опыт общения с придворными красотками внушает маркизу уверенность в победе. Однако реальность меняет не только убеждения Марселя, но и полностью изменяет его личность. Барделис влюбляется в Роксалану с первого взгляда, и та отвечает ему взаимностью. Но на пути их счастья, как водится в романах Сабатини, встают непреодолимые препятствия.

Во Франции в разгаре гражданская война, и в Лангедоке, где живёт в своём замке семья де Лаведан, бушует восстание под предводительством герцога де Монморанси. Здесь фавориту короля грозит немедленная смерть, если он попадёт в руки бунтовщиков. Виконт де Лаведан, отец Роксаланы, принадлежит к партии герцога и заочно ненавидит фаворита короля Барделиса Великолепного, а дочь, конечно же, разделяет убеждения отца. Словом, влюблённым придётся пережить множество приключений на пути к счастью.

«ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА»

Молодой красавец-аристократ Марк-Антуан Вильерс де Меллевилль, виконт де Сол и пэр Франции, владелец крупных поместий в Англии и во Франции, прибывает в Венецию в качестве тайного агента английского министра Вильяма Питта. Он действует под маской агента французской Директории Камиля Лебея. Попутно Марк-Антуан планирует уладить и личное дело.

Он давно влюблён в красавицу Изотту, дочь венецианского графа Пиццамано. Девушка отвечает ему взаимностью, и Марк-Антуан намерен просить её руки.

Но на пути к этому счастливому браку возникают практически непреодолимые препятствия. Ведь официально виконт де Сол числится казнённым три года назад в Париже в числе многих французских аристократов, отправленных революционным правительством на гильотину. Европа охвачена войнами, Наполеон покоряет Италию, письма не доходят до адресатов. Оплавав смерть любимого, Изотта дала согласие выйти замуж за венецианского обедневшего аристократа Леонардо Вендрамина. Честь и политические интересы не позволяют графу Пиццаману расторгнуть помолвку дочери. Но пройдя череду смертельных приключений влюблённые в конце концов соединятся.

Я мог бы привести и другие примеры, но думаю, что достаточно. Можно открывать любой роман Сабатини — схема его построения та же. Но это ничуть не уменьшает их занимательность и притягательность. Попутно читатель получает достоверную картину исторических событий и живые портреты знаменитых деятелей прошлого.

Романы Ивана Тургенева в большинстве своём тоже построены по одному шаблону. Как и у Сабатини герой и героиня влюбляются друг в друга, и на пути к совместному счастью у них возникают различные препоны. Но герои книг Тургенева абсолютно не похожи на героев книг Сабатини. Мужчины, внешне хоть и привлекательные, полностью лишены какой-либо твёрдости характера и беспомощны перед волей женщин, не способны отстаивать свои интересы или хотя бы собственное мнение. Эти бесхребетные представители мужского пола не способны бороться за свою любовь, преодолевать препятствия на пути к счастью и при этом губят не только себя, но часто и своих близких.

В литературоведении существует термин «тургеневская девушка». Считается, что это образ духовно сильной и необъяснимой женщины-загадки. Честно говоря, не вижу особого отличия от женских образов в романах других авторов, современников

Ивана Тургенева. Сильными тургеньевские девушки кажутся лишь на фоне абсолютно слабых духом мужчин. И какая загадка может быть в женщине, биографию которой автор в подробностях описывает чуть ли не с младенчества, а мысли и чувства её не являются тайной для читателя?

Женщины в книгах Тургенева тоже не вызывают восхищения. Они решительнее и инициативнее мужчин, но это, как правило, сопровождается сильнейшим эгоизмом или комплексом предрассудков, что и преобразует достоинство в недостаток. Поэтому в произведениях Тургенева счастливый конец невозможен, а основные персонажи у современного читателя вызывают раздражение, если не презрение, сочувствовать им не получается.

Итак, перейду к примерам.

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Русский помещик Фёдор Лаврецкий неудачно женился на девушке, которая ему совершенно не подходила. Варвара внешне была весьма красива и оказалась рачительной хозяйкой. У них родился сын, но прожил недолго, и по совету врачей Лаврецкий повёз жену за границу, «на воды».

«Лето и осень они провели в Германии и Швейцарии, а на зиму, как оно и следовало ожидать, поехали в Париж. В Париже Варвара Павловна расцвела, как роза».

Полностью оправившись после смерти ребёнка, жена Фёдора Лаврецкого целиком погрузилась в череду непрерывных развлечений, и в конце концов муж уличил её в измене. Лаврецкий не стал решать проблему кардинально и начинать бракоразводный процесс. Он даже не осмелился лично встретиться с женой и ограничился кратким письмом, в котором предоставил Варваре полную свободу и достаточное денежное содержание, после чего несколько лет путешествовал по Европе. А ведь Варваре Павловне во время разрыва отношений с мужем оставалось несколько месяцев до родов! Она родила девочку, которую на-

звала Адой, и уже открыто повела скандальный образ жизни, о чём даже стали писать европейские и российские газеты и журналы. Но Фёдор Лаврецкий и теперь не воспользовался этим обстоятельством для оформления развода с распутной женой и даже не попытался отобрать у Варвары дочь, чтобы вырвать ребёнка из развращающей среды. Он просто вернулся в Россию в своё захудалое имение.

Но это всё была предыстория. Основная трагедия Фёдора Лаврецкого произошла на родине. Навещая родственницу, Марию Дмитриевну Калитину, Лаврецкий познакомился с её девятнадцатилетней дочерью Лизой. Он влюбился в девушку и даже расстроил её помолвку с завидным женихом, потому что Лиза тоже полюбила Фёдора.

Но даже теперь Лаврецкий не делает ничего, чтобы официально расторгнуть брак с Варварой и с чистой совестью сделать предложение Лизе. Хуже того, к нему неожиданно возвращается из-за границы жена и просит её простить и официально признать трёхлетнюю дочь Аду. А Лаврецкий буквально за несколько часов до её приезда объяснился в любви с Лизой! Казалось бы, хоть теперь-то Лаврецкий должен, наконец, проявить твёрдость и начать бракоразводный процесс, но нет! Он решает просто отослать жену на жительство в лучшее из двух своих имений и даже увеличить её денежное содержание, а самому окончательно поселиться в другом, оставив мечты о семейном счастье с Лизой.

«– Как бы то ни было – вы всё-таки, к сожалению, моя жена. Не могу же я вас прогнать... и вот что я вам предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться в Лаврики, живите там; там, вы знаете, хороший дом; вы будете получать всё нужное, сверх пенсии...»

А что же Лиза? В отличие от безвольной тряпки – Лаврецкого, эта девушка обладает сильным характером, но и она не пытается бороться за личное счастье. Проблема в том, что Лиза фанатично религиозна, а потому требует, чтобы Лаврецкий простил жену и возобновил свой брак.

«– Я знаю, – продолжала Лиза, как будто не расслушав

его, — она перед вами виновата, я не хочу её оправдывать; но как же можно разлучать то, что бог соединил?»

Лиза призывает Лаврецкого покориться судьбе.

«— Нам обоим остаётся исполнить наш долг. Вы, Фёдор Иванович, должны примириться с вашей женой.

— Лиза, ради бога, вы требуете невозможного. Я готов сделать всё, что вы прикажете; но теперь примириться с нею!.. Я согласен на всё, я всё забыл; но не могу же я заставить своё сердце... Помилуйте, это жестоко!

— Я не требую от вас... того, что вы говорите; не живите с ней, если вы не можете; но примиритесь, — возразила Лиза и снова занесла руку на глаза. — вспомните вашу дочку; сделайте это для меня.

— Хорошо, — проговорил сквозь зубы Лаврецкий, — это я сделаю, положим; этим я исполню свой долг. Ну, а вы — в чём же ваш долг состоит?

— Про это я знаю».

Лиза постриглась в монахини в одном из отдалённых краёв России. Вот так закончилась любовь Фёдора Лаврецкого и Лизы Калитиной, а ведь их совместное счастье было вполне возможно!

Лаврецкого и Лизу хочется раздавить, как гнид! Первый — безвольная размазня, идиот и сволочь, погубивший не только себя, но и собственную дочь, которой распутная мать прочит в будущем судьбу содержанки. Вторая — упёртая религиозная дура! Бога она любила больше, чем Фёдора Лаврецкого. А ведь могли бы вместе жить долго и счастливо.

«ВЕШНИЕ ВОДЫ»

Русский помещик Дмитрий Санин возвращался домой из путешествия по Европе.

«Дело было летом 1840 года. Санину минул 22-й год, и он находился во Франкфурте, на возвратном пути из Италии в Россию».

«Надо ж, однако, сказать несколько слов и о самом Санине.

Во-первых, он был очень и очень недурён собою. Статный, стройный рост, приятные, немного расплывчатые черты, ласковые голубоватые глазки, золотистые волосы, белизна и румянец кожи — а главное: то простодушновесёлое, доверчивое, откровенное, на первых порах несколько глуповатое выражение, по которому в прежние времена тотчас можно было признать детей степенных дворянских семей, «отецких» сыновей, хороших баричей, родившихся и утучненных в наших привольных полустепных краях; походочка с запинкой, голос с пришепёткой, улыбка, как у ребёнка, чуть только взглянешь на него... наконец, свежесть, здоровье — и мягкость, мягкость, мягкость, — вот вам весь Санин. А во-вторых, он и глуп не был и понабрался кое-чего. Свежим он остался, несмотря на заграничную поездку: тревожные чувства, обуревавшие лучшую часть тогдашней молодёжи, были ему мало известны».

Зайдя в «Итальянскую кондитерскую Джиованни Розелли», чтобы выпить стакан лимонаду, Санин увидел девушку лет девятнадцати.

«Он в жизни не видывал подобной красавицы.

Нос у ней был несколько велик, но красивого, орлиного ладу, верхнюю губу чуть-чуть оттенял пушок; зато цвет лица, ровный и матовый, ни дать ни взять слоновая кость или молочный янтарь, волнистый лоск волос, как у Аллориевой Юдифи в Паллаццо-Питти, — и особенно глаза, тёмно-серые, с чёрной каёмкой вокруг зениц, великолепные, торжествующие глаза».

Это была дочь хозяйки кондитерской Джемма. Разумеется, Санин немедленно влюбился в красавицу. Та вскоре тоже полюбила его. Но у Джеммы есть два недостатка: во-первых, жених Карл Клубер; во-вторых, мать Джеммы, фрау Леноре, твёрдо желающая выдать дочь за богатого немецкого коммерсанта, потому что её кондитерская после смерти мужа стала убыточной.

Влюблённый в Джемму Санин не делает никаких попыток объясниться с ней и уж тем более отбить её у жениха. Более того, он даже по просьбе фрау Леноре пытается уговорить де-

вуху поскорее выйти замуж за богача Клюбера, чтобы спасти от разорения семью. Санин безвольно плывёт по течению, и девушка берёт дело в собственные руки. Богач Клубер получил решительный отказ. Санин принуждён Джеммой к решительному объяснению, признанию в любви и становится новым женихом Джеммы. Он счастлив, но отдаёт инициативу по дальнейшему устройству их с Джеммой жизни в руки будущей тещи. Та решительно не хочет покидать Германию, расставаться с дочерью и по-прежнему желает спасти от банкротства свою кондитерскую. И Санин покорно пытается выполнить чужую волю, предлагая совершенно идиотские планы действий.

«– Можно будет определиться по дипломатической части, – подхватил Санин, – у меня есть некоторые связи... Тогда служба происходит за границей. А то вот ещё что можно будет сделать – и это гораздо лучше всего: продать имение и употребить вырученный капитал на какое-нибудь выгодное предприятие, например, на усовершенствование вашей кондитерской.

Санин и чувствовал, что говорит нечто несообразное, но им овладела непонятная отвага!»

Санин находит в соседнем немецком городке покупателя, согласного немедленно приобрести его имение в России. Он прощается с Джеммой всего на день-два, чтобы съездить в соседний город и оформить сделку. Но покупателем оказывается молодая женщина.

«Мария Николаевна Полозова, урождённая Колышкина, была очень замечательная особа. И не то, чтобы она была отъявленная красавица: в ней даже довольно явственно сказывались следы её плебейского происхождения. Лоб у ней был низкий, нос несколько мясистый и вздёрнутый; ни тонкостью кожи, ни изяществом рук и ног она похвалиться не могла – но что всё это значило? Не перед „святыней красоты“, говоря словами Пушкина, остановился бы всякий, кто бы встретился с нею, но перед обаянием мощного, не то русского, не то цыганского цветущего женского тела... и не неволью остановился бы он!»

И всего за два дня Мария Полозова на пари с мужем Ипполитом Сидоровичем смогла не только соблазнить влюблённого в Джемму Дмитрия Санина, но и превратить того в своего покорного раба! Санин не вернулся во Франкфурт к Джемме, а поехал с Полозовыми в Париж. Через много лет, уже стариком, Санин так и не мог понять, почему он променял любовь на позор и низменную страсть.

«Он вспомнил дрянное, слезливое, лживое, жалкое письмо, посланное им Джемме, письмо, оставшееся без ответа. Явиться к ней, вернуться к ней — после такого обмана, такой измены — нет! нет! На столько совести и честности осталось ещё в нём. К тому же он всякое доверие потерял к себе, всякое уважение: он уже ни за что не смел ручаться. Санин вспомнил также, как он потом — о, позор! — отправил полозовского лакея за своими вещами во Франкфурт, как он трусил, как он думал лишь об одном: поскорей уехать в Париж, в Париже как он, по приказанию Марьи Николаевны, подлаживался и подделывался к Ипполиту Сидорычу — и любезничал с Донгофом, на пальце которого он заметил точно такое же железное кольцо, какое дала ему Марья Николаевна!!! Потом пошли воспоминания ещё хуже, ещё позорнее...»

Жизнь Санина была разрушена, он хоть к старости и разбогател, но так и не женился. А что же Джемма? У той всё в порядке. Она вышла замуж за американского негодяя Иеремию Слокома. Тот, в отличие от Санина, не пошёл на поводу у глупой фрау Леноре, не стал рушить собственный бизнес в бессмысленной попытке спасти от разорения захудалую кондитерскую, а решительно увёз жену в Нью-Йорк. Через тридцать лет после разлуки Санин написал, наконец, Джемме покаянное письмо и получил ответ.

«Всё письмо было очень ласково и просто. Джемма благодарила Санина за то, что он не усумнился обратиться к ней, что он имел к ней доверие; не скрывала от него и того, что она точно после его бегства пережила тяжёлые мгновенья, но тут же прибавляла, что всё-таки считает — и всегда считала — свою

встречу с ним за счастье, так как эта встреча помешала ей сделаться женою г-на Клубера и таким образом, хотя косвенно, но была причиной её брака с теперешним её мужем, с которым она живёт вот уже двадцать восьмой год совершенно счастливо, в довольстве и изобилии: дом их известен всему Нью-Йорку. Джемма извещала Санина, что у ней пять человек детей — четыре сына и одна восемнадцатилетняя дочь, невеста, фотографию которой она ему посылает, так как она, по общему суждению, весьма похожа на свою мать. Печальные вести Джемма приберегла к концу письма. Фрау Леноре скончалась в Нью-Йорке, куда она последовала за дочерью и зятем, — однако успела порадоваться счастьем своих детей, помянуть внучат...»

Как видите, в письме Джеммы нет ни слова о любви! Ни к Санину, ни к мужу. Санина Джемма благодарит не за первое чувство любви, а лишь за то, что тот явился причиной разрыва помолвки с трусливым и высокомерным Клубером, который в конце концов разорился и плохо кончил. А любила ли Джемма Санина или тот просто в силу случайных обстоятельств показался ей тем «рыцарем на белом коне», о котором мечтают девушки? Видимо, если бы Санин сразу пресёк глупые претензии фрау Леноре и увёз Джемму в Россию, они тоже смогли бы прожить в его имении не менее счастливо, чем в Америке. Но для Тургенева подобная концовка немыслима. В России счастливая жизнь, по мнению западников, невозможна в силу «варварства» и «лени» русских, и роман Тургенева «Вешние воды» кончается тем, что Санин **«продаёт все свои имения и собирается в Америку»**.

Можно рассмотреть и другие романы Ивана Тургенева, результат будет тот же: безвольные мужчины, не желающие бороться за любовь и кончающие свою никчёмную жизнь в одиночестве и печали; волевые «тургеньевские девушки», судьба которых тоже незавидна; восхваление европейских порядков и осуждение российских, очернение русского народа и огульное перенесение отдельных негативных примеров его быта на всю русскую нацию.

Герои книг Рафаэля Сабатини дают примеры мужества, стойкости, упорства в достижении поставленной цели и верности в любви. Возникает вопрос: чему могут научить российских школьников персонажи (героями их сложно назвать) романов Ивана Тургенева? Усилиями литературоведов сложилось мнение, что Тургенев в своих романах описывал трагедию так называемых «лишних людей». Эти персонажи поначалу полны энтузиазма и желания что-то сделать для улучшения русского общества или по крайней мере жизни и труда собственных крепостных крестьян, но в итоге так ничего и не делают. Принято считать, что в этом виновато русское самодержавие и пресловутое «варварство» русского народа, и эту точку зрения навязывают российским школьникам со времён критических статей Белинского и Писарева вплоть до сегодняшних дней. Но человек, являющийся по сути безвольной тряпкой, «облаком в штанах» по меткому выражению Владимира Маяковского, не способен на практические действия вне зависимости от общественного строя и степени просвещения народа, его окружающего. Об этом устами Евгения Базарова в романе «Отцы и дети» сказал сам Иван Тургенев:

«А я всё-таки скажу, что человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и когда ему эту карту убили, раскис и опустил до того, что ни на что не стал способен, такой человек — не мужчина, не самец».

Все «лишние люди» из романов Тургенева, не выдержав испытания любовью к «тургеньевской женщине», ломаются и теряют уважение окружающих. Они и в собственных глазах не мужчины. Не сумев устроить собственное счастье, как они могут браться за улучшение более глобальных судеб государства и народа? Но критикам-западникам и, видимо, самому Тургеневу правильнее и приятнее было винить в личной трагедии никчёмных «лишних людей» русский народ и российское государство.

Самое неприятное в произведениях Ивана Тургенева то, что как истый западник он отдельные человеческие пороки и недостатки характера распространяет на всю русскую нацию, исклю-

чая небольшую часть «лучшей молодёжи», то есть поклонников «западных ценностей».

Вот пара примеров такого мнения в романе «Вешние воды».

«Эмиль... спросил Санина, может ли он ещё немного у него остаться.

— Оставайтесь! Вы мне нисколько не мешаете, — воскликнул немедленно Санин, который, как всякий истый русский, рад был ухватиться за первый попавшийся предлог, лишь бы не быть самому поставлену в необходимость что-нибудь делать».

Фрау Леноре спрашивает Санина:

«— Вы говорите: продать имение. Но как же вы это сделаете? Вы, стало быть, и крестьян тоже продадите?»

Санина точно что в бок кольнуло. Он вспомнил, что разговаривая с г-жой Розелли и её дочерью о крепостном праве, которое, по его словам, возбуждало в нём глубокое негодование, он неоднократно заверял их, что никогда и ни за что своих крестьян продавать не станет, ибо считает подобную продажу безнравственным делом.

— Я постараюсь продать моё имение человеку, которого я буду знать с хорошей стороны, — произнёс он не без заминки, — или, быть может, сами крестьяне захотят откупиться.

— Это лучше всего, — согласилась и фрау Леноре. — А то продавать живых людей...

— Barbari! — проворчал Панталеоне...»

Санин стыдится своей родины, покорно сносит то, что какой-то нищий итальянский приживальщик называет в его присутствии русских, а значит и самого Санина, варварами! Но ведь это происходит в то же время, когда в Америке вовсю процветает рабство, но вряд ли фрау Леноре и Пантелеоне осмелились бы назвать в лицо американца Иеремию Слокума варваром, хоть тот скорее всего не являлся, в отличие от Санина, дворянином. Рабство в Америке и крепостное право в России были отменены практически одновременно.

Подобными примерами «варварства» русской жизни и призывами устами персонажей переделать Россию на европейский

манер наполнены и другие произведения Ивана Тургенева. Вот несколько примеров из романа «Отцы и дети», который российские дети вынуждены изучать в школе на уроках литературы.

«Однажды, года три тому назад, ему пришлось ночевать на постоялом дворе в отдалённом уездном городе. Его приятно поразила чистота отведённой ему комнаты, свежесть постельного белья. „Уж не немка ли здесь хозяйка?“ – пришло ему на мысль; но хозяйкой оказалась русская, женщина лет пятидесяти, опрятно одетая, с благообразным умным лицом и степенною речью».

Или вот ещё одна подобная фраза:

«Молодой слуга в ливрее ввёл обоих приятелей в большую комнату, меблированную дурно, как все комнаты русских гостиниц».

То есть, Тургенев мимоходом внушает читателю, что опрятность и удобство в быту не свойственны русским людям и являются приятным исключением. Неужели Тургенев и о себе придерживается такого же мнения или он не считает себя русским? В тексте романа есть такой диалог между Евгением Базаровым и Аркадием Кирсановым:

«– Я начинаю соглашаться с дядей, – заметил Аркадий, – ты решительно дурного мнения о русских.

– Эка важность! Русский человек только тем и хорош, что он сам о себе прескверного мнения».

Устами нигилиста Базарова Тургенев озвучивает мысль, что хороший русский – это тот, кто ругает всё русское и российское. И этого образа мысли российские либералы-западники придерживаются до сих пор! А что удивляться? Ведь этому их учат в российских школах. Конечно, образ нигилиста Базарова весьма карикатурен. Даже явный западник и англофил Павел Кирсанов возмущён радикальными высказываниями и поведением Базарова.

«– Нет, вы не русский после всего, что вы сейчас сказали! Я вас за русского признать не могу.

– Мой дед землю пахал, – с надменною гордостью отвечал Базаров. – Спросите любого из ваших же мужиков, в ком

из нас — в вас или во мне — он скорее признает соотечественника. Вы и говорить-то с ним не умеете.

— А вы говорите с ним и презираете его в то же время.

— Что ж, коли он заслуживает презрения!»

В этом и кроется основная проблема русских либералов-западников, они презирают и не понимают тот народ, о благе которого якобы пекутся. А народ в ответ презирает их, а потому все попытки переделать российские порядки на европейский манер постоянно терпят крах.

«Иногда Базаров отправлялся на деревню и, подтрунивая по обыкновению, вступал в беседу с каким-нибудь мужиком. «Ну, — говорил он ему, — излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнётся новая эпоха в истории, — вы нам дадите и язык настоящий, и законы». Мужик либо не отвечал ничего, либо произносил слова вроде следующих: «А мы можем... тоже, потому, значит... какой положен у нас, примерно, придел». — «Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир? — перебивал его Базаров, — и тот ли это самый мир, что на трёх рыбах стоит?»

— Это, батюшка, земля стоит на трёх рыбах, — успокоительно, с патриархально-добродушною певучестью объяснял мужик, — а против нашего, то есть, миру, известно, господская воля; потому вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику.

Выслушав подобную речь, Базаров однажды презрительно пожал плечами и отвернулся, а мужик побрёл восвояси.

— О чём толковал? — спросил у него другой мужик средних лет и угрюмого вида, издали, с порога своей избы, присутствовавший при беседе его с Базаровым. — О недоимке, что ль?

— Какое о недоимке, братец ты мой! — отвечал первый мужик, и в голосе его уже не было следа патриархальной певучести, а, напротив, слышалась какая-то небрежная суровость, — так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?

— Где понять! — отвечал другой мужик, и, тряхнув шапками и осунув кушаки, оба они принялись рассуждать о своих делах и нуждах. Увы! презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был всё-таки чем-то вроде шута горохового...»

Со времён Петра Первого российские императоры стараются переделать Россию и русский народ на европейский лад. Но некоторых, часто только внешних, успехов им удалось достичь лишь в среде аристократии и так называемой интеллигенции. Казалось бы, в руках российских императоров и императриц была неограниченная власть, полученная путём невероятных усилий и трудов царя Ивана Грозного и его последователя Бориса Годунова, а потому ничто не могло помешать самодержцам изменить жизнь подданных на европейский манер. Но русский народ упорно сопротивлялся и противится до сих пор насильно внедряемым «европейским ценностям».

Императоры породнились со всеми европейскими королевскими дворами, российская аристократия заговорила между собой на иностранных языках, почти разучившись говорить на русском, но народ и его обычаи переделать так и не удалось! Да и сама российская аристократия, напялившая на себя европейские одежды и отказавшаяся от русского языка, не смогла стать ровней для дворянских родов Европы. Потому что Европа и Россия — это две разные цивилизации, а не просто территории, на которых живут некие народы. Мы всегда были и будем друг для друга чужаками, потому что у нас не просто разные одежды и языки, а совершенно разные мировоззрения и мироощущения.

Понимая это, российские поборники так называемой западной цивилизации занялись переделкой мировоззрения русского народа, получив полную и всемерную поддержку императорской власти. Так называемая российская интеллигенция с энтузиазмом включилась в этот процесс. Не случайно в России до сих пор в чести писатели и критики-западники, а патриоты-

славянофилы и «почвенники» практически в загоне и чуть ли не приравнены к графоманам.

До сих пор в российской школьной программе по литературе явное засилье писателей-западников, что не удивительно, так как именно они в своих произведениях хулят всё русское и прославляют всё европейское. Западники в российских властных структурах стараются переделать мировоззрение русского народа, внушая нашим детям чувство собственной неполноценности перед европейцами, самоуничижению и преклонению перед Западом. Но вернёмся к Рафаэлю Сабатини и Ивану Тургеневу.

В русской культуре общественные интересы всегда превалировали над личными. В западной культуре всё наоборот, что прекрасно иллюстрируют произведения Сабатини и Тургенева. Да, герои исторических романов Сабатини вызывают восхищение своей волей, стойкостью в борьбе с невзгодами и препятствиями, непреклонным стремлением добиться поставленной цели любой ценой. Но каково мировоззрение этих героев? Христофор Колумб — человек без родины. Ему всё равно, какому королю служить — португальскому, испанскому или французскому. Главное для Колумба — осуществление собственной мечты, открытие западного пути в Индии.

Скарамуш равнодушен к политике. Не зная своих родителей, всем обязанный крёстному отцу-аристократу, но по факту являясь полунищим адвокатом, он занимает непонятное общественное положение между французской аристократией и сословием купцов и мастеровых. А в стране назревает революция! На чью сторону встать? Для Скарамуша такой вопрос не стоит. Он прекрасно понимает, что революционные лозунги о свободе, равенстве и братстве практически неосуществимы. Но аристократ убивает друга Скарамуша и к тому же намеревается жениться на девушке, в которую влюблён сам Скарамуш. И герой заменяет убитого друга-революционера. Не по убеждениям, а ради банальной мести и в борьбе за счастье любимой девушки. Но при этом Скарамуш проявляет для достижения поставленной цели чудеса героизма и твёрдости воли, что заслуживает уважения и восхищения.

Герои романов Ивана Тургенева ратуют за общественное благо, за улучшение жизни русского народа, за ограничение самодержавия, за отмену крепостного права, за внедрение в России европейского образа жизни. Но как всё это сделать практически, они не знают, потому что этого не знает сам Тургенев! Писатель откровенно сообщает читателю данный факт устами Аркадия Кирсанова из романа «Отцы и дети»:

«Нет, — подумал Аркадий, — небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?..»

Все прекрасные порывы «лишних людей» остаются только в виде страстных монологов или бесплодных споров с оппонентами-«реакционерами», до каких-либо практических действий дело так и не доходит. И даже нельзя сказать, что тургеневские герои жертвуют личным счастьем ради общественного блага! Читателю внушается мысль, что в «трагедии лишних людей» виновато неистребимые варварство и лень русского народа, а не собственная слабость, бесхарактерность и трусость этих «революционеров» и борцов за продвижение на российскую землю европейской цивилизации.

Итак, подытожим. Главные герои книг Рафаэля Сабатини, как мужчины, так и женщины, вызывают уважение и даже восхищение. Они не сдаются под ударами неблагоприятных и даже враждебных обстоятельств, упорно борются за свою любовь и счастье. Таким персонажам читатель сочувствует, они вызывают восхищение, им хочется подражать. Большинство главных героев книг Сабатини существовали в действительности или имели исторические прототипы.

Сейчас исторические романы Рафаэля Сабатини считаются развлекательным чтивом, лекарством от скуки, в школьную программу они никогда не входили и не входят. В отличие от романов Ивана Тургенева. Но чему могут научить школьников герои книг Тургенева? Главные персонажи романов классика русской литературы, вне зависимости от пола, ничего, кроме безразлично-

сти и презрения, вызвать не могут. Они безвольны и бессильны, легко ломаются под ударами судьбы, а мужчины вдобавок полнотью покорны женскому влиянию. Бороться за любовь и собственное счастье они не способны ни в малейшей степени и даже не пытаются. Ожидать от таких людей каких-либо реальных усилий на благо России и её народа, мягко говоря, наивно, а подсовывать школьникам подобных персонажей в качестве героев — преступно!

В предисловии к своей книге «Жизнь Цезаре Борджа...» Рафаэль Сабатини пишет:

«Каждый человек — продукт своей эпохи и окружения...

Судить о событиях прошлого, оценивая их с точки зрения нашего законопослушного, трезвого и расчётливого века, столь же неправильно, как, находясь в зрелом возрасте, осуждать молодёжь за свойственные ей легкомыслие, несдержанность и непоследовательность в речах и поступках. Но ещё большая ошибка — рассматривать отдельных людей прошлого в отрыве от контекста эпохи».

Сабатини, конечно, прав! Проблема в том, что эпохи в России меняются, а желание и стремление правящего класса переделать русский народ, его обычаи, образование, культуру и быт по европейским лекалам остаются. Да, западникам как при царизме, так и сейчас не нравятся русский народ и русские обычаи. Поэтому произведения Ивана Тургенева с его «лишними людьми» будут ещё долго востребованы в школьной программе по литературе. Контекст его книг продолжает оставаться для прозападной части российского общества актуальным. Утешает то, что Иван Тургенев действительно прекрасный писатель и по праву считается классиком русской литературы. Его произведения содержат в себе не только трагические судьбы «лишних людей» и «тургеневских девушек», но и чудесные описания российской природы и живые образы русских людей: чиновников, помещиков и крестьян.

О «КОЛОМЕНСКОМ АЛЬМАНАХЕ» И «КОЛОМЕНСКОМ СОНЕТЕ»

Хочу поздравить коломенцев и редакцию с выходом в свет двадцать третьего номера «Коломенского альманаха» и очередного приложения к нему – сборника «Коломенский книгочей». Последние годы я читаю альманах, который давно перестал уважать, не от литературного голода, а чтобы быть в курсе нынешнего состояния так называемого «коломенского текста». И «Колонка редактора» сразу вогнала меня в тоску: затянутый текст, винегрет разнородных мыслей и суждений, может быть, и правильных, но поданных сумбурно и многословно. Словом, в подобные вещи не хочется вникать и тянет поскорее пролистнуть, пробежать по диагонали. Зачем было отдавать «Колонку редактора» московскому художнику, пусть и именитому? Есть же для подобных вещей раздел публицистики! Если уж это «Колонка редактора», то писать в неё должен редактор. Кто в здравом уме поместит в «Хронике происшествий», к примеру, набор стихотворений? Если редактору нечего сказать, кончились собственные мысли и суждения, то имеются, ведь, и другие члены редакции «Коломенского альманаха»! Тем тоже нечего сказать? Ну, тогда хоть помогите Геннадию Правоторову, народному художнику России, привести его текст к удобоваримому виду, человек же явно занялся не своим делом.

Но когда начался раздел «Проза», меня затянуло! На этот раз Главный редактор альманаха Виктор Мельников, надо отдать ему должное, порадовал читателей. По крайней мере, в моём лице. Раздел открывает рассказ Ирины Ракши «А какой сегодня день?». Действие происходит в небольшом заснеженном посёлке, мимо которого без остановки проходят скорые поезда. Автор мастерски рисует образы местных жителей. Две женщины, два

мировоззрения непримиримо сталкиваются в маленьком пристанционном буфете.

Юная Таня приехала в этот посёлок из Томска вслед за мужем Виктором, отслужившим там срочную службу и теперь работающим дальнбойщиком. Закончив десятилетку, Таня до замужества успела поработать лишь ученицей в стаканном цеху одного из томских заводов. Она не рвётся в большой город, не мечтает о красивой жизни в столице, не боится любой работы. Вот её признание:

«Вообще-то, мне жить везде интересно. Мы с Витей сперва чуть в Заполярье не двинулись. У него в части сослуживец оттуда был. Чукча. Очень звал. Вездеходы по тундре водить. Там и яранги бесплатные, и надбавки северные. А рыба и оленина вообще даром. Мне интересно, конечно. Но Витечка мой упрямый. Домой да домой, говорит. Тут, мол, и мать, и хозяйство, колодец свой. Даже любимый пёс его ждал, — у неё мечтательные глаза. — И вообще, как говорит мой Витечка, надо жить с полным КПД».

Однако в маленьком посёлке для Татьяны работы нет. А денег в семье ой как не хватает! Но вот в пристанционном кафе в очередной раз освободилось место подсобного рабочего, и свекровь поспешила устроить на него Таню.

Заведующая станционным буфетом Лизавета молода, внешне привлекательна и профессионально успешна, но душевно абсолютно глуха. Почему за внешностью красавицы скрывается бездушное чудовище, читателю остаётся только догадываться. Возможно, Лиза, как и многие матери-одиночки, озлобилась на весь мир из-за несложившейся личной жизни. Она больше не верит в любовь и поучает Таню, как той надо жить:

«А что ж, верно, нечего на мужиков надеяться. Хоть и замужем, а о себе самой надо думать. Нынче время суровое. И мужик пошёл гнилой, хлипкой.

И вообще девушке надо при деле быть. А то нынче шляются по земле без дела, и все со своими хотелками, с гитарами,

смартфонами-телефонами. И всё им сразу подай. Угомон не берёт. А потом дети сиротами растут, в интернатах.

Я тоже дурой была по молодости. Влюбилась. В одного такого трепача вляпалась. В альфонса. И Толечку родила».

И теперь Лизавета «рубит бобло» и мечтает только об одном:

«Есть у меня мечта одна, девонька. Голубая мечта. Я хоть пока и без мужика, но хочу развернуться. Открыть свой собственный бизнес. Салон красоты. Бизнес-леди буду. Пред-прини-матель. И все местные вумэн-бабы будут ко мне в очередь рваться, записываться. — Вздыхает: — Только на раскрутку надо побольше бобла накопить. А тут разве накопишь? Тут так, гроши капают. Потому и мечтаю в вагон-ресторан устроиться».

И для воплощения своей мечты Лизавета готова на всё. Она работает не покладая рук, весело улыбается посетителям, хотя в душе их люто ненавидит и презирует, обсчитывает их при любой возможности, кидая вместо сдачи ириску. Чем больше читатель узнаёт истинную суть красавицы Лизаветы, тем понятнее становится, за что её не любят местные бабы, и почему у неё так часто меняются подсобные работницы, несмотря на то, что найти работу в посёлке очень трудно.

Особенно ярко отрицательные черты Лизаветы проявляются на фоне новой подсобницы Татьяны. Всего один день проработает Таня рядом с Лизаветой и с огромным облегчением и даже радостью примет своё увольнение. Две женщины, два мировоззрения столкнулись в маленьком станционном кафе и на страницах рассказа Ирины Ракши. Рассказ очень кинематографичен и прямо просится на большой экран.

Интересно было читать рассказ Сергея Мурашева «Любовь». Не часто на страницах «Коломенского альманаха» встречается деревенская проза. Вернее, это некий симбиоз деревенской и городской прозы. На фоне сельских будней и тяжёлого крестьянского труда, которые в русской глубинке с древних времён до настоящих дней почти не изменились, идёт повествование о столь же банальной любовной истории в городе. Ничего ново-

го или оригинального читатель в данном рассказе не найдёт. Где-то далеко тарахтит трактор, а люди вручную косят траву, во-рошат граблями сено, копают картошку, пасут коров. И параллельно время от времени приезжает из города домой студентка Инна и рассказывает брату Саньке историю возникновения, развития и печального завершения своей любви к Антону. И ничего вроде особенного ни в сюжете, ни в построении рассказа Сергея Мурашева нет, но он почему-то не оставляет читателя равнодушным.

Я рад, что в Коломне появился ещё один хороший писатель. Жаль только, что редакция «Коломенского альманаха» не озаботилась снабдить рассказ Сергея Мурашева поясняющими сносками. Русский язык развивается, какие-то слова выходят из широкого употребления, новые приходят. И есть ещё множество местечковых, профессиональных и сленговых выражений! Даже я, прочитавший тысячи книг, не знаю или уже не помню точное значение многих слов, что уж говорить о нынешней городской молодёжи! А Сергей Мурашев довольно щедро рассыпал по тексту рассказа такие, к примеру, слова: шаньги, АТП, забереги, поветь, лопушник, лопатить, вилан, скалина, наботать, шитая лодка, отава, стожар и т. п.

Разумеется, в «Коломенском альманахе», как обычно, присутствует и очередное творение его Главного редактора Виктора Мельникова – рассказ «Попутчики». Тут есть много материала для критики, да и рассказом данное произведение, как по форме, так и по сути, вряд ли является. Но если кому-либо эта выссанная из пальца поделка понравится, значит, автор работал не зря.

А вот рассказ Михаила Болдырева «Зверь» меня порадовал. До этого я читал у Михаила только стихи, и они не нашли во мне положительного отклика. Как правило, в них было довольно неплохое начало, одна-две красивых фразы, а потом следовало абсолютно бесцветное окончание. Создавалось ощущение, что где-то в середине стихотворения автор выдохся и не знает, как и о чём ему писать дальше. Возможно, сейчас поэзия Михаила

Болдырева изменилась к лучшему, не знаю. Словом, я не ждал и от прозы этого автора ничего хорошего и ошибся! Рассказ «Зверь» получился. В нём есть всё, что нужно и должно: увлекательный сюжет и чёткая поучительная мораль. И мораль эта не навязывается автором, не подаётся, как говорится, в лоб, а вытекает из действий и переживаний персонажей рассказа.

Рассказ Владимира Соловьёва «Я совершенно спокоен» производит на читателя странное впечатление. Начинается он несколькими сатирико-комедийными эпизодами, а заканчивается трагически. Далеко не каждый автор способен столь органично совместить противоположности. Это прекрасно, что редакция «Коломенского альманаха» продолжает разбирать архив Владимира Соловьёва и публиковать произведения, неизданные при жизни этого талантливого автора.

На этом с разделом прозы я закончу, он наверняка заинтересует читателя, что не может не радовать.

Ранее я никогда публично не комментировал поэзию, публикуемую в «Коломенском альманахе». Не стал бы делать этого и сейчас, но, как говорится, достало! Больно наблюдать, как из года в год, пользуясь положением Заместителя главного редактора «Коломенского альманаха», Роман Славацкий корёжит творческие судьбы коломенских поэтов и позорит наш древний город в глазах культурной общественности страны. Ладно бы он занимался экспериментами над собственными текстами, но постоянно идёт упорная кампания за широкое внедрение в творчество коломенских поэтов так называемого «коломенского сонета». В предисловии к сборнику стихотворений Евгения Захарченко «Возвращение», изданному в этом году в серии «Коломенский книгочей», Роман Славацкий пишет:

«Будем надеяться, что Евгений продолжит радовать нас и дальше хорошими сонетами „коломенской“ структуры, что найдутся и другие последователи, которые продолжат развитие этой сложной, глубокой, многообразной и „вкусной“ формы стихосложения!»

А в обсуждаемом номере «Коломенского альманаха» раздел поэзии открывает целая подборка «коломенских сонетов» Романа Славацкого. Пример для подражания! Прямо так и написано: Роман Славацкий – создатель новой канонической формы – «коломенского сонета». Канонической! А какой же канон без широкой поддержки? Какой может быть канон, если данную форму использует только и исключительно сам автор? Подобное «творчество» скорее является искажением канона. Вот и идёт многолетнее настойчивое «привлечение» коломенских поэтов к «новой форме» сонета. Не удивительно, что одни и те же «коломенские сонеты» одновременно опубликованы и в «Коломенском альманахе», и в приложении к нему – «Коломенском книгочее». Давайте разберёмся, что же это за канон такой? Начнём с классического определения.

Сонет – четырнадцатистрочное стихотворение, сложенное по определённым правилам. Все правила перечислять нет смысла, приведу необходимые для понимания сути моих претензий к так называемому «коломенскому сонету»:

1. Стихотворение должно состоять ровно из четырнадцати строк. Обычно их группируют в строфы таким образом, чтобы первые восемь стихов были отделены от следующих шести (8+6, 4+4+6, 4+4+3+3, 4+4+4+2).

2. Строфный перенос не допустим: графически выделенная строфа должна быть синтаксически законченной. Поделённый на катрены (четверостишия) и терцеты (трёхстрочники) сонет должен иметь строгую тематическую композицию. Его части должны следовать одна за другой в порядке тезис – развитие тезиса – антитезис – синтез. Проще говоря: первый катрен представляет экспозицию темы стихотворения, второй катрен развивает положения, намеченные в первом, в последующем затем терцете намечается развязка темы, в завершающем терцете, особенно в заключительной его строке следует завершение развязки, выражающей суть произведения.

3. Сонет должен заключаться «сонетным замком». «Замок» обычно располагается в двух последних строках, реже – в од-

ной. В лирическом стихотворении — это фраза, содержащая парадокс, неожиданный вывод. В «замке» лиро-эпического сонета автор должен привести сюжетное действие к неожиданной развязке. Как правило, малый объем замка определяет ёмкость, афористичность финальной фразы. **Особый смысловой акцент падает на последнее слово в «замке»: оно является «ключевым» и часто уточняет смысл всего сонета.**

Правила о ритмике и рифмах я опускаю, они в данном случае не важны.

Есть мнение, что при создании классической формы сонета средневековые поэты ориентировались на господствующий в то время в архитектуре готический стиль. Схема сонета: прямоугольник двух четверостиший и завершающие его тело два трёхстишия — перевёрнутый силуэт дома с крышей, потому что постройку здания мы неизбежно начинаем снизу, с земли, а писать текст — сверху страницы. Но архитектурный принцип начала и завершения настолько силён, что мы и теперь говорим: завершающая (по корню — верхняя) строка стихотворения, хотя на самом деле та является нижней.

Что же такое после многолетних исканий «изобрёл» Роман Славацкий и обозвал «коломенским сонетом»? Он просто механически поместил «крышу» здания сонета между первым и вторым «этажом». Его «новая каноническая форма» такова: 4+2+4+4. И этот «архитектурный» уродец теперь усиленно восхваляется и упорно внедряется в коломенскую поэтическую среду.

За восемьсот лет существования сонета, как только не экспериментировали над его формой! Правила всего лишь уточняют, каким должен быть идеальный сонет, обозначают эталон. Поэт вправе сознательно нарушать какое-то отдельное правило, но при этом соблюдать остальные, чтобы сонет оставался сонетом. Кому-то не хватало четырнадцать строк, и появлялся «хвостатый» сонет (сонет с кодой). Если строфы сонета уменьшались на одну (этой отсутствующей строфой был начальный, «головной» катрен), возникала форма «безголового» сонета. Если ис-

чезали один катрен и один терцет, стихотворение приобретало вид «половинного» сонета (полусонета). Если в стихотворении катрены и терцеты меняются местами, оно превращается в «прокинутый» сонет. Но никому из поэтов за прошедшие восемьсот лет не пришло в голову засовывать крышу внутрь здания!

Да, сейчас, с появлением новых строительных материалов, мы имеем возможность воочию наблюдать множество причудливых архитектурных форм, но крыша у них почему-то всё равно находится на своём месте. И только наш коломенский «гений», Роман Славацкий, строит свой дом, не опасаясь дождя и снега! Видимо, потому, что в его уродливых строениях никто не живёт. «Сонеты» Славацкого пусты, в них нет ни чувств, ни внятного содержания. Вот и пришлось ему создавать «новую каноническую форму», чтобы хоть как-то изобразить творчество.

Ещё совсем недавно по дорогам Европы и Америки колесили «цирки уродцев», веселя лишённую сочувствия публику. Мне неприятно, что на свет появились подобные «цирки» - сборники, наполненные уродцами «коломенского сонета». У самого Романа Славацкого уже вышло несколько таких сборников, и я молчал, но моё терпение лопнуло, когда поэтические уродцы, именуемые «коломенским сонетом», стали проникать в авторские сборники коломенских поэтов и на страницы «Коломенского альманаха».

Я не спрашивал коломенских поэтов, почему они начали использовать «новую форму» — ответ и так ясен. Но я попросил узнать у Славацкого, чем он руководствовался при создании этой «новой формы», но внятного ответа так и не получил. И вот мне в руки попал вышеупомянутый авторский сборник Евгения Захарченко «Возвращение», вышедший в серии «Коломенский книгочей» одновременно с последним номером «Коломенского альманаха». В этом сборнике кроме стихотворений я нашёл статью «Сонет в литературной истории Коломны», а в ней и ответ на мой вопрос, очевидно, всё же полученный автором у Романа Славацкого. Вот он:

«Дистих (сразу после первого катрена – С.К.) создаёт важную ритмическую паузу. Он останавливает внимание читателя и позволяет автору вложить в этот разрыв самые разнообразные смыслы. Двустипшие либо продолжает образ первого катрена, либо связывает противопоставленные по духу первый и второй катрены. Заметим, что „замок“ сонета при этом сохраняется! Последние две строки остаются ключевыми, концентрируют идею стиха, и при этом они органично включены в корпус завершающего катрена».

Данное «объяснение», на мой взгляд, ничего на самом деле не объясняет. Во-первых, «ритмическая пауза» и «разрыв» – далеко не одно и то же. Пауза возникает сама собой, если первый катрен, согласно правилам построения сонета, является синтаксически законченной строфой. А «связывающий» дистих вполне может быть «органично включён в корпус» второго катрена, и выделять его в отдельную строфу нет никакой надобности. Остаётся именно разрыв. Так зачем же он нужен? Кто, наконец, даст разумный ответ? Ради чего коломенские поэты уродуют собственные произведения?

Рассмотрим, к примеру, одно из стихотворений Евгения Захарченко, опубликованное в обсуждаемом номере «Коломенского альманаха» и авторском сборнике «Возвращение».

«ПОМИНОВЕНИЕ»

Час мужества пробил на наших часах...

А. Ахматова

**Вновь Россия скорбит у стола,
Поминает сынов своих славных.
На крестах выступает смола
У погостов великой державы...**

**И уходят в небесный предел
Те, кто встали навстречу беде.**

Сколько их полегло с давних пор,
На защите Отчизны и мира –
От афганских отрогов и гор
До песков раскалённой Пальмиры!

И стоит поминальный стакан
Вместе с коркой подсохшего хлеба,
И молитвы вечерний туман
Струйкой ладана тянется в небо.

Что является основной мыслью, «замком», в этом «коломенском сонете»? Весь последний катрен? Последние две строки? Так ли уж необходим дистих? Давайте поставим «крышу» на её законное место – приведём это стихотворение к канонической форме «шекспировского» сонета.

«ПОМИНОВЕНИЕ»

Час мужества пробил на наших часах...

А. Ахматова

На крестах выступает смола
У погостов великой державы...
Вновь Россия скорбит у стола,
Поминает сынов своих славных.

Сколько их полегло с давних пор,
На защите Отчизны и мира –
От афганских отрогов и гор
До песков раскалённой Пальмиры!

И стоит поминальный стакан
Вместе с коркой подсохшего хлеба,

**И молитвы вечерний туман
Струйкой ладана тянется в небо.**

**И уходят в небесный предел
Те, кто встали навстречу беде.**

Как видите, никакого разрыва и «связывающего» дистиха между первым и вторым катреном не требуется! Что же касается изменившегося «замка», то автор вполне может вернуть ему первоначальный смысл, это дело техники. Так стоила ли овчинка выделки? Оправдано ли искажение канонической формы «шекспировского» сонета? Или это просто неофит не справился с «новой канонической формой коломенского сонета»? Давайте проделаем те же операции со стихотворением самого Романа Славацкого, напечатанным в этом же номере «Коломенского альманаха».

КОРАБЛЬ

*Мастер бороду корябал
и смущённо замечал,
что Коломна, как корабль,
покидает свой причал.*
Михаил Мещеряков

**Хоть пристань ковырай тяжёлым ломом,
хоть стой столбом, хоть бороду чеши –
отчаливает Старая Коломна
в закатной заколдованной тиши!**

**Какая-то безмерная нелепость:
уходит бронированная крепость!..**

**Куда она? – скажи, умелый мастер,
узнай, к чему направлен тайный путь,
заклей стиха разрозненные части,
сочти Судьбы пророческую суть!**

**Но певческий талант, увы, неволен –
уходит Город в небо от земли;
и каменные мачты колоколен
сквозь сумерки рисуются вдали...**

Зададимся теми же вопросами: что является основной мыслью, «замком», в этом «коломенском сонете»? Весь последний катрен? Последние две строки? Так ли уж необходим дистих? Давайте приведём это стихотворение к канонической форме «шекспировского» сонета. Я даже не буду менять строки первого катрена местами, как в случае со стихотворением Евгения Захарченко.

КОРАБЛЬ

*Мастер бороду корябал
и смущённо замечал,
что Коломна, как корабль,
покидает свой причал.*
Михаил Мещеряков

**Хоть пристань ковыряй тяжёлым ломом,
хоть стой столбом, хоть бороду чеши –
отчаливает Старая Коломна
в закатной заколдованной тиши!**

**Куда она? – скажи, умелый мастер,
узнай, к чему направлен тайный путь,
заклей стиха разрозненные части,
сочти Судьбы пророческую суть!**

**Но певческий талант, увы, неволен –
уходит Город в небо от земли;**

**и каменные мачты колоколен
сквозь сумерки рисуются вдали...**

**Какая-то безмерная нелепость:
уходит бронированная крепость!..**

Как видите, никакого разрыва и «связывающего» дистиха между первым и вторым катреном и в стихотворении Романа Славацкого не требуется! Зачем же огород городить?

Роман Славацкий и Евгений Захарченко утверждают, что «коломенский сонет» имеет право на жизнь уже в силу самого факта существования многообразия форм. Но если количество строк и строф, строк в строфах, порядок строф, ритмику и даже рифмы автор может варьировать, как ему захочется, то что же такое сонет? Чем он отличается от других стихотворений? Неужели, только одно имеет значение: лишь бы «замок» сонета сохранился на своём месте?

Да, автор вправе экспериментировать с формой, никто и не возражает. Но при этом сама форма не должна разрушаться! Треугольник может менять углы и длину сторон, имея в идеале равносторонний треугольник. Прямоугольник может менять длину сторон, имея в идеале квадрат. В сонете тоже многое может не соответствовать эталону, но его «архитектурная» форма при этом должна оставаться неизменной – «дом с крышей»! Засунув крышу внутрь дома, Славацкий разрушил форму, и его изделие мгновенно перестало быть сонетом. Точно так же треугольник при добавлении ещё одного угла перестаёт быть треугольником, а прямоугольник при изменении какого-либо угла в сторону увеличения или уменьшения перестаёт быть прямоугольником.

Так зачем же Роман Славацкий и редакция «Коломенского альманаха» сбивают с толку коломенских поэтов? Зачем редакция поддерживает и пропагандирует явное убожество под названием «коломенский сонет» и тем самым позорит наш древний город? Кто дал право Славацкому использовать имя Коломны в названии его личной поделки? Пусть называет это-

го стихотворного уродца своим именем – «сонет Славацкого», я возражать не буду. Как сказал дворник Остапу Бендеру: «Кому и кобыла – невеста». Именован же подобное изделие «новой канонической формой» – это явный обман и намеренное вредительство.

Утешает одно: раз этот «новый канон» не диктуется творческой необходимостью, а просто навязывается коломенским поэтам, то он недолговечен и со временем уйдёт в небытие вместе с его «изобретателем» точно так же, как канули в Лету все подобные эксперименты.

Что ещё портит впечатление при прочтении «Коломенского альманаха», так это ставшее уже привычным отсутствие хорошей редактуры и корректуры текстов. Но данная беда присуща ныне, увы, практически всем журналам. Остаётся надеяться, что следующий номер «Коломенского альманаха» будет, по крайней мере, не хуже обсуждаемого, тем более что он, по слухам, целиком посвящён семьдесят пятой годовщине Великой Победы.

МУЖСКОЙ ВЗГЛЯД НА ЖЕНСКУЮ ПРОЗУ ЮЛИИ МУСАТОВОЙ

В 2022 году в издательстве «Серебро Слов» небольшим тиражом вышла книга Юлии Мусатовой «Сожжённая тропа». Это сборник произведений, в котором, как написано в аннотации, **«счастливо пересеклись многие виды литературных жанров: стихи и повесть, эссе и роман, очерк о родном деде, войне-победителе и радостные автобиографические повествования».** Юлия Мусатова закончила филологический факультет Московского университета им. Ломоносова. Печаталась в газетах и журналах, становилась победителем ряда музыкально-поэтических фестивалей. Юлия Владимировна состоит в Союзе Журналистов России и является руководителем литературного объединения «Вертикаль» города Белоозёрский Московской области.

Ранее у Юлии Мусатовой вышел сборник стихов «Инь и я», поэтому я с некоторым колебанием приступил к чтению книги «Сожжённая тропа», потому что я редко читаю стихи, тем более женские. Всё же мужчины в своих поступках более подвержены логике, а женщины – чувствам. Такова наша природа. Когда-то Михаил Жванецкий пошутил, что он никогда не станет женщиной, но ему хотелось бы узнать, что они чувствуют. Поэзия – это попытка выразить чувства словами. Мало кому это удаётся, а уж понять женщину мужчинам трудно даже тогда, когда те прибегают к прозе! Более того, я и мужскую поэзию читаю редко и весьма выборочно, потому что «настоящей» поэзии предпочитаю «рифмованную публицистику». Мне мало интересны эксперименты с формой, нестандартные рифмы и красоты образов. Я ищу в стихотворениях чёткую мысль, интересный жизненный сюжет и искренность чувств (не абстрактных, а конкретных и обоснованных), что, разумеется, во-

все не исключает наличие экспериментов с рифмами и формой.

В сборнике Юлии Мусатовой присутствуют и поэзия, и проза. Я не буду сейчас обсуждать стихи по вышеуказанным причинам. Женская проза на мой мужской взгляд по тем же причинам тоже весьма специфична, о чём пишет и сама Юлия Мусатова. В сборнике есть маленький роман с интригующим названием «Роман о Романе», в котором имеется такой диалог между молодым писателем и «приличного пенсионного возраста» дачницей:

«Она встала, провела рукой по книжному переплёту и положила книгу на табурет...

— Отдыхаю душой с этой книгой.

— А я, признаться, не читал. Думал, если автор — женщина, то вряд ли мужчине будет интересно.

Она не скрыла удивления:

— Извините, здесь с вами не соглашусь. Видимо, не каждому мужчине дано понять, как может чувствовать женщина и как может описать своё чувство. Такое сокровище в сердце...»

Даже в этом коротком диалоге чётко проявляется противоречивость и алогичность женского восприятия, основанного на чувствах. «Умудрённая большим опытом» женщина не соглашается с мнением, что мужчине вряд ли будет интересен роман, написанный женщиной, но одновременно заявляет, что не каждому мужчине дано понять женское творчество. Довольно яркое проявление так называемой «женской логики» в споре с мужчиной о мужчинах, вернее — о мнении одного конкретного мужчины.

Но оставим абстрактные споры и обобщения и вернёмся к конкретике. Лично мне понравилась проза Юлии Мусатовой. Да, это женская проза, в которой преобладают чувства, но написаны все произведения столь профессионально и занимательно, что читать их мне было интересно, и в процессе чтения не отпустил вопрос: «Что дальше?».

Сюжет повести «Сожжённая тропа» нетипичен для женской прозы: война в Афганистане — тяжёлая тема даже для

мужчин. До сих пор отношение к этой войне у нас далеко не однозначно. И чувствуется, что автор считает афганскую войну по крайней мере несправедливой. Моё мнение таково: не бывает справедливых и несправедливых войн. Оценку войне в конечном итоге дают историки, а историю, как известно, пишут и переписывают победители. Поэтому солдаты, а тем более офицеры, не должны самостоятельно решать, в какой войне им приходится участвовать, и тем более руководствоваться в своих действиях абстрактными понятиями справедливости. Если на твоё государство напали, ты обязан его защищать и сделать всё возможное для уничтожения врага. Если твоё государство начинает войну, оно руководствуется целями, которые считает необходимыми и справедливыми. Речь, разумеется, о независимых государствах, колонии и сателлиты сами не могут решать вопросы войны и мира, и их воинские формирования вынуждены покорно выполнять волю хозяина.

Солдаты и офицеры должны воевать вне зависимости от их личного отношения к руководству государства, причинам и целям войны. Так же и токарь обязан одинаково хорошо изготавливать детали сеялки или танка. Политики обоснуют сиюминутную справедливость и необходимость войны и танков, и это даст дополнительный стимул солдатам и гражданам, воодушевит их в стремлении победить. Каждый должен заниматься своим делом, в противном случае наступает хаос и гибель государства со всеми вытекающими негативными последствиями. Примеров этому в истории тьма!

Разумеется, человек не робот, бездумно выполняющий приказы. Речь о том, что личные убеждения не должны мешать выполнению должностных обязанностей. В противном случае человек превращается в дефектную деталь общего механизма, что грозит неминуемой поломкой. Во время войны понятия «государство» и «Родина» неразделимы! Если их разделить, погибнут оба, что наглядно демонстрируют гибель Российской империи и крах Советского Союза.

В повести Юлии Мусатовой «Сожжённая тропа» есть персонаж, поведение и высказывания которого на мой взгляд спорны. Собственно, спорны и некоторые авторские пассажи. Например, аполитичность и беспартийность отца главного героя помешала его (отца) военной карьере. С этим можно соглашаться или нет – всё возможно. Но вот то, что отец **«не осудил, но и не одобрил»** решение сына вступить в коммунистическую партию и пойти добровольно на войну в Афганистане, это уже не аполитичность, а отсутствие собственного мнения, что нарушает достоверность и целостность образа данного персонажа повести. Ведь до этого именно отец прививал сыну мужские и воинские качества и понятия, в том числе и об офицерской чести.

Но вернёмся к неоднозначному персонажу с говорящей фамилией Неверов. Мне трудно согласиться с его высказыванием: **«Чем древнее цивилизация, тем жестокость её безжалостней и утончённее. Это две стороны одной медали»**. Неверов многому научил главного героя повести старшего лейтенанта Петра Стрижова. Возможно, благодаря влиянию Неверова Стрижов стал первоклассным бойцом и выжил на афганской войне, а затем и в других войнах. Неверов внушал другу:

«И твоё дело – отслужить, вернуться невредимым. Тебе ещё бороться за Россию. Главное, чтобы ты там ни в какие игры не вязался».

Неверов приводит Стрижову слова Макиавелли:

«Когда речь заходит о судьбах Родины – для меня стираются грани между добром и злом».

Войну нельзя выиграть в белых перчатках. Стрижов быстро теряет юношеские иллюзии и смиряется со злом, которое ему и его товарищам приходится творить на войне ради победы, и чтобы просто выжить.

А вот судьба Неверова остаётся читателю неизвестной, и это на мой взгляд является упущением автора. Юлия Мусатова отдала предпочтение чувствам Стрижова в ущерб завершенности образа Неверова. Женская проза, натуру пересилить очень трудно,

да и не нужно. В данном случае результат определяется целью, к которой стремится автор.

Небольшой по объёму «Роман о Романе, или Вполне земная история» тоже не оставит читателя равнодушным. В нём есть всё: красивые описания природы, любовь, убийство, искушение, нелёгкий выбор, смерть любимого человека и даже сделка молодого писателя с дьяволом. Но, к сожалению, автор вновь ограничилась только чувствами главного героя, оставив его конечную судьбу за скобками повествования. Писатели-мужчины никогда так не поступают! Любая сделка с потусторонними силами должна иметь закономерный трагический финал, иначе какой же это дьявол? Можно для примера вспомнить судьбу подобных персонажей в таких произведениях, как «Шагреновая кожа» Оноре де Бальзака, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, «Пиковая дама» Александра Пушкина. Юлия Мусатова оставляет читателю открытый финал:

«И вот Роман успешен, богат и обласкан. Окружён несчётным числом верных друзей и охочих до любви красавиц. Казалось бы – всё всем доказал?

Но чего не хватает нашему герою? Зачем некстати раздражается, почему ночами подолгу сидит в особняке у окна, с давно потухшей сигарой и остывшей чашкой крепкого американо?

Так или иначе, но с каждым днём он всё отчётливее ощущал, что былая потребность в прелестях красивой жизни приглушается больше и больше. Чтобы чем-то заполнить давящую пустоту, молодой человек несколько раз принимался что-то писать, но дальше кое-как слепленных набросков дело не шло – будто мысли все источились о ту рукопись.

Даже встречи с читателями, – бурные и восторженные, стали тяготить нашего писателя. Внутри стучало: «Это всё не твоё, это чужое. И скоро откроется подлог...» Тогда он вырывался из душной громады своего жилья на просторы улиц, бродил по скверам, сворачивал в бары. Но резко-мятный вкус мохито только щекотал язык и нервы, не доставляя ни радости, ни удовольствия.

В один из подобных дней Роман ясно понял, что стоит на грани катастрофы. Ещё немного, и он либо сойдёт с ума, либо сведёт счёты с этой жизнью. Надо что-то делать, что-то менять, куда-то бежать! Но что? Куда?»

Казалось бы, Роман всё же наказан судьбой, он страдает. Но разве это страдание — наказание за его сделку с бесом, условием которой была смерть молодой девушки, которую Роман в тот момент любил? Нет! Писатель страдает от банального пресыщения и страха, что читатели и поклонники в нём разочаруются, если он не сможет и далее создавать гениальные романы. А он не сможет, если вновь не вступит в сделку с дьяволом. И автор приводит Романа на место его первой встречи с бесом-соблазнителем. А дальше читатель может фантазировать сам.

Хочется поздравить Юлию Мусатову с выходом хорошей книги. Мои критические замечания автор может принять или отвергнуть — в конце концов, женская проза не обязана потакать вкусам и пожеланиям мужчин! Повторюсь: написано профессионально и занимательно. Главное — читателю в моём лице было интересно и не возникало желание что-то быстренько пролистать и засунуть книгу на дальнюю полку. Наоборот, книга не оставила меня равнодушным, заставила с чем-то поспорить и даже написать этот отзыв. А это в конечном счёте и есть главный показатель мастерства писателя.

О ПРОЗЕ ЕЖЕГОДНИКА «КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ» №27 2023 ГОД

«Если нас пригласят к обеду, мы едим то, чем нас потчуют».

Эпиктет

В Коломне 23 сентября 2023 года состоялась презентация двадцать седьмого номера ежегодника «Коломенский альманах». Я не буду в этой статье рассматривать поэзию и публицистику, опубликованные в нём, прокомментирую лишь художественные рассказы в том порядке, в каком они напечатаны.

1. ВЛАДИМИР КРУПИН «СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА»

Должна ли жена писателя посвятить свою жизнь мужу, пожертвовать собственными интересами и талантом в какой-нибудь сфере? Есть такие примеры. Имеются и другие: две творчески одарённые личности не могут ужиться вместе, потому что никто из них не желает жертвовать своим талантом ради чужого. Но кто определяет, чей талант более значим, и есть ли он вообще? До расцвета феминизма выбор был прост и однозначен, но сейчас иные времена. Более того, маятник настолько качнулся в другую сторону, что жена, даже не обладая каким-либо минимальным талантом, может абсолютно не желать посвящать свою никчёмную в плане творчества жизнь обеспечению развития творческого таланта мужа. Да, талантов у неё нет, зато есть потребности!

Завязка рассказа Владимира Крупина «Семейная сцена» на первый взгляд кажется банальной.

«Пора признаться в том, что я давно знаком с женщиной. Нет, уж говорить, так до конца — с этой женщиной мы любим друг друга. И когда мы раз в год сбегает, она — от своего мужа (он писатель), я — от своей жены (она учительница), то бываем счастливы. Счастью многое помогает — то, что она избавлена от изнуряющей повседневной готовки пищи на своего мужа, детей, избавлена от стирки, от работы, суеты, звонков; первые три дня она лежит на пляже почти бездыханно. Хотя сразу скажу, что бездеятельность она ненавидит. И я освобождаюсь от своей замордованности, вечного состояния вины за невыполненные обязанности в работе, семье, знакомствах, делах всяких обществ. В это время, когда мы с ней, почти всё кажется нереальным, потому что здешняя жизнь тоже нереальна: море рядом, кормят так, что один отдыхающий баталист на неделю обессмертил себя двустушием: „Еда на уровне министров, да и обслуживают быстро“. Русской речи почти не слышно, а только иностранная, грузинская и абхазская».

Читатель решит, что перед ним ещё один рассказ о курортной любви, и ошибётся. Оказывается, перед нами муж с женой, чей долголетний брак находится на грани краха. Чтобы понять, что стало причиной этого охлаждения и разлада, муж предложил поехать в санаторий и сыграть в такую ролевую игру. В роли любовников они могут откровенно рассказывать друг другу о своих оставшихся где-то там, далеко дома, супругах, их достоинствах и недостатках и таким нехитрым способом выяснить, что стало разрушать семейное счастье. Мысль, конечно, интересная, и подобная психотерапия вполне могла бы сработать, если бы не жёсткий эгоизм каждого из супругов и нежелание жертвовать своими интересами ради чужих.

Муж считает, что его работа важнее всего, в ней смысл его жизни. Он — писатель, а жена — обыкновенная учительница. Муж в роли любовника говорит жене:

«Писательство есть обречённость, а писательская жена — жертва. Счастье её только в полной растворённости в деле мужа. Только так. Это единственное. Уверяю, что он работал бы

в два раза больше, если бы ты больше думала, как ему помочь. А помогают не обиженным молчанием, не истериками, а добротой».

Муж считает, что именно непонимание женой его высокой миссии писателя и женская ревность разрушают их брак.

«Когда ему не работается, все вокруг него, и жена в первую очередь, виноваты в этом, а когда ему работается, ему все, и ты в первую очередь, мешаешь. Так было, и так есть. Но если жёны поймут, что тут мужья ни при чём, что дело в работе, то и все обиды исчезнут.

...ревнует ко всем и всему, а в первую очередь к работе. Не работается дома, значит, не любит тебя, семью, а работается — к себе не подпускает, лучше бы ничего не делал».

Речь в рассказе ведётся от лица мужа, поэтому его претензий к жене больше. Женские сводятся к однообразным возражениям, что у неё тоже есть свои желания и интересы, на которые мужу наплевать. И есть гордость.

«Я ведь баба, а ведь баба, по Гоголю, что мешок, что положат, то и несёт. Конечно, я его люблю, но подавить свою личность, независимость ради даже него — лучше умру».

И он, и она не желают менять свои позиции в перманентном споре, в котором однообразные аргументы давно никого из них не убеждают. Жена сдалась первой и потребовала прекратить ставшую бессмысленной игру.

«Хватит играть в него и в неё! Ты всё рассчитал заранее, когда предлагал мне роль возлюбленной. Чтобы воспитать из меня наседку, домработницу, да ещё уверить её, что она любима и обязана быть счастлива».

Проблема осталась нерешённой, но игра в любовников с их предупредительностью и проявлениями любви друг к другу дала побочный эффект. Жена заманила мужа в горы, чтобы с края пропасти полюбоваться прекрасным видом, и там заявила:

«Стой, мне ничего не надо, я прекрасно себя чувствую, вот, и у меня даже прибавилось сил. Наша игра довела меня, именно меня, до этой пропасти. Вернуться к тебе, к нему я не смогу.

Мне было хорошо с тобой, я тебе очень благодарна, что ты эти три недели был ласков, внимателен, хотя бы три недели. Мне было так хорошо, что я точно поняла, что лучше мне никогда не будет. Вернуться в жизнь, которая есть непрерывная каторга души, – нет!»

Жена предлагает мужу как бы случайно столкнуть её в опасном месте узкой тропинки в пропасть. Кончать жизнь самоубийством она считает грехом, а мужа в убийстве никто не заподозрит. Разумеется, муж категорически против и уговаривает жену вернуться в санаторий.

«И мы пошли. Всё-таки я всё время старался идти так, чтобы жена моя шла подальше от края пропасти».

Концовка рассказа неоднозначна. Каждый читатель может трактовать её по-своему. Кто-то решит, что супруги вернутся домой и через год вновь приедут в этот санаторий, и их спор начнёт новый бессмысленный круг. Кто-то увидит грядущий неизбежный развод.

Последняя фраза рассказа столь же неоднозначна:

«И получалось, что ближе к краю шёл я».

Можно предположить, что муж либо просто предотвратил падение жены в пропасть, либо сам туда упал. Второе тоже можно разделить на два варианта: падение мужа в пропасть может являться самоубийством, либо же его непреднамеренно в бездну столкнёт жена. Что выберет читатель? Если у автора был единственный вариант из четырёх возможных, то ему бы следовало более конкретно его обозначить.

2. СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ «ДЕСКРИПЦИЯ»

Этот рассказ я разберу наиболее подробно, потому что именно за него, как за лучшее произведение, редакция «Коломенского альманаха» присудила Сергею Малицкому ежегодную Премию имени И. И. Лажечникова.

Сергей Малицкий долгие годы радовал читателей романами в жанре фэнтези, хотя, как и многие российские писатели-фан-

тасты, начинал с научно-фантастических рассказов. Но в постсоветские времена фэнтези и социальная фантастика практически задавили произведения в жанре научной фантастики. И это весьма печально, потому что научная фантастика – это литература мечты, заставляющая читателя думать о перспективах науки и развития общества, об улучшении нашей жизни. А фэнтези просто развлекает читателя, это сказки для взрослых. Произведения в жанре научной фантастики требуют от писателя и читателя определённого багажа научных знаний, в текстах фэнтези любую антинаучную несуразность автор легко может «объяснить» магией, колдовством и тому подобными, не требующими научного обоснования причинами. Произведения научной фантастики обязаны опираться на известные на момент написания научные знания и реалии жизни, а это гораздо сложнее для писателя, чем разнообразные фантазии о сказочных персонажах.

Меня обрадовало, что Сергей Малицкий вновь решил написать научно-фантастический рассказ, выбрав актуальную ныне тему «искусственного интеллекта». Но, к сожалению, на мой взгляд, рассказ не получился, потому что автору просто не хватило научных знаний об основах компьютерной техники, что заставило его оставить без ответов много технических вопросов. В данном случае автор не мог просто сослаться на какую-либо магию. О чём, собственно, идёт речь?

Сомнительно, что искусственный интеллект (ИИ) можно создать простым увеличением (соединением) «компьютерных мозгов». Практика отрицает подобную возможность. А в рассказе Сергея Малицкого «Дескрипция» происходит именно это. Несколько кают огромного транспортного космического корабля забиты компьютерными системами разного уровня и назначения, которые соединены в общую сеть с корабельной компьютерной системой управления, именуемой автором «навигатор». Вот как автор описывает эту монструозную систему устами персонажа, старшего инспектора внешних линий Дуэла Смита:

«Я обнаружил тонны и тонны оборудования. В том числе совсем уже древнего, но соединённого в одну систему. Громоздкие

и компактные навигаторы и многочисленные вычислительные комплексы. Начиная с самых первых...

Представляешь, до какого уровня этот интеллект развился за десятилетия?»

Но в данном случае, как я уже сказал, количество не переходит в качество, хотя фантасты разных стран довольно плотно потоптались на этой теме, можно вспомнить ставший классическим примером подобного фантастического допущения фильм «Терминатор». И я бы легко простил автору такое объяснение возникновения ИИ, если бы он только им и ограничился. Но Малицкий, очевидно, понимал, что столь банальное и неоднократно пережёванное возникновение ИИ вряд ли сильно заинтересует и впечатлит читателя, а потому решил ввести в повествование детективную струю. Оказывается, капитан этого космического корабля Каррег Андерсон каким-то образом тридцать лет назад ограбил компанию, на которую работал, неизвестным способом украв с её счетов огромную сумму!

«Это не Каррег Андерсон, — объяснил Дуэл. — Или, я бы сказал, не только капитан Андерсон. Это Иниг Пейлот. Знаменитый Иниг Пейлот, который провёл целый год в подобном корабле, потерявшем управление и средства связи. Его перегоняли на утилизацию и потеряли в космосе.

Давняя история. Он голодал. Можно сказать, что грыз изоляцию. Едва выжил. Начал выращивать плесневелые грибы, как то их перерабатывать. Когда его нашли, это были кожа и кости. Компания отказалась ему компенсировать пережитое. Точно так же, как она не очень-то и искала потерю. Там была махинация со страховыми выплатами...

...я так и не разгадал загадку Инига Пейлота. После неудачного иска тот исчез. Но не в одиночестве. Вместе с половиной миллиарда кредитов, которые каким-то непостижимым образом сумел вывести со счетов компании. Вывести бесследно. Так же, как непостижимым образом растворился в космосе сам, и вот — обнаружился под именем Каррег Андерсон в той же самой компании...

Как он украл деньги? Как их спрятал? Как он смог изменить системы учёта и так долго скрывать свой нейрокод от поисковиков? Ведь он не был компьютерным гением».

Что можно понять из этих цитат? Не будем обсуждать «выращивание и какую-то переработку плесневелых грибов» откуда-то взявшихся на космическом корабле. Нас в данном случае интересует, при помощи чего или кого Иниг Пейлот неожиданно для всех превратился в компьютерного гения? Автор не даёт конкретного ответа, но вводит в текст фразу, что Пейлот целый год вынужденно общался «тет-а-тет» с навигатором «потерянно-го» компанией корабля. Надо понимать, что, потребляя «переработанные плесневелые грибы» и «общаясь» с корабельным электронным мозгом, либо Пейлот стал компьютерным гением, либо навигатор корабля развил признаки искусственного интеллекта. А тридцать последующих (после кражи денег компании) лет и тонны устаревших компьютерных систем, присоединённых к поумневшему навигатору, понадобились последнему для поднятия уровня возникшего ИИ. А как иначе? Читателю просто надо выбрать более достоверный вариант.

Давайте рассуждать логически. Если капитан Пейлот стал компьютерным гением и полумиллиардером, какой смысл ему тридцать лет тайно от периодически меняющихся команд космического корабля возиться с устаревшими навигаторами, соединяя их в одну сеть? Вопрос о том, как это вообще возможно делать втайне от экипажа, оставим на совести автора. Заимев огромную кучу денег, Пейлот мог просто наслаждаться жизнью, а не торчать тридцать лет на космическом мусорщике. Получается, это навигатор вдруг стал проявлять признаки разумности и помог Пейлоту ограбить компанию и многие годы бесследно скрываться под чужим именем на корабле той же компании! И тот в благодарность в свою очередь помог навигатору развиться в полноценный ИИ.

Однако, невозможно превратить обычный компьютер в ИИ, просто годами «беседуя с ним». Любая беседа уже подразумевает наличие интеллекта у собеседников, в противном случае она

превращается в технический процесс «вопрос — ответ», в котором вполне конкретный ответ заранее записан в память компьютера. Обладающий интеллектом человек по собственной воле (и это главное!) может придумать нечто новое, чего не знал ранее. Компьютер решает только те задачи, которые перед ним ставит человек, он не самостоятелен, а значит, не обладает интеллектом. Человек думает, ищет неизвестные ранее решения проблемы, а машина решает поставленную ей задачу, используя только ранее заложенные в её память способы. Именно в этом состоит проблема создания искусственного интеллекта. Как научить машину думать, вложить в неё творческое начало? Нынешние нейросети уже умеют создавать «художественные» тексты и рисовать картинки, но опять же, они это комбинируют из заложенных в их память готовых образцов и только по конкретному заданию человека, а не по собственному желанию. Сергей Малицкий, к сожалению, не смог придумать научно обоснованную причину возникновения на корабле искусственного интеллекта, хотя бы даже «магией» мимолётного контакта со случайно пролетавшим мимо инопланетным автоматическим звездолётом, ограничившись какими-то «беседами» умиравшего от голода капитана с корабельным компьютером. Итак, я вынужден констатировать, что эта сюжетная линия рассказа Сергея Малицкого «Дескрипция» и в научно-фантастическом, и в детективном планах не выдерживает критики.

Но автор, как говорится, погнался одновременно за двумя зайцами и ввёл в рассказ ещё одну фантастическую линию, тоже дополненную детективной составляющей. Это экипаж космического мусорщика и два сыщика. Схема классическая: «замкнутая комната» — космический корабль, три трупа, семь подозреваемых из числа экипажа, опытный сыщик с помощником. Оставим пока детективную составляющую и рассмотрим фантастическую.

Оказывается, экипаж корабля и сыщики вовсе не люди! Кто они, эти орги? Искусственные люди? Клоны? Вот что устами персонажей объясняет читателю автор:

«То есть, если взять человека, вычтешь из него душу, эмоции, ощущение неотвратимости смерти, воспоминания о детстве, любовь, трудности взросления, комплексы – всё, что делает его человеком, то получится орг».

Однако практически сразу автор пишет, что ***«люди и орги признаны в государственном смысле равными. Если плюнуть на все исследования, что подтверждают их эмоциональную идентичность. Если забыть о неопределённости категории „душа“».***

Таким образом, внешне и в эмоциональном плане люди и орги идентичны. Даже наличие или отсутствие у оргов души пока «толком не исследовано». Чем же ещё, кроме отсутствия воспоминаний о детстве, орг отличается от человека?

«Зато у него есть не только органическая оболочка и надёжная система метаболизма и передачи нервных импульсов, но и улучшенная скелетная основа и всё то, за что его обзывают бесчувственной железкой. Да и об устойчивости к жёстким космическим излучениям не стоит забывать. Здесь людям не тягаться с оргами. Да, орг не превращается в глубокого старика к сотне годам возраста, хотя и его органике свойственна дряхлость. Но в его голове сохраняется ясность».

Есть ещё одно отличие оргов и людей. Люди живут столько, сколько отмерила им природа, а орги ровно сто лет. По достижению искусственно установленного срока жизни орг «выключается». Кто и зачем установил этот предел?

«Человечество испугалось, что оргов будет слишком много. Теперь есть квота. И та же компания не может запустить новых оргов, пока не выключит старых».

Можно сделать вывод, что орги — это искусственно созданные люди с улучшенными физическими характеристиками. Генная модификация? Но что значит отсутствие у оргов воспоминаний о детстве и фраза о «выключении» достигших столетнего лимита оргов? Любое живое существо умирает, а не выключается! Оказывается, есть кардинальное отличие орга от человека:

«У него есть право сгрузить себя в ячейку памяти государственного хранилища с гарантией, что он не будет осознавать себя в виртуальности тем, кем был, и вообще не будет осознавать себя там кем-то, или стереть себя без остатка. И это тоже на всякий случай».

А с обычным человеком такая процедура невозможна! Вот почему у оргов нет детства, их тела производят искусственно, а готовые личности записывают прямо в память из компьютерного хранилища. Получается, орги — это андроиды. Но данный вывод немедленно влечёт за собой лавину вопросов к автору. Почему личности оргов можно перезаписывать и хранить, как компьютерные программы, а с настоящим человеком проделать подобное невозможно? У оргов электронный мозг? В рассказе нет и намёка на конвейерное производство тел оргов, все персонажи внешне абсолютно разные. Кто и зачем изначально создал множество совершенно разнообразных мужских и женских тел, не говоря уже про столь же разнообразные, индивидуально подобранные искусственные личности? Ведь это гораздо дороже серийного производства! Глупо использовать подобных «людей» на давно устаревших кораблях-мусорщиках.

Автор сообщил, что оргам не только ограничили срок жизни, но и лишили репродуктивной системы. Они не должны самостоятельно и бесконтрольно размножаться. Однако в другом месте читатель с удивлением узнаёт, что люди работают над решением этой проблемы! Как понимать сей пассаж? У автора правая рука не знает, что пишет левая? Зачем создавать своей расе более совершенных конкурентов, не лучше ли заняться улучшением собственной, раз уж это стало возможным?

И главное, есть то, что напрочь убивает первоначальную и основную фантастическую завязку рассказа Сергея Малицкого «Дескрипция». Получается, что эти орги по факту являются носителями искусственного интеллекта, раз его можно хранить в памяти компьютера и многократно перезаписывать! Зачем тогда было обладателю ИИ капитану Пейлоту десятки лет тайно нянчиться с многотонной конструкцией из устаревших навигаторов,

как с зародившейся в компьютерной системе новоявленной искрой разума? Впрочем, этот вопрос уже разобран выше и конкретного ответа на него автор не дал.

Тема разумных андроидов и вообще роботов с давних пор и не раз рассматривалась различными фантастами, но я впервые встречаю аж две модификации в одном небольшом тексте, и обе поданы как-то невразумительно, даже небрежно. Эти сюжетные линии автономны, но автору всё же удалось их свести воедино, и это единственный, на мой взгляд, положительный момент, который я не могу не отметить. Правда, это слияние — всего лишь версия, которую старший инспектор внешних линий Дуэл Смит не доказал, но подал как свершившийся факт. В чём она состоит? Капитан Пейлот неизвестным способом заполучил на корабль орга, лишённого полноценной личности, тело без разума.

«А он ещё на старости лет удочерил эту Уилсон и притащил её на нашу ржавую канистру. Ведь дура душой была, двух слов связать не могла, ходила под себя, бродила как сомнамбула, и вот же — квалифицированный пилот. Да и просто хороший человек и очаровательная малышка. Чудо!»

И ещё цитата:

«В каюте капитана в тайнике я нашел аппаратуру для загрузки, — объяснил Дуэл. — Кустарную, но вполне себе рабочую. С огромным буфером и пригодную для перезаливки оргов. Спецы сказали, что если посадить в неё тебя и меня, то с некоторым риском мы могли бы поменяться телами.»

Читатель должен сам догадаться, что Пейлот загрузил в тело Уилсон развившийся искусственный интеллект корабельного навигатора. Две фантастические линии слились, но никаких доказательств якобы произошедшего слияния корабельного машинного интеллекта с телом орга Уилсон автор не даёт, читатель довольствуется лишь домыслами и голословными утверждениями старшего инспектора внешних линий Дуэла Смита. Вот почему я утверждаю, что писать научную фантастику гораздо труднее, чем фэнтези. Сергей Малицкий в данном слу-

чае с этой задачей явно не справился. Но в рассказе есть ещё один уровень. Может, автор сосредоточился на детективной линии, а ИИ служит лишь в качестве фантастического антуража? Увы, это предположение не находит подтверждения.

Убийство трёх оргов не столь фатально, как убийство людей, учитывая, что личность орга ежегодно обновляется в государственном хранилище и в случае необходимости может быть записана в новое тело взамен погибшего. Но по законам жанра сыщик обязан найти убийцу. Но этого не происходит! Так что и эта детективная составляющая тоже вызывает разочарование. Зачем капитану корабля, который всегда заранее просчитывал все свои поступки, понадобилось тройное убийство, привлёкшее к его необычному кораблю и экипажу, не говоря уже о личности самого капитана, пристальное внимание соответствующих спецслужб? Понятно, что автору понадобилась причина для визита пронциательного старшего инспектора внешних линий Дуэла Смита на корабль, но не столь же откровенно несуразная!

«Иниг Пейлот был хорошим оргом. Все отзывались о нём именно так. Он никогда не поступал необдуманно. Никогда не ошибался. И если вот это всё вокруг нас сделано им – значит так было нужно.

– Убить себя? – подняла брови Глэн.

– И убить себя в том числе, – кивнул Дуэл. – Так было нужно Инигу Пейлоту. Ну, или кому-то свыше».

Сыщик и его юная красавица-помощница Глэн, как и положено, ищут улики, опрашивают подозреваемых, но это только фон, на котором они друг другу подробно рассказывают то, что и так знают: кто такие орги и чем они отличаются от людей. Автор даже не удосужился объяснить, как сыщик ещё до прилёта на корабль-мусорщик узнал, что убитый капитан Каррег Андерсон на самом деле сбежавший преступник Иниг Пейлот, и как узнали, что компанию ограбил именно он?

« – Иниг Пейлот не хотел умирать, – вздохнул Дуэл. – Да, каким-то необъяснимым образом он увёл из компании кучу денег. Такую сумму, что компания приходила в себя десяток лет... Сло-

мал систему. Остался жить. Сделал копию самого себя. Поименовал её Каррегом Андерсоном. Слил её в системы компании. Вместе с ключами от украденных денег. А потом загрузил её или в нового орга, из тех, что ожидают запуска по квоте, или в одного из тех, кто восстанавливается по страховке.

– Но это невозможно! – развела руками Глэн.

– Украсть полмиллиарда кредитов тоже было невозможно, – заметил Дуэл.

– И что же, нельзя было установить, куда он её слил? – прищурилась Глэн.

– Не удалось, – ответил Дуэл. – Он ведь сделал это до срока. Ты даже представить себе не можешь, как это сложно».

И весь рассказ написан в таком духе: нам рассказывают, что из области абсолютно невозможного якобы сделал Иниг Пейлот и зачем, но не как. Даже сам Дуэл задаётся вопросами, на которые нет ответа:

«Слишком много вопросов. Зачем всё это? Зачем уничтожать навигатор? Зачем Инигу была нужна Лиу Уилсон? Ты ведь получила информацию? Она не была глупой. Она была пустой. То есть, программа не легла в этого орга! Каким, чёрт возьми, образом ему удалось оформить над ней опекунство? Это же всё равно, что взять чистого орга! Невозможно! Она должна была быть утилизирована!»

На большинство вопросов даётся один универсальный ответ:

«Разве после исчезновения полмиллиарда кредитов что-то может быть невозможным для Инига Пейлота?»

Этот якобы универсальный ответ заменил автору магию, с помощью которой он привык объяснять невозможное в своих романах жанра фэнтези. Но в данном случае этот фокус не получился. Вдобавок к вышесказанному вопрос, кем и как были убиты три члена экипажа корабля, включая самого капитана Инига Пейлота, остаётся загадкой! Старший инспектор Дуэл Смит просто закрыл дело, засекретил его и отправил в архив. Вот такой вот детектив!

Словом, рассказ Сергея Малицкого «Дескрипция», на мой взгляд, оставляет много вопросов, вместо того, чтобы дать хоть

какой-нибудь вразумительный ответ по затронутым в нём темам. Автор погнался одновременно за несколькими зайцами, что, к сожалению, закончилось легко предсказуемым результатом.

3. СЕРГЕЙ МУРАШЕВ «ОХОТА»

Рассказ оставляет тягостное впечатление, несмотря на вроде бы оптимистичную концовку. Сюжет рассказа прост, а авторская мысль прямолинейна и наивна настолько, что поверить в неё практически невозможно.

Молодой парень по имени Илья приезжает из города на несколько дней в родную деревню, в которой не был три года. Автор прямо не говорит, но, судя по поведению Ильи, тот уже довольно сильно пьян.

«Илья протянул руку шофёру и стал выбираться из кабины. Что-то замешкался, неудачно выпрыгнул и, не удержавшись на ногах, больно упал на колени, ткнулся головой о землю».

Пока можно подумать, что падение — случайность. Но вот дорогу Илье перегораживает большая лужа.

«Он пропустил оба самодельных мостика, по которым можно было перейти, и, сделав порядочный круг, обошёл воду стороной».

Это уже явный признак того, что у парня неладно с координацией, и он не надеется на благополучный переход лужи по узким мосткам. До родного дома Ильи не сможет дойти на собственных ногах.

«Поздно ночью Илью занесли в дом к матери бревном или, лучше сказать, колодиной».

Зачем Илья приехал в родную деревню? Помочь старенькой матери, которая в каждом письме жалуется на протекающую крышу? Нет.

«Илья, взяв отгулы, приехал на несколько дней. Одуматься. Недавно поговорили с женой и решили недельку пожить отдельно, а то совсем разлад в семье. Из-за Ильи. И ничего не поделаешь...»

Читателю остаётся только догадываться, что семья Ильи рушится из-за его пьянства, потому что никаких подробностей на сей счёт автор не сообщает.

Проснувшись чуть свет, мучимый похмельем Илья обнаруживает пропажу кошелька. Разбуженная им мать признаётся, что спрятала его. Видимо, зная своего сына, она не хочет, чтобы тот в первый же день пропил все деньги. Как отреагировал на это Илья, автор чётко не пишет, ограничившись невнятным намёком.

«...Что-то произошло дома. Что-то ужасное... Илья выскочил на улицу, отчаянно топая босыми ногами по скрипнувшим ступенькам, громыхнув дверью.

Илья быстро шёл, бежал. Что-то резко дёргалось внутри его и выходило наружу толчком, сдавленным криком. А за Ильёй, отстав метров на десять, торопилась, запинаясь, редела старушка-мать».

Понятно, что и в городе с женой и сыном Илья ведёт себя не лучше. Кошелёк мать наверно не отдала сыну, и тот решил выгнать похмелье при помощи бани.

«Перепарившись, что ли, Илья пришёл домой в полузабытьи и бухнулся в постель, приготовленную матерью. Бельё пахло свежестью и чистотой.

Утром Илья проснулся часа в четыре. Самому хорошо, легко, голова свежая, отдохнувшая впервые за много дней. Да и как иначе – выспался».

И что делает трезвый Илья? Думает, как сохранить семью? Чинит крышу? Вставляет вывалившуюся раму в чердачном окне? Косит ржавым серпом крапиву вокруг дома? Он берёт отцовское ружьё, боеприпасы, приبلудную собачёнку и идёт на охоту!

Лес, описания природы, процесс охоты описаны автором с явной любовью и нареканий не вызывают.

«Только перед темнотой Илья вышел к семейной избушке, поставленной в истоке Борового ещё дедом.

В избушке (обычное дело при неуходе) лопнула матица, и Илья, порядочно захватив темноты, долго возился, подстав-

ляя подпоркой сосновый столбик. Умаялся. Сварил суп из рябчиков, поел, накормил собаку и, не готовя чая, лёг спать».

Ночью Илья проснулся и вышел наружу.

«Сделал несколько осторожных шагов по холодной, местами с мхом земле. Всё небо в звёздах! И в кронах сосен звёзды. И между стволами звёзды».

И тут случилось чудо! Илья, припав к истокам, напившись лечебной воды из лесного родника, вспомнив детские годы и увидев звёзды над головой, переродился и стал нормальным человеком. Финальная сцена умиляет:

« – До свидания, мама, – обнял Илья Шуру. Она обхватила сына руками, прижалась к нему и не хотела отпускать.

– Теперь у меня, мама, тут что-то есть, – показал он рукой на грудь. – Мама! – снова крепко обнял мать. Взглянул на родной дом за её спиной. Маленький, бревенчатый, с тремя широко расставленными друг от друга окнами-глазами. У балкончика, срубленного в два ряда, необшитого, отгнило нижнее бревно, упало и приставилось к стене, словно подпирая её. – А за дом ты не расстраивайся. Крышу починил. А на будущий год всей семьёй приедем, подремнтируем».

Неужели Сергей Мурашев всерьёз думает, что в жизни всё так просто? Достаточно припасть к истокам, выгнать похмелье банькой и посмотреть на звёзды. Но ведь друзья детства, принёсшие допившегося до состояния бесчувственного бревна Илью в родной дом, так и живут у родных истоков, но это абсолютно не мешает им напиваться по любому поводу! Почему читатель должен верить, что, вернувшись в город к жене и сыну, Илья на радостях не напьётся? А там последуют встречи с городскими дружками, и всё вновь вернётся на круги своя...

4. ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ «ПРОПАЛА СОБАКА»

Рассказ Виктора Мельникова поражает непрофессионализмом. Может быть это потому, что автор сам не знал, о чём решил написать и, как говорится, высасывал текст из пальца. Един-

ственная чётко выраженная мысль, которую можно было бы принять за основной посыл рассказа, высказана автором открытым текстом, и для её доказательства накручены все прочие события.

Итак, Василий и Полина живут в городе в однокомнатной квартире. У них нет детей, зато есть собака Алиса. Возраст и внешность супругов автор не сообщает, а вот собака описана излишне подробно. Однажды осенью, выгуливая собаку, муж с её помощью находит на пустыре кошелёк, набитый долларами, и решает его присвоить. Именно в этот момент автор и озвучивает основную мысль рассказа.

«Разговор с женой оказался трудным. Она была категорически против того, чтобы присвоить находку.

– Потерять такую сумму – ты представляешь, какое это горе! – убеждала она мужа. – Поверь, эти деньги не принесут нам счастья. Так всегда бывает: если прибудет в одном месте – обязательно убудет в другом. Не испытывай себя, Васенька! Отнеси в полицию, подальше от греха. Бог всё равно отберёт».

И чтобы доказать банальную мысль, что красть грешно, автор накручивает массу нелепостей.

Конечно, Василий уговорил Полину присвоить найденные деньги. Решающим аргументом было то, что они теперь смогут отремонтировать дом в деревне, в котором живёт мать Полины, чтобы всей семьёй наконец переехать туда из тесной городской однушки. Уж сколько лет молодёжь бежит из сёл и деревень в города, а герои рассказа Виктора Мельникова по непонятным причинам жаждут вернуться в родное село. У обоих есть работа, живут в собственной квартире, что их тянет в деревню? Автор не объясняет. И вот украденные деньги пущены в дело.

«К зиме переехали в деревню в отремонтированный дом».

Сколько воссоединившаяся семья прожила в этом доме, месяцы или годы, автор не сообщает, но однажды летним утром в доме начался пожар, и Полина успела спасти только больную мать, деньги и документы. То, о чём она предупреждала мужа, сбылось.

«А Полина вдруг вспомнила про найденные деньги. «Вот они сейчас и обернулись нам. Ничто в этой жизни не бывает даром. Говорила же я Васе, говорила», – думала она, кусая губы, и стучала кулаками по лысой земле.

– Ты о чём, доченька? – не понимая, заволновалась мать.

– Ничего, мама, – успокоила её Полина. – Это я так, старое вспомнила».

Нет ничего удивительного в том, что автор, пусть и столь примитивно, проиллюстрировал поговорку «Бог дал – Бог взял». Этого следовало ожидать после слов Полины: «Бог всё равно отберёт». Удивляет огромное количество ляпов и несуразностей, которыми Виктор Мельников нашпиговал текст рассказа. Вот и в вышеприведённой цитате Полина молча вспоминает свой спор с Василием, а её мать реагирует на мысли дочери, будто услышала их. Приведу и другие примеры.

Когда городской житель пытается описывать деревенскую жизнь, то, образно говоря, он вступает на минное поле. Виктор Мельников, очевидно, считает, что деревня и село – это одно и то же. Конечно, сейчас различия между этими понятиями за время советской власти почти стёрлись и официально не регламентируются. Но всё же автор должен точно знать, где расположен дом матери Полины, потому что он у него в тексте то в деревне, то в селе. И дом этот «вековой давности» ещё и просторный. Век назад только-только закончилась Гражданская война, в России кругом разруха и голод. Получается, что предок Полины вернулся с войны и тут же отгрохал себе просторный, то есть большой, каменный дом. А необходимое количество камня, наверно, набрал в окрестных лугах. Там же луга вокруг села, нет ни гор, ни лесов, если судить по начальным строкам рассказа:

«Рассвет только-только коснулся земли, как раздалась на всю округу птичья песня. На разные голоса. Распевы возносились всё выше и выше – к самым облакам. Солнце вставало над всеми домами села. Зашевелились цветы и бабочки. А с лугов уже слышен был знакомый звук косы.

Под этот утренний птичий переполох вышла босиком во двор и Полина. Потянула спросонья вверх руки и сладко сощурилась от яркого солнца».

Автор, видимо, хотел нарисовать читателю красивую картинку, и подобное желание можно только приветствовать, но сами видите, что у него получилось. Рассвет при всём желании автора не может коснуться земли! И уж совершенно невозможно, чтобы солнце одновременно с рассветом вставало над домами села, тем более — всеми. И конечно же не может звук одной косы доноситься до села сразу с нескольких лугов. И где автор слышал, как птицы на разные голоса поют одну и ту же песню? Вот такое количество нелепостей Виктор Мельников умудрился нагромоздить в первом же абзаце своего рассказа!

А ещё у него и собака Алиса несётся по городской улице ***«длинными и высокими прыжками, обгоняя осенние облака»***. Наверно, Мельников таким вот образом решил привнести поэзию в прозу. Повторю: попытку можно лишь приветствовать, результат, на мой взгляд, удручает.

А знаете, какую причину пожара предложил читателю автор? Цитирую диалог Полины с её матерью:

« — Никак не пойму только, откуда огонь взялся?

— Я слышала из стиральной машины хлопок, и сразу она замолчала. Может, там коротнуло?

— Это я виновата. Думала, пока на огороде — бельё постирается.

— Не вини себя. Мы, женщины, всегда норовим сделать де-сять дел за один присест. Откуда тебе было знать, что элек-трика польхнёт».

Стиральная машина в деревенском доме! А чистая вода в неё откуда поступает и куда сливается грязная? О наличии в доме канализации и водопровода автор ни разу не упоминает, зато в сенах, как и положено, стоит ведро с водой.

«Занавески в спальне уже облизывал огонь. Мать протянула к дочери руки — только на это и хватило ей сил. Полина метну-

лась в сени, вернулась с ведром воды. Плеснула на мать, оставок — на себя».

Думаю, примеров достаточно. Разве что осталось не менее нереальный счастливый конец рассказа прокомментировать напоследок. Видимо, по мысли автора, Василий с Полиной получили от Бога заслуженное наказание и теперь могут начать новую и отныне счастливую жизнь.

«Василий улыбнулся, заглянул в лицо.

— Ты сегодня какая-то другая, — тихо сказал он.

— Наконец-то заметил, — толкнула она его кулачком в грудь. — У нас скоро будет малыш!

— Любимая моя! — он приподнял её и закружил по двору. — Я тебе такой дворец построю! — Он прокричал это так громко, что даже небо услышало».

И читатель должен прослезиться и поверить? Жили в однушке втроём с собакой, денег не было даже на ремонт крыши дома в деревне, а теперь, когда вернутся в ту же однушку, и к троим прибавятся большая мать и ребёнок, Василий аж целый дворец построит!

5. МАКСИМ ХАРЛОВ «ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ»

Об этом рассказе мне почти нечего сказать. Максим Харлов художник, родители и жена его тоже художники, и, видимо, поэтому «Дом с привидениями» это не рассказ, а картина, только написанная словами, а не красками. Картина получилась зримой: лунная ночь, дождь, полуразрушенный дом в заброшенном саду, смутное видение прекрасной женщины. А рассказа как такового нет. Рассказ — это история о чём-то или о ком-то. Здесь даже привидений нет! Потому что привидение — это душа реального человека, не нашедшая покоя после его смерти, и у каждого привидения есть своя история. А в рассказе описана игра теней, сложившаяся в образ каменной статуи, которая должна была стоять в предназначенной для неё нише. Нарисовать историю статуи автор даже не попытался.

6. АЛЕКСЕЙ КУРГАНОВ «ВСЁ ПО-ВЗРОСЛОМУ»

Наконец-то «Коломенский альманах» осмелился напечатать четыре юмористических рассказа Алексея Курганова из цикла «Дедушка и внучки», объединив их почему-то под общим названием «Всё по-взрослому», хотя они абсолютно самостоятельны. Больше десяти лет Алексей Курганов пытался проломить стену непонимания редакции альманаха, но та соглашалась принимать от него только «многоплановые» взрослые рассказы. В 2013 году вышла первая книга Алексея Курганова «Земляки». Я был её составителем и редактором. В эту книгу я включил первые пять рассказов о дедушке и его двух внучках-близняшках. Цитирую, что я тогда написал в предисловии сборника:

«И, наконец, в последнем разделе «Дедушка и внучки» собраны юмористические рассказы. Героями этих небольших и практически бессюжетных миниатюр являются члены одной семьи, состоящей из Кати с Машей – двух маленьких сестёр, их мамы с папой и бабушки с дедушкой. В основном автор сводит в забавных сценках и диалогах старых и малых: дедушку и внучек. Этот раздел будет интересен и взрослым, и детям.

Есть мнение, что для детей нужно писать так же, как и для взрослых, только ещё лучше. Я с этим не согласен. Что значит «лучше»? И тем более «ещё лучше»? Проще! Без заумных «аллюзий» и ненужных красотостей. Дети – существа конкретные, живущие чувствами и простыми понятиями. Поэтому они сразу чувствуют любую фальшь. В детской литературе автор не может сослаться на «необразованность» или «непонятливость» читателя и встать в позу непризнанного гения. Не зря великий Андерсен вложил именно в уста ребёнка слова правды о голом короле.

В забавных миниатюрах Алексея Курганова о дедушке и двух его внучках есть не только над чем посмеяться, как взрослым, так и детям, но и о чём задуматься. А главное – это добрые рассказы. В них нет модной сейчас жестокости отчуждения между детьми и родителями, грубости и чернухи. Доброта

и любовь — вот чем живут все члены этой дружной семьи. У них есть, конечно, свои трудности и проблемы. У кого их нет? Но любовь и доброта помогают справиться со всеми неприятностями и бедами».

Моё мнение с тех пор о рассказах Алексея Курганова не изменилось. Несмотря на миниатюрный размер этих рассказов, все персонажи имеют ярко выраженную индивидуальность, даже девочки-близняшки различаются по характеру и поведению. Насколько я знаю, сейчас количество рассказов о забавных приключениях дедушки и его двух внучек перевалило за три десятка. Жаль, что Алексей так и не увидел долгожданную публикацию своих юмористических рассказов о дедушке и внуках на страницах «Коломенского альманаха». После непродолжительной тяжёлой болезни он умер 31 марта 2023 года. Я рад, что редакция ежегодника наконец напечатала хотя бы эту подборку из четырёх миниатюр, одна из которых ранее вошла в книгу Курганова «Земляки». Но, как говорится, «дорога ложка к обеду». Надеюсь, «Коломенский альманах» и в дальнейшем будет публиковать на своих страницах рассказы из обширного архива Алексея Курганова.

Это всё, что я могу сказать о прозе данного номера «Коломенского альманаха». Прошу редакцию ежегодника извинить меня за то, что не все приведённые мною цитаты совпадают с оригиналами буквально — я позволил себе исправить в них найденные ошибки и опечатки.

СМЕРТОНОСНЫЙ ЭГОИЗМ В ЛЮБВИ

«В любви человек упрямо, невзирая на правду – не только на её намёки, даже на открытые признания, – всегда сам обманывает себя».

Вера Мутафчиева «Дело султана Джема»

Что такое любовь, не знает никто, хотя испытали в той или иной форме все. Форм любви много. Сформулировать их чёткое определение весьма затруднительно. Есть материнская любовь, детская, платоническая и тд. И есть ещё жалость.

Некоторые признаки любви даже отвергаются, не считаются таковыми. Например, ревность и вожделение. Ревность почему-то относят к собственническим, дикарским инстинктам, а вожделение – к плотским желаниям, жажде примитивного секса. К настоящей любви, вроде как, подобные вещи отношения не имеют, потому что любовь – это возвышенное чувство, а ревность и вожделение – низменные. Однако жизнь не подтверждает данный тезис. Возьмём, к примеру, вожделение. Разве вы хотите обладать всеми, кто в пределах досягаемости? Вовсе нет! Если, конечно, вы не имеете давно известных медицине заболеваний и не находитесь под воздействием возбуждающих препаратов. То же самое можно сказать и о ревности: вы ревнуете вполне конкретных людей, а не всех своих знакомых. Более того, когда проходит любовь или утихает страсть, исчезают и ревность с вожделением! Таким образом, ревность и вожделение являются если не признаками, то постоянными спутниками любви.

Практически все разновидности любви описаны в произведениях классиков мировой литературы. Рассмотрим некоторые из них.

Жалость как вид любви. Считается, что люди любят кого-то просто так, а не за что-то или почему-то, без конкретной причины – «сердцу не прикажешь». Однако Шекспир в своей знаменитой трагедии утверждает, что Дездемона полюбила Отелло «за муки», а тот её «за состраданье к ним». Так что это между Дездемоной и Отелло – любовь или жалость? По крайней мере со стороны Дездемоны явно жалость! Значит, жалость иногда способна подменять собой любовь! Жалость и любовь взаимосвязаны, как связаны с любовью и ревность, и вождление. Не случайно в известном русском романсе на стихи Сергея Есенина поётся: «Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Не только у Шекспира, но и у многих других авторов описаны женщины, у которых жалость к мужчинам заменяет любовь. Например, медсестра партизанского отряда Варя Морозова из повести Александра Фадеева «Разгром» дарит мужчинам секс не потому что развратна по сути, а из жалости. Потому что кроме собственного тела у неё больше ничего нет, чем бы она могла утешить физическую или душевную боль мужчины, ответить на его чувства. Её муж Иван (Морозка) знает об изменах жены, но совершенно её не ревнует и не упрекает. А вот когда Варя влюбляется по-настоящему в Мечика, Морозка впервые начинает ревновать жену и даже говорит окружающим, что бросает её. Трус Мечик, которому, как говорится, «и хочется, и колется», так и не решается ответить на любовь Вари. Разочаровавшаяся в Мечике Варя решает задушить свои чувства к нему, вернуться к прежнему образу жизни. Узнав об этом муж вновь примеряется с ней.

Безнадёжная любовь бывает взаимная и нет. Нас интересует первый вариант, в котором влюблённые не могут соединиться по каким-либо непреодолимым причинам. Самый известный пример безнадёжной любви – это печальная история Ромео и Джульетты, увековеченная Вильямом Шекспиром. Ещё один классик английской литературы, Джон Голсуорси, в эпосе «Сага о Форсайтах» описал безнадёжную любовь Джона и Флёр Фор-

сайт. И у Шекспира, и у Голсуорси счастьем влюблённых препятствует вражда их родителей.

Ленивая любовь — это когда семейное счастье вполне возможно, но один из влюблённых сознательно от него отказывается из-за сложившейся привычки к одиночеству или нежелания кардинально менять свой образ жизни. Примеры такой любви можно найти в произведениях классиков русской литературы: Илья Обломов и Ольга Ильинская в романе Ивана Гончарова «Обломов», Сергей Кознышев и Варенька в романе Льва Толстого «Анна Каренина», Ермолай Лопухин и Варя в пьесе Антона Чехова «Вишнёвый сад».

Счастливая любовь тоже бывает. Рассказы о ней обычно заканчиваются свадьбой или фразой «они жили долго и счастливо и умерли в один день». Но бывают и трагические концы такой любви, особенно когда в дело вступает ревность, новая любовь или эгоизм, а хуже всего и то, и другое одновременно. Ревность заставила Отелло задушить Дездемону в пьесе Вильяма Шекспира «Отелло», а в пьесе Михаила Лермонтова «Маскарад» поруганная честь из-за уверенности в измене жены заставила Евгения Арбенина отравить Нину. И что особенно трагично, ни Дездемона, ни Нина мужьям не изменяли!

Но мне думается, нет ничего страшнее и отвратительнее эгоистичной любви. Сюжет этот пришёл к нам из Древней Греции. Принц Трои, юный Парис, похитил Прекрасную Елену, жену царя Спарты Менелая. До этого Елена и Менелай десять лет жили счастливо, у них подрастала дочь Гермiona. Самую красивую женщину Греции пообещала Парису богиня любви и красоты Афродита. Очевидно, богиня сделала так, что Елена безумно влюбилась в троянского принца и бежала с ним добровольно. Так измена жены царя Менелая привела к войне между греками и троянцами, потому что Менелай не отказался от Елены, а пожелал вернуть её во что бы то ни стало. Их брак был заключён

по любви, Елена сама выбрала в мужа Менелая из многих претендентов, среди которых были греческие цари и знаменитые герои. Бывшие женихи пришли на помощь оскорблённому спартанскому царю. После кровопролитной десятилетней войны Троя пала, Парис и многие герои с обеих сторон погибли, но Менелай вернул себе жену. Гомер поэтически описал эти события в своей поэме «Иллиада».

Елена видела все ужасы и жертвы разразившейся из-за её поступка войны, но любовь Париса для неё была важнее всего. Десять лет под стенами Трои гибли люди, погиб, наконец, и Парис. Но и тогда Елена не покинула Трои. Она стала женой Деифоба, брата Париса! Когда греки ворвались в Трою, Елена предала Деифоба, и Менелай убил его. На мнение греков и троянцев, а тем более на чувства Менелая, с которым Елена когда-то прожила в счастливом браке десять лет и от которого родила дочь, ей, очевидно, было наплевать. Выдающиеся красота и эгоизм — это всё, что можно сказать о Елене. Видимо поэтому, когда Менелай умер, его сыновья выгнали Елену из дома. Опасаясь за свою жизнь, та бежала на остров Родос, где и была в конце концов убита.

Русский классик Лев Толстой по-своему обработал этот сюжет в романе «Анна Каренина». Не царь, но крупный царский чиновник Алексей Каренин и его красавица-жена Анна мирно и почти счастливо живут и воспитывают восьмилетнего сына Серёжу. Но вдруг Анна встречает пусть и не принца, но блестящего царского офицера Алексея Вронского, и между ними мгновенно, как по приказу богини Афродиты, вспыхивает взаимная любовь. Весь образ жизни Анны резко меняется. Она начинает ездить с визитами в дома, где с большой вероятностью может встретить Вронского. Ей становится неприятен муж, потому что приходится постоянно лгать, изворачиваться и оправдываться, чего Анна никогда раньше не делала, но вину за это брать на себя она не желает и перекладывает её на задающего ей неудобные вопросы мужа. И секс, ранее не вызывавший у Анны негативных эмоций, ставший чем-то вроде ритуального действия, завершающего тру-

довой (для мужа) день, после знакомства с Вронским становится для Анны неприятной обязанностью. А уж когда Анна реально становится любовницей Вронского, секс с мужем начинает внушать ей отвращение.

Вронский предлагает Анне во всём признаться мужу, развестись и выйти замуж за него, но та категорически отказывается даже тогда, когда понимает, что беременна от любовника. Она предпочитает и далее лгать мужу и плыть по течению, утверждая, что не желает терять сына при разводе. Муж ни за что не отдаст Серёжу падшей женщине. Но не обманывает ли себя и Вронского Анна, выставляя сына препятствием для развода?

«Напоминание о сыне вдруг вывело Анну из того безвыходного положения, в котором она находилась. Она вспомнила ту, отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную, роль матери, живущей для сына, которую она взяла на себя в последние годы, и с радостью почувствовала, что в том состоянии, в котором она находилась, у ней есть держава, независимая от положения, в которое она станет к мужу и к Вронскому. Эта держава — был сын. В какое бы положение она ни стала, она не может покинуть сына. Пускай муж опозорит и выгонит её, пускай Вронский охладет к ней и продолжает вести свою независимую жизнь (она опять с желчью и упрёком подумала о нём), она не может оставить сына. У ней есть цель жизни. И ей надо действовать, действовать, чтоб обеспечить это положение с сыном, чтобы его не отняли у ней».

То есть Анна вспоминает о сыне лишь в момент, когда она должна принять судьбоносное решение о том, как ей жить дальше. Но она никогда ничего не решала сама! Поэтому Анна просто прикрывается «отчасти искренней, но много преувеличенной ролью матери, живущей для сына».

Алексей Александрович Каренин «был не ревнив. Ревность, по его убеждению, оскорбляет жену, и к жене должно иметь доверие. Почему должно иметь доверие, то есть полную уверенность в том, что его молодая жена всегда будет его любить, он себя не спрашивал; но он не испытывал недоверия, потому

имел доверие и говорил себе, что надо его иметь». Каренин не желает верить слухам о романе жены с Вронским, которыми его потчуют «доброжелатели», ведь она, глядя прямо ему в глаза, заявляет, что у него нет никаких причин для ревности и беспокойства.

«Анна говорила, что приходило ей на уста, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. Как просто, естественно были её слова и как похоже было, что ей просто хочется спать! Она чувствовала себя одетой в непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала её».

И только падение с лошади Вронского на скачках, беспокойство за жизнь любовника срывают маску с Анны, заставляя её наконец во всём признаться мужу.

И вот тут начинается непонятная для современного читателя карусель. Алексей Каренин решает дать жене развод, раз уж Анна с Вронским так любят друг друга, что не могут жить врозь. Да и дочь у них должна вскоре родиться. Но родственники и подруги Анны скопом начинают убеждать Каренина не подавать на развод, потому что это, дескать, окончательно погубит несчастную Анну! Да и сама Анна по-прежнему не желает развода, потому что якобы не хочет терять сына Серёжу — бывший муж не позволит им видеться. Но на самом деле Анна прекрасно понимает, что причина её отказа от развода вовсе не страх потерять сына. Она вполне сознательно сделала, наконец, выбор.

«Она села к письменному столу, но, вместо того чтобы писать, сложив руки на стол, положила на них голову и заплакала, всхлипывая и колеблясь всей грудью, как плачут дети. Она плакала о том, что мечта её об уяснении, определении своего положения разрушена навсегда. Она знала вперёд, что всё останется по-старому, и даже гораздо хуже, чем по-старому. Она чувствовала, что то положение в свете, которым она пользовалась и которое утром казалось ей столь ничтожным, что это положение дорого ей, что она не будет в силах променять его на позорное положение женщины, бросившей мужа и сына и соединив-

шейся с любовником; что, сколько бы она ни старалась, она не будет сильнее самой себя. Она никогда не испытает свободы любви, а навсегда останется преступною женой, под угрозой ежеминутного обличения, обманывающего мужа для позорной связи с человеком чуждым, независимым, с которым она не может жить одною жизнью. Она знала, что это так и будет, и вместе с тем это было так ужасно, что она не могла представить себе даже, чем это кончится».

И родившаяся у Анны девочка официально становится дочерью Алексея Каренина, а не Вронского. Каренин прощает жену и даже разрешает Вронскому навещать больную после родов Анну. Вронский поражен благородством Каренина и осознанием собственного неблагоприятного поведения. До этого он был уверен, что в *«его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержным и твёрдым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, — и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которому они все принадлежали, в котором надо быть, главное, элегантным, красивым, великодушным, смелым, весёлым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться».* Вронский морально уничтожен и пытается совершить самоубийство, но пуля проходит мимо сердца. Рана Вронского заживает быстрее, чем проходит послеродовая горячка Анны.

Что удивительно, безумно любя сына от противного ныне мужа, Анна полностью равнодушна к дочери от страстно любимого любовника! И все заботы о новорождённой девочке берёт на себя Алексей Каренин. Казалось бы, «сухой, противный» человек, чинуша, у которого весь день заполнен работой и службой царю и отечеству, престиж и репутация которого серьёзно подорваны практически публичной изменой жены, на которую

он не отреагировал так, как ожидало от него великосветское общество, должен ненавидеть этого ребёнка, но именно Каренин, а не мать и настоящий отец, испытывает жалость и любовь к несчастному младенцу и практически спасает погибающую от голода (Анна не кормит, а у кормилицы мало молока) и отсутствия должной заботы (всем слугам наплевать) девочку.

«Он жалел и сына больше, чем прежде, и упрекал себя теперь за то, что слишком мало занимался им. Но к новорождённой маленькой девочке он испытывал какое-то особенное чувство не только жалости, но и нежности. Сначала он из одного чувства сострадания занялся тою новорождённою слабенькою девочкой, которая не была его дочь и которая была заброшена во время болезни матери и, наверное, умерла бы, если б он о ней не позаботился, — и сам не заметил, как он полюбил её».

Благородство мужа, в котором последнее время, чувствуя собственную вину перед ним, Анна старательно отыскивала и преувеличивала внешние и внутренние недостатки, а также осознание собственной низости и лживости вызвали у Анны ненависть к мужу. Она признаётся навестившему её брату:

«Я слыхала, что женщины любят людей даже за их пороки, — вдруг начала Анна, — но я ненавижу его за его добродетели. Я не могу жить с ним. Ты пойми, его вид физически действует на меня, я выхожу из себя. Я не могу, не могу жить с ним. Что же мне делать? Я была несчастлива и думала, что нельзя быть несчастнее, но того ужасного состояния, которое теперь испытываю, я не могла себе представить. Ты согласишься ли, что я, зная, что он добрый, превосходный человек, что я ногтя его не стою, я всё-таки ненавижу его. Я ненавижу его за его великодушие».

Она по-прежнему категорически не желает развода, но и жить под одной крышей с мужем не может. Поэтому, когда Вронский оправился от раны, а Анна и ребёнок окрепли, они уехали на несколько месяцев в Италию. И отсутствие встреч с любимым сыном Серёжей Анну от этого поступка не остановило!

«Разлука с сыном, которого она любила, и та не мучала её первое время. Девочка, его ребёнок, была так мила и так привязала к себе Анну с тех пор, как у ней осталась одна эта девочка, что Анна редко вспоминала о сыне».

Вронский ради Анны потерял всё: карьеру в армии и на гражданской службе, у него резко испортились отношения с матерью и семьёй брата. Он лишился привычного образа жизни, потому что не может вместе с Анной посещать светские мероприятия. И даже за границей они — изгои высшего русского общества. Но больше всего угнетает Вронского, что дочь официально не его, а Каренина. Эту ситуацию частично можно было бы исправить, если бы Анна развелась с мужем и вышла замуж за Вронского, тот тогда смог бы официально удочерить девочку, да и положение в свете изменилось бы к лучшему. Но Анна категорически против — она не желает терять Серёжу. И Вронского начинает тяготить такая неопределённость их будущего. Тем более, что он не понимает, чем нынешнее положение Анны лучше развода, и причём тут сын Анны Серёжа? Вронскому нужен свой сын, которому он в будущем мог бы передать своё состояние и имя. Но Анна заявляет, что не желает больше иметь детей! ***«Вопрос о возможности иметь детей был давно спорный и раздражавший её. Его желание иметь детей она объясняла себе тем, что он не дорожил её красотой».*** Ради чего тогда жить Вронскому? Какое будущее его ждёт?

У Алексея Каренина тоже из-за Анны большие проблемы — его карьера государственного деятеля закончилась. Начальство решило, что раз Каренин не может навести порядок в собственной семье, то как же он тогда разрешит проблемные вопросы в жизни России? Да и в светском обществе на Каренина начали смотреть без прежнего почтения, потому что в ситуации с женой и Вронским тот не поступил так, как от него ждали, как принято поступать в подобных случаях.

Когда Вронский и Анна вернулись в Россию, их семейная жизнь стала трещать по швам. Они поселяются в имении Вронского, где Алексей, не привыкший к праздному образу жизни,

решает заняться общественной деятельностью, раз уж военная и гражданская службы для него закрыты из-за ситуации с Анной. Но его отлучки по различным общественным делам приводят Анну в бешенство. Она постоянно устраивает Вронскому сцены ревности, упрекает в ослаблении его любви к ней.

«Раздражение, разделявшее их, не имело никакой внешней причины, и все попытки объяснения не только не устраняли, но увеличивали его. Это было раздражение внутреннее, имевшее для неё основанием уменьшение его любви, для него – раскаяние в том, что он поставил себя ради её в тяжёлое положение, которое она, вместо того чтоб облегчить, делает ещё более тяжёлым. Ни тот, ни другой не высказывали причины своего раздражения, но они считали друг друга неправыми и при каждом предлоге старались доказать это друг другу».

Особенно Вронского удручает безразличие Анны к дочери, которого она не скрывает даже при посторонних людях.

«Дарья Александровна поняла, что Анна, кормилица, нянька и ребёнок не жили вместе и что посещение матерью было дело необычное. Анна хотела достать девочке её игрушку и не могла найти её».

Удивительнее же всего было то, что на вопрос о том, сколько у ней зубов, Анна ошиблась и совсем не знала про два последние зуба».

– Мне иногда тяжело, что я как лишняя здесь, – сказала Анна, выходя из детской и занося свой шлейф, чтобы миновать стоявшие у двери игрушки».

Психическое состояние Анны ухудшается с каждым днём, она начинает постоянно и бесконтрольно принимать наркотики и под их воздействием окончательно теряет чувство реальности. В конечном итоге Анна поверила в собственную фантазию, что Вронский её разлюбил, готов бросить и жениться на другой. Анна решает страшно отомстить неверному любовнику, представив, как он будет горевать, если она умрёт, как будет раскаиваться и винить себя в её смерти.

«Когда она налила себе обычный приём опиума и подумала о том, что стоило только выпить всю склянку, чтобы умереть, ей показалось это так легко и просто, что она опять с наслаждением стала думать о том, как он будет мучаться, раскаиваться и любить её память, когда уже будет поздно. Она лежала в постели с открытыми глазами, глядя при свете одной догоравшей свечи на лепной карниз потолка и на захватывающую часть его тень от ширмы, и живо представляла себе, что он будет чувствовать, когда её уже не будет и она будет для него только одно воспоминание».

В своём желании страшно отомстить неверному, как она всё больше убеждает себя, Вронскому Анна совершенно забывает о детях, даже не задумывается о том, что будет с ними после её самоубийства. Живущую в наркотическом бреду Анну волнуют только взаимоотношения с любовником.

«Моя любовь всё делается страстнее и себялюбивее, а его всё гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся, — продолжала она думать. — И помочь этому нельзя. У меня всё в нём одном, и я требую, чтоб он весь больше и больше отдавался мне. А он всё больше и больше хочет уйти от меня. Мы именно шли навстречу до связи, а потом неудержимо расходимся в разные стороны. И изменить этого нельзя. Он говорит мне, что я бессмысленно ревнива, и я говорила себе, что я бессмысленно ревнива; но это неправда. Я не ревнива, а я недовольна. Но... Если б я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим. И я этим желанием возбуждаю в нём отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе. Разве я не знаю, что он не стал бы обманывать меня, что он не имеет видов на Сорокину, что он не влюблён в Кити, что он не изменит мне? Я всё это знаю, но мне от этого не легче. Если он, не любя меня, из долга будет добр, нежен ко мне, а того не будет, чего я хочу, — да это хуже в тысячу раз даже, чем злоба! Это — ад! А это-то и есть. Он уж давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть».

Но всё же перед самоубийством у Анны промелькнула мысль о некогда любимом сыне.

«Серёжа? – вспомнила она. – Я тоже думала, что любила его, и умилялась над своею нежностью. А жила же я без него, променяла же его на другую любовь и не жаловалась на этот промен, пока удовлетворялась той любовью». И она с отвращением вспоминала про то, что называла той любовью».

Про годовалую дочь Анна вообще не вспоминает! Её волнует только любовь к Вронскому, да и о той она уже «вспоминает с отвращением». Ей в её состоянии все люди кажутся отвратительными. И она без колебаний бросается под колёса поезда.

Казалось бы, смерть Анны освобождает от проблем и Каренина, и Вронского. Но это не так. Каренин, всю свою жизнь отдавшей государственной службе, практически от неё отставлен. Ему остаётся только заниматься сыном Серёжей и дочкой Вронского и Анны.

Как видим Анна Каренина обладает теми же достоинствами и недостатками, что и Елена Прекрасная – она необыкновенно красива внешне и эгоистична до мозга костей. Парис погиб, защищая Трои, Вронский же, надо думать, сложит голову, помогая освободить Сербию от турецкого ига, по крайней мере именно за этим он едет волонтером на войну. Масштабы последствий преступной и крайне эгоистичной любви Елены Прекрасной к Парису и Анны Карениной к Алексею Вронскому, конечно, несопоставимы, но одинаково печальны. Эти эгоистичные красавицы поставили личные чувства выше наложенных на них обществом обязанностей, что привело к трагедии и никому не принесло желаемого счастья.

Итак, что такое любовь, не знает никто, но мечтают о ней все. Разумеется – о счастливой. Лишь бы пришла, а там уж, как получится...

ВЕШНИЕ ВОДЫ ИУДЫ

*«Великая идея в дурной среде извращается
в ряд нелепостей».*

Василий Ключевский

Влияние европейской культуры на российскую всегда было и остаётся весьма сильным. Это легко объяснить тем, что во время и особенно после Смуты во главе российского государства встали явные поклонники европейского образа жизни и, соответственно, европейской культуры, что особенно ярко проявилось во времена правления Петра Первого. Советские учебники литературы, как это ни странно, сохранили доминирование писателей-западников, почти исключив из программы изучение славянофилов, а уж про нынешние и говорить нечего.

Однако имеет место и обратный процесс – влияние русской культуры на европейскую, что весьма раздражает русофобов всех мастей и противников Русского Мира как в Европе, так и в России. Один из примеров такого влияния я попытаюсь подробно разобрать.

Итак, сравним двух известных писателей: Иван Сергеевич Тургенев (09 ноября 1818 – 03 сентября 1883) и Арчибальд Джозеф Кронин (19 июля 1896 – 6 января 1981).

До девяти лет Иван Тургенев жил в имении Спасское-Лутовиново в Орловской области. В 1827 году Тургеневы переехали в Москву. Когда Ивану Тургеневу было 15 лет, он поступил на словесный факультет Московского университета. Через год Тургеневы переехали в Петербург, где Иван поступил в Петербургский университет на философский факультет и начал писать стихи. Всего за годы учёбы Тургенев написал около сотни стихо-

творений и несколько поэм. Некоторые его стихи опубликовал журнал «Современник».

Закончив учёбу 20-летний Иван Тургенев отправился в Европу, чтобы продолжить образование. Он изучал античных классиков, римскую и греческую литературу, путешествовал по Франции, Голландии, Италии.

В 1840-х годах Тургенев вернулся на родину, получил степень магистра греческой и латинской филологии в Петербургском университете, написал диссертацию, однако защищать её не стал. Интерес к научной деятельности вытеснило желание писать. Именно в это время Тургенев познакомился с Николаем Гоголем, Сергеем Аксаковым, Алексеем Хомяковым, Фёдором Достоевским, Афанасием Фетом и многими другими литераторами.

В 1856 году в печать вышел первый крупный роман писателя — «Рудин», написанный всего за семь недель. Имя героя романа стало нарицательным для людей, у которых слово не согласуется с делом. Спустя три года Тургенев опубликовал роман «Дворянское гнездо», который оказался невероятно популярен в России: каждый образованный человек считал своим долгом его прочитать.

После 1871 года Тургенев жил в Париже, изредка возвращаясь в Россию. Он активно участвовал в культурной жизни Западной Европы, пропагандировал русскую литературу за рубежом.

В Европе Тургенев быстро обрастал литературными связями. Он встречался и вёл переписку со многими известнейшими писателями второй половины XIX века: Уильямом Теккереем, Чарльзом Диккенсом, Генри Джеймсом, Жорж Санд, Виктором Гюго, Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Ги де Мопассаном, Альфонсом Доде, Гюставом Флобером и другими. В истории литературы остались регулярные встречи Гюстава Флобера, Эдмона Гонкура, Альфонса Доде, Эмиля Золя и Ивана Тургенева в парижских ресторанах. С 1874 года писатели раз в месяц собирались на «обед освистанных авторов», чтобы поговорить

о литературе, искусстве, языке. Душой этого эстетически-гастрономического кружка был Тургенев.

К концу 1870-х гг. слава Тургенева сделала его самым востребованным русским писателем в Европе. Свидетельством тому стало присуждение в 1879 году Тургеневу звания почётного доктора Оксфордского университета: ни один литератор доселе не удостоивался такой чести.

Скончался Тургенев 3 сентября 1883 года в Буживале под Парижем, где прошли пышные прощания. Похоронили писателя в Петербурге на Волковском кладбище. Смерть писателя стала потрясением для его поклонников – и процессия из людей, пришедших проститься с Тургеневым, протянулась на несколько километров.

Шотландский писатель Арчибальд Джозеф Кронин родился в Кардроссе, графство Дунбаршир, и был единственным ребёнком в семье. Сначала он учился в Данбартонской Академии, а позднее посещал Колледж Святого Алозия в районе Гарнетхилл города Глазго. Благодаря исключительным способностям, Кронин был награждён стипендией для изучения медицины в Университете Глазго в 1914 году. Пропустив учёбу в 1916 и 1917 годы из-за службы в военных морских силах во время Первой мировой войны, в 1919 году Кронин блестяще закончил университет, получив степень бакалавра в хирургии. В том же году он совершил путешествие в Индию в качестве корабельного хирурга. Вернувшись в Шотландию после путешествия, Кронин продолжил учиться, получил в 1923 году диплом по здравоохранению, а в 1925 году докторскую степень в медицине MD, защитил в Университете Глазго диссертацию об аневризмах «The History of Aneurysm». В общей сложности Арчибальд Кронин работал врачом более десяти лет, прежде чем целиком посвятил себя литературе.

Кронин написал свой первый роман «Замок Броуди» (1931) всего лишь за три месяца. Рукопись была сразу принята для публикации издательским домом «Голланч». Этот роман имел быст-

рый и сенсационный успех, открыв Кронину карьеру писателя, и принёс автору заслуженное признание в литературных кругах. По мнению критика Ангуса Росса, роман «Замок Броуди», как и многие последующие романы Кронина, – это **«смесь натуралистичного взгляда на социальные проблемы (основанного на собственных значительных знаниях и опыте) с чувствами»**, которые ставят автора **«в один ряд с популярными, здравомыслящими писателями реалистами, такими как Пристли»**. Многие из книг Арчибальда Кронина были бестселлерами и переведены на множество языков.

Свои последние 25 лет жизни Кронин провёл в Швейцарии, живя в Люцерне и Монтрё. Среди его друзей были сэр Лоуренс Оливье, сэр Чарльз Чаплин и Одри Хэпберн, старшему сыну которой он стал крёстным отцом.

Арчибальд Кронин ушёл из жизни в Монтрё в 1981 году в возрасте 84 лет и был похоронен в городке Ла-тур-де-Пейлис в Швейцарии.

Учитывая даты жизни Тургенева и Кронина, легко понять, чьё творчество оказало влияние, а чьё подверглось. Совершенно очевидно, что роман Ивана Тургенева «Вешние воды» (1872) является основой первых двух частей романа Арчибальда Кронина «Древо Иуды» (1961). Разумеется, Кронин несколько переработал текст Тургенева, но под «слоем грима» вдумчивый читатель легко обнаружит первоисточник. Итак, перейдём к конкретике.

Завязка романа Ивана Тургенева «Вешние воды»: одинокий богатый русский помещик Дмитрий Павлович Санин, разбирая старые бумаги и документы, обнаружил в ящике письменного стола **«небольшую восьмиугольную коробку старинного покроя»**, в которой **«под двойным слоем пожелтевшей хлопчатой бумаги находился маленький гранатовый крестик»**. Эта находка дала старт воспоминаниям о событиях тридцатилетней давности, которые Санин всячески пытался забыть.

Завязка романа Арчибальда Кронина «Древо Иуды»: одинокий богатый владелец фармацевтической фирмы Дэвид Мори

пришёл на званый вечер местной знати небольшого швейцарского города Мелсбурга, где рассказ одной из дам о проведённой ею поездке в захолустный шотландский городок дал старт воспоминаниям о событиях двадцатипятилетней давности, которые Мори всячески пытался забыть.

Перейдём к сюжетам книг. В романе Ивана Тургенева «Вешние воды» 22-летний Дмитрий Санин, небогатый, **«но независимый, почти бессемейный»**, получив небольшое наследство, решил потратить его на путешествие по Европе. Когда деньги подошли к концу, Санин решил возвратиться в Россию. Во Франкфурте молодой путешественник зашёл в «Итальянскую кондитерскую Дживованни Розелли», чтобы выпить стакан лимонаду, где увидел красивую девушку лет девятнадцати. Это была дочь хозяйки кондитерской Джемма. Разумеется, Санин немедленно влюбился в красавицу, та вскоре тоже полюбила его. Но на пути к их счастью имеются два препятствия: во-первых, жених Джеммы Карл Клубер; во-вторых, твёрдое желание матери Джеммы выдать дочь за этого богатого немецкого коммерсанта, потому что кондитерская стала убыточной.

В романе Арчибальда Кронина «Древо Иуды» бедный сирота Дэвид Мори, студент последнего курса факультета Уинтонского университета, в «пыльный апрельский субботний день» взял у сокурсника мотоцикл и поехал кататься за город.

«Когда он повернул назад, совершив прогулку вокруг До-ранских холмов, приводной ремень почти бесхозной развалюхи распался на несколько частей, и одна из них полоснула по его колену».

Рядом проходила узкоколейка. Мори с трудом дохромал до небольшой станции под названием Крэгдоран-Холт и зашёл в станционный буфет, где увидел красивую девушку. Это оказалась Мэри, отец которой, Джеймс Дуглас, был пекарем и кондитером в Ардфиллане, небольшом городке рядом со станцией. У них была там собственная лавка и пекарня. Мэри оказала Дэвиду первую медицинскую помощь и предложила переночевать

в доме Дугласов, пока рана на его ноге немного заживёт, благо впереди выходной день.

Разумеется, Мори немедленно влюбился в красавицу, та вскоре тоже полюбила его. Но на пути к их счастью имеются два препятствия: во-первых, жених Мэри Уолтер Стоддарт, сын секретаря городского совета, занимающий блестящее положение в бухгалтерском отделе газового департамента; во-вторых, твёрдое желание отца выдать дочь за этого влиятельного и богатого чиновника, потому что пекарня стала убыточной.

Конечно, подобное сходство сюжетных линий могло бы быть случайным, если бы не практически абсолютное сходство в обоих романах эпизодов, послуживших точкой невозврата в отношениях между обеими девушками и их официальными женихами. Итак, сравним.

У Тургенева Карл Клубер приглашает Джемму, её младшего брата Эмиля и Санина на увеселительную прогулку в карете в Соден, соседний городок, находящийся недалеко от Франкфурта, с целью посетить **«лучший тамошний трактир»**. Обед проходил **«на воздухе, в саду, за одним из маленьких столов, поставленных перед трактиром»**.

«Но тут вдруг случилось нечто непредвиденное и уж точно неприятное — и даже неприличное!

За одним из соседних столиков поместилось несколько офицеров майнцкого гарнизона. По их взглядам и перешёптываньям можно было легко догадаться, что красота Джеммы поразила их; один из них, вероятно, уже успевший побывать во Франкфурте, то и дело посматривал на неё, как на фигуру, ему хорошо знакомую: он, очевидно, знал, кто она такая.

Он вдруг поднялся и со стаканом в руке — гг. офицеры сильно подпили, и вся скатерть перед ними была установлена бутылками — приблизился к тому столу, за которым сидела Джемма. Это был очень молодой белобрысый человек, с довольно приятными и даже симпатическими чертами лица; но выпитое им вино исказило их: его щёки подёргивало, воспалённые глаза блуждали и приняли выражение дерзостное. Товарищи сначала

пытались удержать его, но потом пустили: была не была — что, мол, из этого выйдет?

Слегка покачиваясь на ногах, офицер остановился перед Джеммой и насильственно-крикливым голосом, в котором, мимо его воли, всё-таки высказывалась борьба с самим собою, произнёс: «Пью за здоровье прекраснейшей кофейницы в целом Франкфурте, в целом мире (он разом „хлопнул“ стакан) — и в возмездие беру этот цветок, сорванный её божественными пальчиками!» Он взял со стола розу, лежавшую перед прибором Джеммы. Сначала она изумилась, испугалась и побледнела страшно... потом испуг в ней сменился негодованием, она вдруг покраснела вся, до самых волос — и её глаза, прямо устремлённые на оскорбителя, в одно и то же время потемнели и вспыхнули, наполнились мраком, загорелись огнём неудержимого гнева. Офицера, должно быть, смутил этот взгляд; он пробормотал что-то невнятное, поклонился — и пошёл назад к своим. Они встретили его смехом и лёгким рукоплесканьем.

Г-н Клубер внезапно поднялся со стула и, вытянувшись во весь свой рост и надев шляпу, с достоинством, но не слишком громко, произнёс: «Это неслыханно! Неслыханная дерзость!» (Unerhört! Unerhörte! Frechheit!) — и тотчас же, строгим голосом подозвав к себе кельнера, потребовал немедленного расчёта... мало того: приказал заложить карету, причём прибавил, что к ним порядочным людям ездить нельзя, ибо они подвергаются оскорблениям! При этих словах Джемма, которая продолжала сидеть на своём месте не шевелясь, — её грудь резко и высоко поднималась, — Джемма перевела глаза свои на г-на Клубера... и так же пристально, таким же точно взором посмотрела на него, как и на офицера. Эмиль просто дрожал от бешенства.

— Встаньте, мейн фрёйлейн, — промолвил всё с той же строгостью г-н Клубер, — здесь вам неприлично оставаться. Мы расположимся там, в трактире!

Джемма поднялась молча; он подставил ей руку калачиком, она подала ему свою — и он направился к трактиру величе-

ственной походкой, которая, так же, как и осанка его, становилась всё величественней и надменной, чем более он удалялся от места, где происходил обед. Бедный Эмиль поплёлся вслед за ними.

Но пока г-н Клубер рассчитывался с кельнером, которому он, в виде штрафа, не дал на водку ни одного крейцера, Санин быстрыми шагами подошёл к столу, за которым сидели офицеры, и, обратившись к оскорбителю Джеммы (он в это мгновение давал своим товарищам поочерёдно нюхать её розу), — произнёс отчётливо, по-французски:

— То, что вы сейчас сделали, милостивый государь, недостойно честного человека, недостойно мундира, который вы носите, — и я пришёл вам сказать, что вы дурно воспитанный нахал!

Молодой человек вскочил на ноги, но другой офицер, постарше, остановил его движением руки, заставил сесть и, повернувшись к Санину, спросил его, тоже по-французски:

— Что, он родственник, брат или жених той девицы?

— Я ей совсем чужой человек, — воскликнул Санин, — я русский — но я не могу равнодушно видеть такую дерзость; впрочем, вот моя карточка и мой адрес: господин офицер может отыскать меня.

Сказав эти слова, Санин бросил на стол свою визитную карточку и в то же время проворно схватил Джеммину розу, которую один из сидевших за столом офицеров уронил к себе на тарелку. Молодой человек снова хотел было вскочить со стула, но товарищ снова остановил его, промолвив: «Дёнгоф, тише!» (Dönhof, sei still!). Потом сам приподнялся — и, приложась к козырьку рукою, не без некоторого оттенка почтительности в голосе и манерах, сказал Санину, что завтра утром один офицер их полка будет иметь честь явиться к нему на квартиру. Санин отвечал коротким поклоном — и поспешно вернулся к своим приятелям».

А вот как эта сцена описана в романе Кронина. Уолтер Стодарт устраивает «чудесную экскурсию» для Мэри, её младшего

брата Уилли и Мори на пароходе в соседний городок Гэрсей, где им уже заказан обед в «Гранд-отеле».

«...в зал неторопливой походкой вошёл из бара высокий и седой обветренный мужчина задиристого вида, с коротко подстриженными усиками, в блёклом килте из тёмной шотландки Королевского хайлендского полка. Его сопровождали трое молодых людей в жёстких твидовых костюмах – все они, как сразу определил Мори, пропустили в баре больше чем по стаканчику. Усаживаясь за соседний столик, они шумно обсуждали, как прошла рыбалка на берегу реки Гэр – видимо, на том участке, которым владел мужчина в килте. Один из троицы, горластый тип со светлыми волосами и безвольным ртом, сильно под градусом, заметил Мэри. Перегнувшись через спинку стула, он так и впился в неё глазами, пока официант подавал первое блюдо. Жестами и подмигиваниями он призвал своих приятелей переключить внимание на девушку.

...Но Харрис уже приблизился, отвесил преувеличенный поклон и, нагнувшись к Мэри, взял её за руку.

– Прошу прощения, дорогая. Не доставишь ли нам удовольствие, разделив нашу компанию?

Мори заметил, как она вся сжалась. Если вначале щёки девушки пылали ярким румянцем, то теперь в её лице не осталось ни кровинки. Бесцветные губы дрожали. Она умоляюще взглянула на Уолтера. Уилли тоже уставился на Стоддарта округлившимися глазами, в которых читались испуг и возмущение.

– Сэр, – с запинкой проговорил Уолтер, судорожно сглотив, – вы осознаёте, что обращаетесь к моей невесте? Нельзя так навязываться. Я буду вынужден позвать директора.

– Успокойся, дядюшка. Ты нас не интересуешь. Пойдём, дорогуша. – Харрис потянул Мэри к себе. – С нами не соскучишься.

– Прошу вас, уйдите, – тихо произнесла она страдальческим голосом.

Что-то в её тоне возымело действие. Харрис потоптался ещё немного, затем, поморщившись, отпустил руку девушки.

— Дело вкуса, — пожал плечами он. — Что ж... если ты мне не досталась, то я возьму ма-а-аленький сувенирчик.

Он подхватил со стола цветы Мэри и, по-театральному прижав их к губам, вернулся вразвалочку на своё место.

Наступила тягостная тишина. Все смотрели на Уолтера. Особенно мужчина в выдавшем виды килте, при этом он скривил губы в жестокой насмешке. А взволнованный Уолтер являл собой жалкое зрелище. Позабыв о своём намерении проверить счёт, он дрожащими пальцами полез в кошелёк, торопливо швырнул на скатерть несколько банкнот и поднялся из-за стола, как встрёпанная курица.

— Мы уходим, Мэри.

Мори тоже встал. В его характере не было ничего героического, да и соображения морали никогда особенно его не занимали, но тут он разозлился... в большей степени оттого, наверное, что попусту потратил весь день. Поддавшись внезапному нервному импульсу, почти предопределённому, он шагнул к соседнему столу и взглянул на Харриса, который, как видно, не очень обрадовался его появлению.

— Разве вам не было сказано есть суп? Теперь немного поздно, но, позвольте, я вам помогу.

Положив руку ему на затылок, Мори с силой надавил и трижды макнул лицо обидчика в тарелку. Это был густой суп, тот самый *potage à la Reine Alexandra*, который успел хорошенько застыть, поэтому Харрис, когда вынырнул, был весь в желтоватом клейстере. В мёртвой тишине он кое-как нащупал салфетку. Мори тем временем взял букетик колокольчиков, вернул его Мэри, подождал минуту с бьющимся сердцем, а затем, так как ничего не произошло, если не считать того, что мужчина в килте теперь улыбался, вышел вслед за остальными из ресторана».

После того, как Клубер не смог защитить невесту от наглого пьяного офицера, Джемма отказалась выходить за него замуж и буквально принудила Санина просить её руки. Точно так же поступила и Мэри со Стоддартом и Мори. Однако обе девушки вновь роковым образом одинаково ошиблись в своих новых женихах.

На свадьбу и дальнейшую семейную жизнь нужны деньги, которых у новоявленных женихов в данный момент не было. Тургеневский Санин едет на пару дней в соседний городок, в котором находится потенциальный покупатель на его небольшое российское имение. Этот покупатель – роковая женщина, соблазняющая и меняющая мужчин как перчатки, потому что её гложет тайная (для окружающих) смертельная болезнь, и несчастная старается взять от жизни всё, что успеет. Санин тоже не смог устоять против её чар, поэтому к невесте не вернулся даже тогда, когда его любовница умерла, и, заглушая муки совести, он вернулся в Россию и постарался забыть Джемму. Жизнь Санина была разрушена, он хоть к старости и разбогател, но так и не женился.

Кронинский Мори находит хорошее место в больнице соседнего городка, где кроме приличной зарплаты ему полагается и небольшой домик с садом, где они с Мэри вполне могут жить долго и счастливо. Но место освободится только через несколько месяцев, и Мори, чтобы не сидеть на шее у семьи невесты, нанимается судовым врачом на корабль, идущий в Индию. Как видно из биографии Арчибалда Кронина, тот сам в юности совершил подобный рейс и поэтому весьма красочно описал на страницах романа, видимо, собственные наблюдения и впечатления. На борту корабля Мори знакомится с Дорис Холбрук, дочкой богатого владельца фармацевтической компании, и та его соблазняет. Если Санина сжигает только неукротимая страсть, то Мори не может устоять не только перед красотой и напором Дорис, но и перед немедленной возможностью стать зятем богатого бизнесмена, а в перспективе и совладельцем процветающей фирмы.

«Стараясь оправдаться, подстёгиваемый двойной жадной денег и секса, он принялся выстраивать логический аргумент в свою пользу, начав с самых первых дней: потеря родителей, никому не нужный ребёнок, унижительная зависимость и нищета, сверхчеловеческие усилия получить образование. Разумеется, ему полагалась награда, и теперь она совсем рядом. Так

неужели он должен отказаться от неё, словно от несостоящей ерунды?»

Это первое существенное отличие между образами Дмитрия Санина и Дэвида Мори – корыстный мотив разрыва с невестой. Более того, Мори мысленно упрекает Мэри в том, что она одним своим наличием препятствует осуществлению его мечты о богатой и беспечной жизни в качестве мужа Дорис Холбрук.

Странно, но, работающий корабельным врачом, Дэвид Мори узнаёт, что Дорис тяжело больна, только после свадьбы, хотя об этом ему намекали некоторые пассажиры корабля и однажды прямо сказала мать девушки. Оставим это на совести автора.

Словом, Мори постарался забыть о ждущей его в Шотландии Мэри Дуглас, женился на Дорис Холбрук, получил богатство, о котором мечтал, но жена его после нескольких лет кошмарной совместной жизни попала в сумасшедший дом, где и умерла, так что Мори доживает в Швейцарии свой век богатым и одиноким, но при этом имеет тайных любовниц и подумывает о новой женьтибе.

Сходство вышеописанных эпизодов, несмотря на разницу в деталях, очевидно и наглядно подтверждает, что роман Ивана Тургенева «Вешние воды» является первоосновой романа Арчибальда Кронина «Древо Иуды». Кронин не занимался банальным плагиатом, он изменил в своём романе не только место и время действия, имена и биографии персонажей, но и осовременил побуждения и поступки главного героя. Но зачем он вообще взялся переписывать роман Тургенева, пусть и по-своему? Очевидно, что Кронина не удовлетворила концовка «Вешних вод». Мне она тоже показалась несколько расплывчатой, неоднозначной.

У Тургенева Джемма вышла замуж за американского негоцианта Иеремию Слокома, и тот увёз жену в Нью-Йорк. Через тридцать лет после разлуки Санин написал наконец Джемме покаянное письмо и получил ответ.

«Джемма извещала Санина, что у ней пять человек детей – четыре сына и одна восемнадцатилетняя дочь, невеста, фото-

графию которой она ему посылает, так как она, по общему суждению, весьма похожа на свою мать».

Роман Тургенева «Вешние воды» кончается тем, что Санин **«продаёт все свои имения и собирается в Америку»**. Читателю остаётся только гадать, зачем Санин навсегда покидает родину и уезжает в Америку. Джемма счастлива в браке, тут ему ничего не светит. Жениться на её молоденькой дочери, весьма похожей внешне на мать? Не просто же так Джемма в письме к Санину называет дочь невестой и в подтверждение сходства шлёт фотографию. Других вариантов что-то не просматривается.

Впрочем, Тургенева, очевидно, мало волновала дальнейшая судьба Санина. Герои книг Ивана Тургенева – мужчины внешне хоть и привлекательные, но полностью лишены какой-либо твёрдости характера и беспомощны перед волей женщин, неспособные отстаивать свои интересы или хотя бы собственное мнение. Эти бесхребетные представители мужского пола не имеют сил бороться за свою любовь, преодолевать препятствия на пути к семейному счастью и при этом губят не только себя, но часто и своих близких. Такова идея практически всех романов Ивана Тургенева, и Дмитрий Санин в «Вешних водах» вполне укладывается в эту схему: он постоянно «плывёт по течению», легко подпадает под чужое влияние и все его благие намерения не имеют ожидаемых практических результатов. Поэтому описывать женитьбу Санина на дочери Джеммы Тургенев, видимо, не посчитал нужным, тем более, что она будет нарушать законченность образа этого персонажа.

Можно понять, почему концовка романа Тургенева, в которой можно предположить счастливый для главного героя финал, не удовлетворила Арчибальда Кронина, и тот решил переписать «Вешние воды» Тургенева по-своему, продолжив судьбу героя до «логического» конца. Посмотрим, как ему это удалось сделать в романе «Древо Иуды».

Итак, в первых двух частях романа идёт фактический повтор фабулы «Вешних вод». Вспомнив грехи юности, богатый вдовец Дэвид Мори, живущий в Швейцарии, решает съездить на родину

в Шотландию, повиниться перед брошенной им двадцать лет назад Мэри Дуглас и постараться обеспечить бывшую невесту материально и даже, если та его простит, жениться на ней. Как и положено Тургеневскому герою, Мори изначально руководствуется благородными намерениями.

Но Мэри уже нет в живых, зато есть живущая в явной нищете её дочь Кэти Эрхарт, очень похожая внешне на мать. И Мори переносит свои планы на Кэти, уговаривает её поехать с ним посмотреть Европу, водит по знаменитым музеям, театрам, модным ресторанам и магазинам, влюбляется сам и намеренно влюбляет в себя неопытную в таких делах молоденькую девушку, привозит, наконец, её в свой дом в Швейцарии, где окончательно соблазняет, клятвенно обещая на ней жениться. И женился бы! Но...

Взявшись «дописывать» Тургеневский роман, Кронин вынужден придерживаться изначальной схемы. Женщины в книгах Тургенева тоже не вызывают восхищения. Они решительнее и инициативнее мужчин, но это, как правило, сопровождается сильнейшим эгоизмом или комплексом предрассудков. Поэтому в произведениях Тургенева счастливый конец невозможен. Кэти фанатично религиозна, перед смертью матери она дала той слово навсегда уехать в Африку в качестве медсестры, чтобы положить свою жизнь на помощь аборигенам, и не намерена его нарушать ни при каких условиях.

«- Я должна ехать. всю жизнь я шла только к одной цели – училась на медсестру, набиралась опыта в больнице Долхейвена. Ни о чём другом не думала. Я нужна там... Но главное, я обещала маме перед смертью, что поеду туда, и теперь ни за что не могу её подвести.

– Не делай этого, Кэти, – ужаснувшись, произнёс он. – Ради Всевышнего, останься.

– Именно ради Всевышнего я должна это сделать... и ради нас обоих».

Срок поездки давно согласован и наступает через несколько дней. Отдалась Кэти Дэвиду только тогда, когда тот сказал ей,

что решил бросить всё и уехать навсегда в Африку вместе с ней, и там они немедленно обвенчаются в местной церкви.

Мори искренен в своих обещаниях и намерениях. Он публично объявляет о своих планах, отправляет Кэти в Шотландию готовить их отъезд в Африку, а сам начинает описывать свое имущество для распродажи. И тут, как это ни печально для автора и читателей, в дело вступает очередная роковая женщина. К сожалению, Арчибалд Кронин не нашёл (а может, и не искал) оригинального способа расстроить очередные благие намерения главного героя и пошёл уже проторённым путём.

В Швейцарии рядом с Мори, в собственном замке на берегу горного озера, живёт уже немолодая, но всё ещё красивая вдова, баронесса Фрида фон Альтисхофер. Эта опытная и даже многоопытная во всех отношениях женщина остро нуждалась в деньгах, давно положила глаз на богатого соседа-холостяка и ненавязчиво уже почти подвела Дэвида Мори к мысли связать свою жизнь с нею. Баронесса не смирилась с тем, что Мори неожиданно для всех кардинально изменил свои планы и променял её, зрелую и умную женщину, на какую-то молоденькую, не знающую жизни нищую девчонку, к тому же глупую и упёртую религиозную фанатичку. Хорошо изучив характер Мори, Фрида, играя на его слабостях, буквально за несколько дней заставила Дэвида отказаться от поездки в Африку и женитьбы на Кэти. Более того, баронесса убедила Мори немедленно заключить тайный брак с нею!

История предательства повторилась, хотя на этот раз трудно усмотреть, в чём состоит выгода Дэвида Мори от столь стремительно заключённого брака с Фридой фон Альтисхофер. Он эту женщину не любит, она даже не привлекает его в сексуальном плане, материальных выгод тоже не предвидится, скорее наоборот. Остаётся поверить автору, что сильная личность Фриды просто подчинила себе слабавольного, не умеющего отстаивать собственные убеждения Дэвида. Вот какие объяснения даёт этому предательству Фрида фон Альтисхофер Кэти Эрхарт, когда та приехала в Швейцарию к Дэвиду Мори

после отмены поездки в Африку из-за начавшегося там восстания туземцев:

«Видите ли, дорогое дитя, тот Дэвид, которого вы любите, очень хороший человек, всегда преисполненный хороших намерений, но, увы, не всегда имеющий силы их исполнить, к частому огорчению его самого и остальных.

...Конечно, это не очень хороший поступок — соблазнить сначала мать, потом дочь, и всё только с самыми лучшими намерениями. Однако я уверяю вас, он не так уж плох по сравнению с другими, а я знаю мужчин, дорогое дитя, некоторые из них гораздо ужаснее, как говорится, чем Дэвид, который всего лишь слаб и эгоистичен и стремится любой ценой избегать неприятностей и трудностей».

Что же принципиально нового сообщил Арчибальд Кронин читателю, переписав историю, рассказанную Иваном Тургеневым? Он дал ей иной финал, но для этого автору романа «Древо Иуды» пришлось изменить и образ главного героя.

Мори во второй раз предаёт свою невесту, чтобы Арчибальд Кронин смог показать, какой, по его мнению, должен быть конец такой истории. По воле автора Мори предал, Кэти погибла, видимо, случайно: узнав правду, она в расстроенных чувствах побежала прочь от дома Мори, поскользнулась в темноте, упала в холодную воду озера и утонула. Дэвид вынужден был опознать труп девушки. Опознал, пришёл домой и повесился на растущем в его саду иудином дереве.

Всё на первый взгляд справедливо: жизнь за жизнь. Но так ли это? В этих двух романах, «Вешние воды» Ивана Тургенева и «Древо Иуды» Арчибальда Кронина, наглядно проявилась разница менталитетов русского человека, Дмитрия Санина, и европейца (шотландца) Дэвида Мори, которые на самом деле являются отражениями авторов. Но Тургенев долго жил в Европе и прекрасно знал менталитет европейцев, а для Кронина русская душа — загадка, поэтому пришлось существенно изменить образ главного героя, сделать его европейцем.

Что, собственно, произошло с Дмитрием Саниным? Да, он предал Джемму, но не осознанно! Санин оказался бессилён перед охватившей его страстью к другой женщине. Эта страсть, как болезнь, полностью захватила его, лишила разума и воли. И вернуться к Джемме, которую Санин никогда не переставал любить, ему не позволила совесть, то есть ясное понимание вины, и стыд за совершённое предательство. Как человек нравственный Санин сам карает себя, тридцать лет ведя по возвращении в Россию одинокое, бессемейное существование, и, только узнав, что Джемма его простила и счастлива в браке, он решает кардинально изменить свою жизнь.

То, что для русского человека духовное в большинстве случаев превалирует над материальным, всегда вызывало недоумение у европейцев. Видимо, поэтому Арчибалда Кронина не устроила концовка романа Ивана Тургенева и он решил написать собственную версию. Однако, как я сказал выше, ему пришлось для этого кардинально изменить образ главного героя. Для Дэвида Мори главным является материальное, поэтому он предаёт любовь к Мэри Дуглас, которая сопровождалась бы бедностью и долгими годами трудной работы в захолустной больничке, ради обеспеченной и лёгкой жизни с Дорис Холбрук, дочкой богатого владельца фармацевтической компании. И дочь Мэри, Кэти Эрхарт, он предаёт по той же причине, предпочтя вместо полной опасности и бытовых невзгод жизни в нищей африканской деревушке в качестве врача туземцев налаженную жизнь и европейский комфорт богатого и уважаемого джентльмена, мужа умной и красивой баронессы.

Кстати, это героиня повести Николая Карамзина «Бедная Лиза» утопилась, когда её предал Эраст, молодой, но насквозь порочный человек, который вдобавок попытался откупиться от соблазнённой и брошенной им девушки деньгами. Джемма и Мэри спокойно вышли замуж, родили детей и кончать жизнь самоубийством даже не думали. То же самое ожидало и Кэти, о чём с уверенностью говорила Дэвиду Фрида. Дмитрию Санину, человеку слабовольному, но, в отличие от Эраста, честному,

не могла прийти в голову мысль откупиться от любимой девушки, загладить деньгами свою вину перед ней. Для Дэвида Мори же такой поступок вполне естественен.

«Он не хотел ранить её чувства или бросать в трудную минуту, но у него был долг и перед самим собой. И кто знает, быть может, позже он сумеет... одним словом, сделать что-то для неё, компенсировать свою измену. Он пока сам нечётко представлял, что имеет в виду, но эта мысль утешала. Молодых людей, которые совершали ошибки, раскаивались и восполняли ущерб, обычно прощали. Почему он должен быть исключением?»

И позднее Мори едет в Шотландию с единственной целью – обеспечить материально брошенную им двадцать лет назад Мэри, а потом, узнав, что той уже нет в живых, решает облагодетельствовать её дочь Кэти. Когда же Мори бросает Кэти, то по совету Фриды намеревается откупиться и от неё.

«Фрида решительно опустила ладонь ему на плечо.

– Прошу тебя, возьми себя в руки, будь женщиной. Она молода и, как её мать, переживёт. Ты можешь себе позволить назначить ей пособие, причём большое. Позже ты обязательно пошлешь ей бумаги, оформленные должным образом.

– Да. – Он слегка оживился. – Это я могу, слава богу, и сделаю. Она до конца жизни не будет знать нужды».

Если бы Кэти благополучно села на пароход и уехала в Шотландию, Дэвид Мори спокойно жил бы с Фридой в их замке в Швейцарии и считался достойным членом местного городского высшего общества, богатым бизнесменом и настоящим джентльменом. Но Кэти утонула, и следствие наверняка выявит причины этого, как физические, так и моральные, и явит обществу истинный облик Дэвида Мори. Именно это – грядущее публичное разоблачение, потеря лица, а не угрызения совести за очередное предательство, – заставляет Мори покончить с собой.

«Но сейчас он знал правду, правду о самом себе. А вскоре узнают и остальные. Да, правда выплывет наружу, вся, без

остатка: приём для Уилли, помолвка с Кэти, героическое заявление об отъезде в Африку. И вот теперь, всего через несколько дней после тех событий, он по-прежнему здесь, женат на Фриде, а Кэти мертва. Боже, что о нём подумают? Сплетни, скандал, ненависть, которые обрушатся на него. И он не сможет этого избежать, только не на этот раз, не сможет уехать с Фридой утром, не сможет ускользнуть и забыть обо всём. Он должен остаться на Leichenschau (официальное опознание трупа — С.К.), остаться, пока всё не откроется, а после терпеть ненавистный брак с Фридой, которая никогда его не отпустит, а будет безжалостно подавлять до полного подчинения».

Дэвид Мори умер от страха разоблачения, нераскаянным и в одиночестве. Но будь в этот момент рядом с ним Фрида, он наверняка позволил бы себя убедить в том, что всё со временем наладится и кончать жизнь самоубийством нет необходимости. В конце концов, по окончании следствия можно уехать в другой город или другую страну, туда, где Мори никто не знает. А правду о себе он постарается забыть, как уже сделал однажды двадцать лет назад, опыт в этом у него имеется, да и Фрида поможет. Такая концовка кажется мне более достоверной, чем авторская, но она не добавляет ничего нового к образу главного героя и сводит на нет принцип неизбежного и адекватного возмездия за предательство, который, видимо, хотел показать в своём романе Кронин.

Однако Мори не боялся разоблачения, когда рассказывал о своих отношениях с Мэри жене шотландского священника, объясняя той своё желание материально обеспечить Кэти. На тайну исповеди в данном случае он не мог рассчитывать. Не побоялся Мори рассказать правду и Фриде о том, как когда-то предал Мэри, а потом соблазнил её дочь Кэти. Словом, меня концовка романа Арчибальда Кронина «Древо Иуды» не убеждает, как не убеждала того концовка романа Ивана Тургенева «Вешние воды», на что каждый из нас имеет полное право. Другие читатели тоже имеют полное право иметь собственное мнение по данному поводу или не иметь вообще никакого, а просто

довольствоваться чтением замечательных произведений Ивана Тургенева и Арчибальда Кронина.

ТЕМА ПОДВИГА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И Б. СТРУГАЦКИХ, ИЛИ ВЛАДИМИР ЮРКОВСКИЙ – ГЕРОЙ ИЛИ ПРЕСТУПНИК?

«Из Веретьевых никогда ничего не выходит».
И.С.Тургенев «Затишье»

ВСТУПЛЕНИЕ

В середине XX века в советской литературе была популярна одна неоднозначная, на мой взгляд, тема. Суть её чётко и кратко выражена в следующей цитате из повести Виктора Михайлова «На критических углах»:

«Однажды была школьная экскурсия на завод. Нас повели в цех, где токарь Митичкин, работая на пяти станках, выполнял десять норм выработки. Директор нашей школы сказал: „Это подвиг! Когда-нибудь этому человеку, так же как Александру Матросову, поставят бронзовый памятник!“ Я посмотрел на Митичкина, на какие-то колечки, которые он вытачивал для артиллерийских снарядов, и мне стало смешно. Это подвиг?! Я понимал подвиг как порыв, как бросок в будущее. Мне казалось, что подвиг требует творческого вдохновения, мгновенного и яркого, как вспышка молнии. А здесь хронометр, скучный расчёт движений по секундам, небритый человек, с красными, воспалёнными от усталости глазами... Нет, думалось мне, не такой подвиг совершу я».

Жажда яркого поступка и нежелание видеть в обычном, пусть и напряжённом сверх нормы, труде подвиг подвигли данного персонажа повести Виктора Михайлова сначала к мо-

ральному падению, а позднее привели на грань измены Родине.

Известные советские фантасты, братья Аркадий и Борис Стругацкие, начавшие своё совместное литературное творчество приблизительно в то же время, тоже не обошли вниманием вышеуказанную тему. Часто главными героями книг братьев Стругацких являются персонажи ярких поступков. Они талантливы, смелы, энергичны, нередко нарушают правила и инструкции, руководствуясь эмоциями, совершенно не думая над последствиями своих поступков для себя и окружающих. Таков Владимир Юрковский из первой трилогии братьев Стругацких «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажёры». В этом же ряду можно поставить Антона (дон Румата) из «Трудно быть богом», Михаила Сидорова (Атос) из «Полдень. XXII век» – почти в любой повести братьев Стругацких обязательно найдётся подобный персонаж. Эти люди считают себя более умными, знающими и профессиональными, чем «простые работники», не способные на рывок к цели в обход инструкций и правил. Они не только готовы без колебаний погубить порученное им дело ради осуществления собственных амбиций, но и бездумно рискуют жизнями окружающих коллег и друзей. И только преодолев в себе этот «героизм», некоторые из них становятся настоящими профессионалами своего дела – теми самыми «простыми работниками», избегающими ненужного риска и нарушения инструкций. Таковы, например, Михаил Сидоров-Атос, Леонид Горбовский, Максим Каммерер.

Но есть и герои, так и не повзрослевшие, погубившие себя и других. Таковы, к сожалению, Антон (Румата) и Владимир Юрковский. О гибельном непрофессионализме Антона я подробно написал в статье «Трагедия дона Руматы, или Слон в посудной лавке»¹. Что же не так с Владимиром Юрковским?

Первая трилогия Аркадия и Бориса Стругацких написана в жанре твёрдой научной фантастики, но уже в романе «Стажёры» начинается дрейф авторов в сторону социальной фантастики. Братья поняли, что им не хватает научного багажа, без кото-

рого невозможно создание полноценных произведений в жанре твёрдой научной фантастики, зато в социальной сфере они могли фантазировать без оглядки на фундаментальные науки и специфику производственных отношений. Так им, очевидно, казалось. Но вернёмся к трилогии.

«СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ»

Фабула повести «Страна багровых туч» типична для советской научной фантастики середины двадцатого века. Экипаж фотонной ракеты «Хиус» летит на Венеру. В составе экспедиции всего шесть человек:

«Ермаков – начальник экспедиции, командир корабля, физик, биолог и врач. Спицын – пилот, радист, штурман и бортинженер. Крутиков – штурман, кибернетист, пилот и бортинженер. Юрковский – геолог, радист, биолог. Дауге – геолог, биолог. Быков – инженер-механик, химик, водитель транспортера, радист».

Цель межпланетной экспедиции чётко прописана в задании:

«Параграф восьмой. Цель экспедиции состоит в том, чтобы, во-первых, провести всесторонние испытания эксплуатационно-технических качеств нового вида межпланетного транспорта – фотонной ракеты «Хиус». Во-вторых, высадиться на Венере в районе месторождения радиоактивных руд «Урановая Голконда», открытого два года назад экспедицией Тахмасиба – Ермакова... и провести его геологическое обследование.

Параграф девятый. Задача геологической группы экспедиции состоит в определении границ месторождения «Урановая Голконда», в сборе образцов и приближённом расчёте запасов имеющихся там радиоактивных ископаемых. По возвращении представить в комитет соображения об экономической ценности месторождения...

¹ <https://ridero.ru/link/2EKNU2Uck2ooyNs36LSj>

Параграф десятый. Задачей экспедиции является отыскание посадочной площадки не далее 50 километров от границ месторождения «Урановая Голконда», удобной для всех видов межпланетного транспорта, и оборудование этой площадки автоматическими ультракоротковолновыми маяками...»

Очевидно, что Стругацкие просто взяли стандартный сюжет (вернее несколько сюжетов) и перенесли его в космос. Тут и испытание новой техники (фотонной ракеты), и поход к неисследованному месту (полёт на Венеру и поиски Урановой Голконды), и геологические исследования в труднодоступном районе. Такой приём использовали многие писатели-фантасты как до братьев Стругацких, так и после. Да и соединение разных жанров в одном произведении придумали тоже не они. Однако повесть «Страна багровых туч» получилась на мой (и не только) взгляд весьма увлекательной и даже сейчас читается с большим интересом, хоть и многие именно научные данные о Венере в ней устарели.

Вернёмся к основной теме этой статьи. Нас в данном случае интересует не фабула повести, а конфликт между так называемыми «спортсменами» и «работниками». Спортсменов представляет Владимир Юрковский, а работников — Алексей Быков. Уже во время их знакомства, до полёта на Венеру, между Юрковским и Быковым вспыхивает неприязнь.

« — Знакомьтесь, — сказал Краюхин. — Владимир Сергеевич Юрковский, замечательный геолог и опытный межпланетный путешественник...»

Красавец в изящном костюме слабо, словно нехотя, пожал руку Быкова и отвернулся с безразличным видом».

Быкова поражает то, что Юрковский имеет наглость выдвигать претензии начальству и выражать недовольство десятым параграфом задания.

« — Одно дело — приказать, другое дело — выполнять, — хмуро пробормотал Юрковский. — Во всяком случае, следовало бы этот пункт предварительно согласовать с нами, а потом уже отдавать в приказе.»

«Почему Краюхин не оборвёт этого распутившегося пижона?» — сердито подумал Быков.

Прямой, как разрез бритвой, рот Краюхина растянулся в насмешливую улыбку:

— Вам кажется, Владимир Сергеевич, что экспедиции это не под силу?

— Не в этом дело...

— Конечно, не в этом! — резко сказал Краюхин. — Конечно, не в этом! Дело лишь в том, что из восьми кораблей, брошенных на Венеру за последние двадцать лет, шесть разбилось о скалы. Дело лишь в том, что «Хиус» посылается не только... и не столько ради ваших геологических восторгов, Владимир Сергеевич. Дело лишь в том, что вслед за вами пойдут другие... десятки других, сотни других. Венеру... Голконду оставлять без ориентиров больше нельзя. Нельзя, чёрт побери! Или там будут надёжные автоматические маяки, или мы будем вечно посылать людей почти на верную гибель. Неужели это, так сказать, непонятно вам, Владимир Сергеевич?»

Кроме недовольства заданием Владимир Юрковский откровенно высказывается против участия в экспедиции Алексея Быкова, заявляя, что тот на Венере не понадобится. И начальнику приходится вновь ставить Юрковского на место.

« — Поправьте меня, если я ошибаюсь, Владимир Сергеевич. Кажется, это у вас пять лет назад в бытность вашу на Марсе рассыпалась гусеница у танкетки, не правда ли? И вы с Хлебниковым тащились пешком пятьдесят километров, потому что так и не сумели её починить...

Юрковский вскочил и хотел что-то возразить, но Краюхин продолжал:

— И в конце концов, дело даже не в этом. Инженер Быков введён в состав экспедиции, помимо всего прочего, ещё и за те, так сказать, отменные физические и духовные качества, в которых вы, по собственным вашим словам, не сомневаетесь. Это человек, на которого вы, Владимир Сергеевич, сможете положиться в критический момент. А такие моменты там будут, обе-

щую вам! Что же касается его знаний, то будьте уверены, в своей области их у него не меньше, чем у вас в своей».

Владимир Юрковский — замечательный геолог и опытный межпланетник, пусть и не умеющий починить гусеницу у танкетки. А инженер-механик Алексей Быков виртуозно водит вездеход и до экспедиции на Венеру никогда не покидал Землю. Но не только профессиональные и внешние качества разделяют столь разных людей. Так кто же такие «спортсмены» и «работники»? Соавторы разъясняют это в сцене, в которой Юрковский бездумно оскорбляет Василия Ляхова — пилота-испытателя первой фотонной ракеты «Хиус».

« — Подумать только, ведь мы были первыми в таком деле!

Юрковский усмехнулся:

— Но всё-таки дома, на Земле, лучше, не так ли, Вася?

— Разумеется, лучше.

— «Разумеется...» Ах, Василий, Василий, нет в тебе ни капли поэзии! Совершил такой перелёт!.. Нет, ты положительно недостоин такой чести.

Ляхов нахмурился.

— Я, знаешь ли, не спортсмен, — сердито сказал он, — я работник! И не вижу в этом ничего дурного.

— Никто не говорит, что это дурно... — Юрковский поднял к потолку томные глаза. — Но согласись, мон шер, что путь прокладывают обычно... спортсмены, как ты их называешь.

— Значит, раз на раз не приходится.

— Что за разделение такое? — удивлённо спросил Крутиков. — Спортсмены, работники...

— Всегда и везде, — твёрдо сказал Юрковский, — впереди шли энтузиасты-мечтатели, романтики-одиночки, они прокладывали дорогу администраторам и инженерам, а затем...

— Затем по костям этих самых мечтателей и романтиков кидалась жадная серая масса, чернь презренная... — криво улыбаясь, тоненьким голосом сказал Дауге. — Энтузиаст-мечтатель... гусар-одиночка!

Юрковский стремительно повернулся к нему, но Краюхин поднял руку.

— Одну минутку, — проскрипел он насмешливо. — Значит, Владимир Сергеевич, администраторов-энтузиастов не бывает? И инженеров-мечтателей тоже? Хм... И что там насчёт серой массы?

Быков сидел как на иголках. Никогда ещё «пижон» не был ему так несимпатичен. Он взглянул на Ляхова, бледного, с дрожащими от обиды губами, и разолился ещё больше. Но он ещё не имел здесь права голоса.

— Мы все мечтатели, если угодно, Владимир Сергеевич, — продолжал Краюхин. — И энтузиасты тоже. Только каждый на свой лад... Потому что, имейте в виду, государство, наш народ, наше дело ждёт от нас не только... вернее, не столько рекордов, сколько урана, тория, трансуранидов. Мы все мечтатели. Но я мечтаю не носиться по пространству подобно мыльному пузырю, а черпать из него всё, что может быть полезно... Что в первую очередь необходимо для лучшей жизни людей на Земле, для коммунистического содружества народов. Тащить всё в дом, а не транжирить то, что есть дома! В этом наше назначение. И наша поэзия...

Человечеству нужны богатства Венеры, а не восторженные рапорты. Так. А затем вы уступите место новым героям — производственникам, тем, кто будет строить заводы на берегах Урановой Голконды. И всё это работа, друг мой, вдохновенная работа, а не спорт! Только одни относятся к ней как к эффектной возможности блеснуть под куполом цирка и сорвать аплодисменты, а другие — как к работе в общем строю. А вам, так сказать, мон шер, только бы добраться до сокровищницы тайн, где они лежат штабелями, и водрузить... Эх, вы... спортсмены!

Наступило молчание. Юрковский поднялся и, ни на кого не глядя, вышел.

— Славный парень, — проговорил Краюхин. — Смелый, умница... Только амбиции у него — ой-ой-ой!»

Из приведённых выше цитат видно, что начальству прекрасно известны как достоинства, так и недостатки Владимира Юрковского. Краюхин не может не видеть возникшую неприязнь между Юрковским и Быковым, а ведь подобное просто недопустимо в опасной и сложной миссии на Венеру. И всё же начальство почему-то оставляет источник раздоров в составе экспедиции. Этим недостатком страдают многие произведения Аркадия и Бориса Стругацких: начальство посылает с важной миссией людей, совершенно не подходящих для этого по личным или профессиональным качествам. Оказалось, что писать социальную фантастику ничуть не проще, чем научную, но яркие образы «спортсменов» мешают нетребовательному читателю распознать данную особенность творчества братьев Стругацких.

Надо отдать справедливость Юрковскому, он рискует не ради славы.

«Для Юрковского, удачливого геолога-разведчика, перелёт означает прежде всего новый рекорд и новые ощущения. Его не очень прельщают слава и почёт — он открыто издевался над иными пилотами, опьяневшими от внимания и забот, которыми их окружала благодарная страна. Он принимал участие в самых рискованных экспедициях, но портреты его редко появлялись в газетах и на телеэкранах. Он любит опасность за высокое ощущение победы над ней. Он наслаждается ею, как гурман ароматом изысканного блюда. Правда, он стыдливо скрывает эту маленькую слабость, которую Краюхин как-то назвал „отрыжкой монтекристовщины самого дурного толка“. Романтик...»

Алексей Быков, конечно, практически полная противоположность Юрковскому как внешне, так и по характеру. Он — «работник», а не «спортсмен».

«Краюхин улыбнулся, вспомнив кирпично-красное лицо, маленькие, близко посаженные глазки, облезлую лиловатую шишку носа, жёсткую щетину, торчащую вперёд над вогнутым лбом. Не красавец, не Юрковский, конечно... И по части стихов не очень силён... Зато прекрасный инженер-практик. И какая быстрая реакция! ... Для Алексея Петровича экспедиция на Ве-

неру — лишь весьма странная и неожиданная командировка, оторвавшая его — временно, конечно, — от привычной работы в глуши азиатских песков».

Рядом с двумя этими полюсами, «спортсменом» Юрковским и «работником» Быковым, есть ещё один персонаж, совмещающий в себе лучшие качества обоих.

«А Михаил Антонович Крутиков — просто лучший штурман в стране, только и всего. Добродушный, мягкий, любитель товарищеских вечеринок и торжественных собраний, на которые является со всей семьёй — с женой и двумя ребятишками, превосходный математик, предложивший несколько принципиально новых методов ускоренного решения сложнейших задач космогации. Он с одинаковым удовольствием позирует перед объективами кинокорреспондентов и возится дни напролёт с детьми. Он никогда не отказывался ни от самого мелкого, незаметного дела, ни от внезапного предложения отправиться в самый головоломный рейс. Если бы не Краюхин, мягкого и уступчивого Михаила Антоновича всегда отправляли бы в скучные и опасные рейсы в пояс астероидов. А сейчас штурман занимает привычное место рядом с давним своим другом Спицыным и простодушно восторгается этим».

Эти три персонажа, Юрковский, Быков и Крутиков, присутствуют во всех произведениях трилогии, их судьбы тесно связаны. В романе «Страна багровых туч» предсказания Краюхина полностью сбываются. В самом начале пути экспедиции к Урановой Голконде по вине Владимира Юрковского погиб Спицын. Они вдвоём ушли в разведку, у Спицына оказалась неисправность в кислородном баллоне скафандра, и Юрковский в нарушение инструкции отправил напарника назад к вездеходу одного, продолжив разведку, опять же в нарушение инструкции, в одиночку. В результате Спицын так и не пришёл к вездеходу, и все поиски его были безрезультатны. Когда по всем расчётам у Спицына должен был закончиться кислород, начальник экспедиции Ермаков приказал продолжить движение к Голконде. Юрковский устроил форменную истерику, требуя продолжить поиски тела Спицына.

«Юрковский, шатаясь, поднялся:

— Анатолий Борисович!..

Ермаков молчал. Юрковский, беззвучно шевеля губами, прижимал к груди трясущиеся руки. Дауге снова понурил голову. Молчание длилось бесконечно, и Быков не выдержал. Он поднялся и направился к пульту управления. И тогда, высокий, надорванный, прозвенел голос Юрковского:

— Я не уйду отсюда!

Глаза его блуждали, на белых щеках вспыхнули красные пятна.

— Он здесь, где-то рядом... может быть, он ещё... Я не уйду...— голос сорвался, — Анатолий Борисович!

Ермаков проговорил мягко, убеждаяще:

— Владимир Сергеевич, мы должны идти. Богдан умер. У него нет кислорода. Мы должны выполнить свой долг. Мы не имеем права... Вы думаете, первым экспедициям в Антарктике было легче? А Баренц, Седов, Скотт, Амундсен?.. А наши прадеды под Сталинградом?.. Смерть любого из нас не может, не должна остановить наступления...

Никогда Ермаков не произносил столь длинных речей. Юрковский, цепляясь за стены, придвинулся к Ермакову:

— Мне плевать на всё!.. Мне плевать на Голконду! Это подло, товарищ Ермаков! Я не уйду! К чёрту! Я остаюсь один...

Быков увидел, как лицо Ермакова стало серым. Командир планетолёта не шевельнулся, но в голосе пропали дружеские нотки:

— Товарищ Юрковский, прекратите истерику, приведите себя в порядок! Приказываю надеть шлем и приготовиться к походу!

Он резко повернулся и сел за пульт управления. Юрковский, весь сжавшись, будто готовясь к прыжку, следил за ним дикими глазами. Он был жалок и страшен, и Быков, не сводя с него глаз, шагнул к нему. Но не успел: стремительным кошачьим движением, выпрямившись, как стальная пружина, геолог рванулся к люку. В руках его вдруг оказался автомат.

— Так? Да? Так? — выкрикнул он. — Пусть! К чёрту! Я остаюсь один!

Быков схватил его за плечо.

— Куда? Без шлема, сатана!..

Юрковский ударил его прикладом в лицо, брызнули тёмные капли на силикетовую ткань костюма. Быков, навалившись, рвал у него из рук оружие, ломая пальцы. Оба рухнули на пол. Юрковский сопротивлялся бешено. Перед глазами Быкова блестели оскаленные зубы, в ушах хрипел задыхающийся шёпот:

— Сволочь!.. Пусти, гад!.. Кирпичная морда... Жандарм, сволочь!..

Быков вырвал наконец автомат, отбросил в сторону. Пол качнулся, раздался визгливый скрежет — «Мальчик» разворачивался, уходил от проклятого места, от не найденной могилы, лязгая сталью по серому камню.

— Иоганыч!.. Что же ты? Иоганыч... Богдан... — Юрковский застонал, запрокинув лицо. Быков выворачивал ему руки.

— Надо, Володя, надо! — Дауге стоял над ним, держась за качающиеся стены. Перекошенное землистое лицо. Потухшие глаза. Мёртвый, чужой голос:

— Надо, Володя, надо... будь оно всё проклято!..»

Как видите, Владимир Юрковский готов поставить под угрозу всю экспедицию ради эфемерной возможности нахождения тела пропавшего товарища и успокоения собственной совести. Он не может и не хочет соизмерять свои личные интересы и общественные. И только твёрдость начальника экспедиции и решительное вмешательство Алексея Быкова спасают положение. Кстати, Юрковский в дальнейшем так и не извинился перед Быковым за удар прикладом автомата в лицо и оскорбления.

«Между тем геологическая разведка давала блестящие результаты. Голконда воистину оказалась Голкондой — краем несметных, неисчерпаемых богатств. Уран, торий, радий... Трансурановые элементы — плутоний, калифорний, кюрий: вещества, на производство которых в земных условиях тратились огромные силы и средства, вещества, добываемые с помощью

сложнейших установок и в ничтожных количествах, здесь лежали прямо под ногами. Без особых затрат их можно было добывать в промышленных масштабах, тоннами. Дауге вопил от восторга, отбивая лихую чечётку, и даже Юрковский, в последнее время угрюмый, пел за работой, несущей открытие за открытием. Значение этих открытий нельзя было переоценить. Они означали небывалый прогресс в энергетике, технике, промышленности, медицине. Земля, покрытая вечнозелёными лесами от полюса до полюса, горящая мириадами огней, населённая здоровыми, сильными, не знающими болезней людьми; изобилие, великолепные города, могучие электростанции, ясная, счастливая жизнь — всё это мысленно представлялось экипажу „Хиуса“. И эта жизнь должна была получить могучее подкрепление отсюда, из чёрных смоляных песков Голконды. Под мрачным багровым небом, среди безбрежных угрюмых пустынь маленькая горсточка людей шла через муки, боль исканий, гибель товарищей — к большой победе. Для многого следовало многим рисковать».

Однако время, потерянное на поиски пропавшего Спицына, не позволили провести геологам Дауге и Юрковскому более подробные изыскания. Вездеходу пора возвращаться к ракете, о чём вынужден сообщить членам экспедиции Ермаков. И тут Юрковский в очередной раз продемонстрировал свой склочный характер и эгоизм.

« — Но данные расплывчаты и недостаточно полны, — ворвался в речь командира Юрковский. — Имея возможность получить гораздо более точные данные...

— Мы не имеем такой возможности! — отчеканил Ермаков.

— Как так — не имеем?!

— Я уже сказал. Готов повторить. Воды осталось на четверо суток. Связи нет. Положение «Хиуса» на болоте небезопасно. Поход в Дымное море в наших условиях является авантюрой. Любая серьёзная неисправность транспортёра может привести к провалу всего дела. Кроме того...

— При чём здесь авантюра, когда речь идёт о задании правительства? — Юрковский вскочил. — Нам поручили ответственнойшее дело, а мы выполняем его только наполовину. Это же позор! Когда ещё сюда придут люди!..

— Если мы вернёмся, они придут скоро, а если останемся здесь — никогда... Или через двадцать лет!

Дауге сказал негромко:

— Ведь вы обещали... Вы дали согласие на этот поход после оборудования ракетодома...

— Да, я собирался исследовать Дымное море, если будет на то возможность. Но этой возможности нет. Рисковать результатами экспедиции я не намерен.

— Риск! Опять риск! — бушевал Юрковский. — Я не боюсь риска! Говорите что угодно, Анатолий Борисович, но вы не в силах сделать нас трусами! (Ермаков невольно вздрогнул: это были его собственные слова.) Основная задача экспедиции не будет выполнена!

— Не так, — вмешался в спор Быков.

Быков продолжал:

— Основная задача экспедиции не в этом. Вы плохо помните приказ комитета. Испытание «Хиуса» — вот основная задача.

— Алексей Петрович прав. Наша основная задача — доказать, что только снаряды типа «Хиус» могут решить проблему овладения Венерой. Доказать это! Кроме того, доставить на Землю результаты предварительной разведки. Мы их добыли. Ракетодром создан. Остаётся главное — вернуться.

Юрковский воскликнул с горечью:

— Бросать на полдороге такое дело!

— Лучшее — враг хорошего, Владимир Сергеевич. И потом, мы сделали своё дело...

— Вы не специалист, — дерзко сказал Юрковский.

— Я командир! — Ермаков заиграл желваками и проговорил, сдерживаясь: — Я отвечаю за исход всего дела. Я мог бы просто приказать, но я выслушал ваши доводы и... считаю их неубедительными. Не будем больше об этом...»

Юрковскому очень хочется быть первооткрывателем всех богатств Урановой Голконды, ради этого он готов рискнуть всей миссией на Венеру. Но командир Ермаков в очередной раз оказывается прав: на обратном пути от Голконды к «Хиусу» вездеход попадает в катастрофу и выходит из строя, гибнет Ермаков, получает тяжёлые ранения Дауге, Быков с Юрковским вынуждены теперь нести его на самодельных носилках, а до ракеты сто километров! И теперь Алексею Быкову приходится взять ответственность за судьбу экспедиции на себя, потому что Дауге лежит полумёртвый без сознания, а опытный межпланетник Юрковский окончательно пал духом и готов сдаться.

«Юрковский на привале тогда говорил, что весь поход — бессмыслица, что идти им ещё неделю, а питья не хватит и на четыре дня и что вообще они скоро упадут и не встанут».

Быков заставляет расклеившегося «спортсмена» Юрковского продолжать идти к «Хиусу».

«Сегодня осмотрели ожоги Дауге — кожа слезла, кровоточащие язвы... Быков перевязывает ему ноги как умеет. Затем Быков снимает с Юрковского вещевой мешок, в котором лежат термосы Дауге. Ему кажется, что Юрковский два раза тайком пил...»

Быков тащит всё на себе. Юрковский снова упал — голубая зарница роняет неверный дрожащий свет на чёрное распротёртое тело.

— Вставай!

— Нет...

— Вставай, говорю!

— Не могу...

— Встать! Убью! — напрягаясь, орёт Быков.

— Оставь меня и Гришу! — злобно хрипит Юрковский. —

Иди один.

Но он всё-таки встаёт».

Мало того, что Юрковского приходится заставлять идти к спасению, но он готов окончательно погубить и своего давнего друга Григория Дауге! Когда Юрковский окончательно понимает,

что Быков никогда не согласится бросить товарищей на гибель, он совершает, как ему, наверно, кажется, героический поступок:

«Во время привала Быков, измотанный и обессиленный, зашнуровал, оставив Юрковского на часах. За четвёртые сутки они прошли не больше двенадцати тысяч шагов, и, пока Быков спал, Юрковский снял с себя термосы с остатками жидкого шоколада и лимонада, снял баллон с кислородом, сложил всё это аккуратно на полупустой мешок рядом с носилками и, кое-как нацепив шлем, уполз в ночь умирать в песках. Быков проснулся как раз вовремя. Он отыскал геолога в тот момент, когда тот, чувствуя, что у него не хватает сил отползти далеко, стаскивал и не мог стащить с себя зацепившийся за что-то шлем. Быков взвалил Юрковского на плечо — оба не сказали ни слова, — отнёс к месту привала, помог укрепить шлем и поставить все баллоны и потом сказал:

— Я хочу спать, я очень устал. Дай слово, что во время сна ты не удерёшь...

Юрковский молчал.

— Я очень хочу спать, очень... Ты не даёшь мне заснуть, Володя...

Юрковский молчал упрямо, только с ненавистью сопел в микрофон».

За что Юрковский ненавидит Быкова? За то, что тот не даёт ему совершить яркий поступок — подвиг самопожертвования ради спасения товарищей. Он не понимает, что именно Быков совершает подвиг, делая всё, чтобы они дошли до ракеты все трое, а не только он, простой водитель вездехода в данной экспедиции. Только геологи Дауге и Юрковский могут по памяти хотя бы частично восстановить утраченные во время катастрофы с вездеходом результаты исследования Урановой Голконды. Но Юрковский не видит этого подвига. Просто идти, преодолевая жажду и бессилие, к далёкому «Хиусу» — это для Юрковского бессмысленная рутина и глупость, он уверен, что они всё равно не дойдут и погибнут бесславно и тускло. Но Быков не теряет надежды укрепить дух товарища.

«Через четыре часа они двинулись дальше, и Юрковский пошёл сам. Местность стала каменистой, и сквозь мучительный бред о воде Быков подумал, что они сделают, может быть, хороший переход, но Юрковский споткнулся, упал и повредил колено. Быков, ощупывая ему ногу, слышал, как он заплакал горько и яростно, и проговорил:

— А помнишь, Володя?.. Бороться и искать, найти и не сдаваться! Помнишь?

— К чёрту, всё к чёрту! — всхлипывал Юрковский.

— Нет, ты мне скажи, ты мне скажи, Владимир... Боролись? Юрковский затих, потом проговорил:

— Боролись.

— Искали?

— Искали.

— Нашли? Вовка! Ведь нашли! Ведь ты же геолог!

Юрковский молчал.

— Не-ет, ты скажи! — Быков чувствовал, что бредит. — Ну? Ведь нашли, а?

— Нашли, — сказал Юрковский.

— Милый... Ведь нашли... Ты... Иоганыч... Всё пропало — ладно... Записи, образцы, «Мальчик»... Но ведь ты геолог, ты многое помнишь и так... без записей... Ведь нужен ты, Владимир... Ждут тебя... Краюхин ждёт... Искали ведь... нашли... так что же — сдаваться? А, Володя?

— Брось меня, — тихо попросил Юрковский. — Все погибнем. Брось...»

Получая от Юрковского вместо помощи только дополнительные осложнения, Быков начинает не просто осуждать «спортмена», но и ненавидеть.

«Каждый раз, просыпаясь после мучительного сна, Быков люто ненавидел Юрковского. Геолог больше не мог нести носилки. Он всё время падал и ронял Дауге. Он ещё раз пытался бежать в пески. Но Юрковского терять нельзя! С ним будут потеряны драгоценные знания — знания человека, изучившего подступы к Голконде. Он должен дойти — этот смельчак, поэт

и „пижон“, он даст людям Голконду, сказочные песчаные равнины, где песок дороже золота, дороже платины... И всё-таки каждый раз, проснувшись перед началом нового пятнадцатикилометрового перехода, Быков ненавидел его, как врага».

Юрковский не просто мешает Быкову, заставляя того тратить душевные и физические силы, не давая добровольно умереть. Он даже не понимает причин, заставляющих Быкова это делать, хотя тот прямо их озвучил. И поэтому Юрковский в очередной раз оскорбляет Быкова, приписывая тому собственные эгоистичные мотивы.

« — Оставьте нас. К чему вам себя мучить? И сами погибнете, и...

— На кой чёрт ты мне нужен? Мне «язык» нужен! Вставай.

Юрковский колеблется.

— Ты что? Венец героя приобрести хочешь?.. Мученика?»

Но Быков не сдаётся, для него дело важнее личных обид.

« — Врёшь! Я тебя гнать вперёд буду, пока сам не свалюсь! А свалюсь — сам поползёшь дальше! Понял?! Вставай!

И Юрковский встаёт. Славный, хороший парень! Наш, советский, хоть и с загибами... После пятого километра Быков перестаёт его ненавидеть, а после десятого начинает любить, как брата. Молчит, сукин сын, ни слова, ни жалобы — а у самого волосы выпадают, кожа в трещинах, и лицо чернее пустыни. Шатается... Друг ты мой милый, мы дойдём, обязательно дойдём! Смотри, ещё десять километров оттопали. Вперёд, вперёд!.. Шаг, два, три, пять...»

Они уже так обессилели, что не могут итти. Быков ползёт, тянет за собой носилки с Дауге, Юрковский ползёт следом. «Спортсмен» так и не понял «работника», остался ненадёжным партнёром, продолжая отнимать у Быкова и так кончающиеся физические силы.

«Быков останавливается, включает фонарик и оглядывается. Юрковский здесь. Лежит позади неподвижного тела Иоганнча, упираясь растопыренными локтями в песок, смотрит слепым полшарием шлема. Они связаны ремнём, снятым с вещевого

мешка. За этим ремнём надо следить: один раз он уже развязался, и Быков уполз далеко вперёд. Пришлось возвращаться и искать Юрковского, который сидел, упёршись спиной в каменную стену ущелья, и молчал упорно, хотя и видел Быкова, ползавшего рядом. Чудак! Что он задумал — расставаться, когда осталось всего несколько тысяч шагов. Если идти ногами, конечно. Да, надо внимательно, очень внимательно следить за ремнём. А теперь — дальше. Шаг, два шага...»

На мой взгляд, Юрковский совершает подлость, заставляя Быкова тратить силы на его поиски. Если бы он так сильно хотел умереть, ему было достаточно просто застрелиться или снять шлем, и атмосфера Венеры быстро бы с ним покончила. Но нет, этот «гусар» сидит и упорно не откликается, спокойно наблюдая за тем, как Быков его ищет. И всё же по воле авторов этот стокилометровый поход разрушил стену неприязни между Быковым и Юрковским. Быков понял, что «гусар» далеко не трус и даже способен на самопожертвование. А Юрковский убедился, что без Быкова, без его несгибаемой уверенности в успехе и огромной силы воли, погибли бы все геологические результаты экспедиции к Голконде, сделав напрасными и человеческие жертвы, и труд самого Юрковского.

Алексей Быков после экспедиции на Венеру решил изменить специальность и стать пилотом космического корабля, межпланетником, потому что в космосе будет решаться дальнейшая судьба земной цивилизации. А вот Владимир Юрковский, к сожалению, не изменился, оставшись «спортсменом» и эгоистом.

Однако тема подвига «работника» осталась нераскрыта до конца. Быков спас Дауге, Юрковского и результаты экспедиции к Урановой Голконде. Он бесспорно совершил подвиг, но не в своей профессиональной сфере! Чтобы устранить этот пробел братьям Стругацким пришлось написать повесть «Путь на Амальтею».

«ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ»

Эта небольшая повесть, в которой присутствуют трое участников полёта фотонной ракеты «Хиус» к Венере – Алексей Быков, Владимир Юрковский и Михаил Крутиков, – как и повесть «Страна багровых туч», написана братьями Стругацкими в жанре твёрдой научной фантастики. В ней нет глобального конфликта «спортсменов» и «работников», зато почти вся она направлена на прославление подвига «работников».

Завязка такова: научной станции, расположенной на Амальтее, спутнике Юпитера, грозит голод. К Амальтее с грузом продовольствия летит фотонная ракета «Тахмасиб». Командир экипажа – уже прославленный к этому времени межпланетник Алексей Быков, старший штурман – опытный космогатор Михаил Крутиков. Пассажирами летят на «Тахмасиб» Григорий Дауге и Владимир Юрковский, чему Быков совсем не рад.

« – Ты уж на них не сердись, Лёшенька, – сказал штурман.

– Знаете, товарищи, – Быков опустил в кресло, – самое скверное в рейсе – это пассажиры. А самые скверные пассажиры – это старые друзья».

Итак, переходим к подвигу. «Тахмасиб» внезапно на подходе к Юпитеру попадает в метеоритный поток.

«Видимо, крупный метеорит угодил в отражатель, симметрия распределения силы тяги по поверхности параболоида мгновенно нарушилась, и «Тахмасиб» закрутило колесом. В рубке один только капитан Быков не потерял сознания. Правда, он больно ударился обо что-то головой, потом боком и некоторое время совсем не мог дышать, но ему удалось вцепиться руками и ногами в кресло, на которое его бросил первый толчок, и он цеплялся, тянулся, карабкался до тех пор, пока в конце концов не дотянулся до панели управления. Всё крутилось вокруг него с необыкновенной быстротой. Откуда-то сверху вывалился Жилин и пролетел мимо, растопырив руки и ноги. Быкову показалось, что в Жилине не осталось ничего живого. Он пригнул голову к панели

управления и, старательно прицелившись, ткнул пальцем в нужную клавишу.

Киберштурман включил аварийные водородные двигатели, и Быков ощутил толчок, словно поезд остановился на полном ходу, только гораздо сильнее. Быков ожидал этого и изо всех сил упирался ногами в стойку пульта, поэтому из кресла не вылетел. У него только потемнело в глазах, и рот наполнился крошкой отбитой с зубов эмали. «Тахмасиб» выровнялся. Тогда Быков повёл корабль напролом сквозь облако каменного и железного щебня. На экране следящей системы бились голубые всплески. Их было много, очень много, но корабль больше не рыскал – противометеоритное устройство было отключено и не влияло на киберштурман. Сквозь шум в ушах Быков несколько раз услышал пронзительное «поук-пш-ш-ш», и каждый раз его обдавало ледяным паром, и он втягивал голову в плечи и пригибался к самому пульту.

Тогда Быков поглядел на курсограф. «Тахмасиб» падал. «Тахмасиб» шёл через экзосферу Юпитера, и скорость его была намного меньше круговой, и он падал по суживающейся спирали. Он потерял скорость во время метеоритной атаки. При метеоритной атаке корабль, уклоняясь от курса, всегда теряет скорость. Так бывает в поясе астероидов во время обычных рейсов Юпитер-Мартс или Юпитер-Земля. Но там это не опасно. Здесь, над Джупом, потеря скорости означала верную смерть. Корабль сгорит, врезавшись в плотные слои атмосферы чудовищной планеты, – так было десять лет назад с Полем Данже. А если не сгорит, то провалится в водородную бездну, откуда нет возврата, – так случилось, вероятно, с Сергеем Петрушевским в начале этого года.

Вырваться можно было бы только на фотонном двигателе. Совершенно машинально Быков нажал рифлёную клавишу стартера. Но ни одна лампочка не зажглась на панели управления. Отражатель был повреждён, и аварийный автомат блокировал неразумный приказ. «Это конец», – подумал Быков. Он аккуратно развернул корабль и включил на полную мощность

аварийные двигатели. Пятикратная перегрузка вдавила его в кресло. Это было единственное, что он мог сейчас сделать, — сократить скорость падения корабля до минимума, чтобы не дать ему сгореть в атмосфере».

Быков собирает в кают-компании экипаж и пассажиров и объявляет о создавшейся ситуации: о том, что отражатель разбит, контроль отражателя разбит, в корабле восемнадцать пробоин, и он падает на Юпитер.

«Я с Жилиным попробую что-нибудь сделать с отражателем, но это... так... — Он сморщился и покрутил распухшим носом. — Что намерены делать вы?»

— Н — наблюдать, — жёстко сказал Юрковский.

Дауге кивнул.

— Очень хорошо. — Быков поглядел на них исподлобья.

— Вот так, — сказал Быков. — Ты, Миша, поди в рубку и сделай все расчёты, а я схожу в медчасть, помассирую бок. Что-то я здорово расшибся.

Выходя, он услышал, как Дауге говорил Юрковскому:

— В известном смысле нам повезло, Володька. Мы кое-что увидим, чего никто не видел. Пойдём чиниться.

— П — пойдём, — сказал Юрковский.

«Ну, меня вы не обманете, — подумал Быков. — Вы всё-таки ещё не поняли. Вы всё-таки ещё не верите. Вы думаете: Алексей вытащил нас из Чёрных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащит нас из водородной могилы. Дауге — тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей всё-таки вытащит?»

Да, Дауге и Юрковский верят, что Быков найдёт выход к спасению, и их научные наблюдения атмосферы Юпитера не превратятся в бесполезный мартышкин труд. И, конечно, Быков оправдал надежды друзей. Он нашёл решение проблемы и заставил экипаж воплотить его в жизнь в условиях всё возрастающей силы тяжести при падении корабля на планету-гигант Юпитер.

«Это было трудно, невообразимо трудно работать в таких условиях. Жилин несколько раз терял сознание. Останавлива-

лось сердце, и всё заволакивалось красной мутью. И во рту всё время чувствовался привкус крови. Жилину было очень стыдно, потому что Быков продолжал работать неумолимо, размеренно и точно, как машина. Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он продолжал прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашёл Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку и сказал: „Ешь“. Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: „Если мы выберемся, я не пойду в межзвёздную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды“. Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над Рыжим Пустынником – кстати, откуда взялось такое странное прозвище? – но он никогда не видел, чтобы о Быкове отозвался пренебрежительно хоть один пилот или учёный старшего поколения. „Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть, как Быков“. Когда Жилин терял сознание, Быков молча перешагивал через него и заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на своё место».

Закончив работу, Быков вновь собирает экипаж и пассажиров, чтобы объявить им своё решение. Зная характер Юрковско-го, привычку того обсуждать приказы начальства, он говорит следующее:

« – Так, – повторил он. – Мы были заняты пере-о-бо-ру-до-ва-нием «Тахмасиба». Мы закончили пере-о-бо-ру-до-ва-

ние. — Это слово никак не давалось ему, но он упрямо дважды повторил его, выговаривая по слогам. — Мы теперь можем использовать фотонный двигатель, и я решил его использовать. Но сначала я хочу поставить вас в известность о возможных последствиях. Предупреждаю: решение принято, и я не собираюсь с вами советоваться и спрашивать вашего мнения...

— Короче, Алексей, — сказал Дауге.

— Решение принято, — сказал Быков. — Но я считаю, что вы вправе знать, чем это всё может кончиться. Во-первых, включение фотореактора может вызвать взрыв в сжатом водороде вокруг нас. Тогда «Тахмасиб» будет разрушен полностью. Во-вторых, первая вспышка плазмы может уничтожить отражатель — возможно, внешняя поверхность зеркала уже истончена коррозией. Тогда мы останемся здесь и... В общем, понятно. В-третьих, наконец, «Тахмасиб» может благополучно выбраться из Юпитера и...

— Понятно, — сказал Дауге.

— И продовольствие будет доставлено на Амальтею, — сказал Быков.

— П-продовольствие б-будет век б-благодарить Б-быкова, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович робко улыбнулся. Ему было не смешно».

Как видите, для Быкова главным в спасении «Тахмасиба» была необходимость выполнить задание — доставить продовольствие на Амальтею, а не спасение собственной жизни. Он просто делал свою работу, не считая её подвигом. А вот Юрковский, даже заикаясь после травмы, полученной при столкновении корабля с метеоритным потоком, не смог удержаться от идиотской реплики в адрес своего (и не только) спасителя.

«СТАЖЁРЫ»

Последняя книга трилогии, как я сказал в начале этой статьи, знаменует уход Аркадия и Бориса Стругацких от научной фантастики в область фантастики социальной. Братья, к сожалению,

не смогли совместить оба жанра в одном произведении, из-за чего повесть «Стажёры», на мой взгляд, получилась гораздо хуже двух предыдущих. Научно-фантастическая составляющая в ней просто задавлена социальной, но и социальная при этом выглядит весьма бледно и прямолинейно: здесь имеются прямые споры между адептами коммунизма и капитализма, а также многочисленные примеры пережитков прошлого в молодых строителях коммунизма. Возможно, каждый из авторов писал свою линию, совместить которые в единое произведение им не удалось. Очевидно, сказалось то, что повесть написана, по признанию Бориса Стругацкого, «единым духом и за один присест в мае–июне 1961–го».

Итак, на страницах повести «Стажёры» мы вновь встречаемся с Алексеем Быковым, Владимиром Юрковским и Михаилом Крутиковым. Они постарели и отправляются, по-видимому, в свой последний совместный полёт на корабле «Тахмасиб». А вот Григорию Дауге врачи запретили по состоянию здоровья покидать Землю, и он пришёл на ракетодром их проводить.

«Никуда мне не хочется, подумал он. Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как... Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Всё давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще всё очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь и та не своя. Поэтому бракуют, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе говорят: «Григорий Иоганнович, довольно есть, что дают, и спать, где положат. Пора тебе, говорят, Григорий Иоганнович, молодых поучить».

Но и Владимир Юрковский уже далеко не красавец, но по-прежнему – пижон.

«Дауге взглянул на него и отвёл глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского – на его уверенное рыхловатое лицо с брюзгливо отвисшей нижней губой, на тяжёлый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика.

Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже без птиц — над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми сиренами.

Юрковский томно сказал:

— В стратоплане спрошу бутылочку эссенуков и выкушаю...»

Повесть называется «Стажёры», но никаких стажёров в ней нет. Есть юный восемнадцатилетний вакуум-сварщик Юра Бородин, которого вопреки желанию Юрковского Быков в нарушение инструкции берёт на борт «Тахмасиба» и оформляет стажёром, чтобы помочь хорошему парню добраться до места будущей работы на спутнике Сатурна Рее. Но Юре фактически не на кого стажироваться на борту фотонной ракеты, и по указанию Быкова он с большой неохотой штудирует учебники по своей специальности. Чтобы оправдать название соавторы ввели в текст повести несколько, мягко говоря, пафосных фраз:

« — Стажёр стажёру рознь, — возразил Юрковский. — Ты тоже стажёр, и я стажёр. Мы все стажёры на службе у будущего. Старые стажёры и молодые стажёры. Мы стажирuemся всю жизнь, каждый по-своему. А когда мы умираем, потомки оценивают нашу работу и выдают диплом на вечное существование.

— Или не выдают, — задумчиво сказал Быков...»

Это поразительно, как соавторы изменили образ Быкова в данной повести. Но без этого у них не получилось бы убить Юрковского. Ранее Алексей Быков не стал бы нарушать законы, инструкции и правила, а теперь на протест Юрковского по поводу взятия на борт корабля Юры Бородина и оформления того задним числом стажёром спокойно заявляет нечто для него невероятное:

« — Это незаконно, Алексей, — негромко сказал Юрковский. Быков вернулся к столу и сел.

— Если бы ты знал, Владимир, — сказал он, — без скольких законов я могу обойтись в пространстве. И без скольких законов нам придётся обойтись в этом рейсе».

Так что же это за рейс?

«Юра уже знал, что такое спецрейс 17. Кое-где в огромной сети космических поселений, охватившей всю Солнечную систему, происходило неладное, и Международное управление космических сообщений решило покончить с этим раз и, по возможности, навсегда. Юрковский был генеральным инспектором МУКСа и имел, по-видимому, неограниченные полномочия. Он обладал правом понижать в должности, давать выговоры, разносить, снимать, смещать, назначать, даже, кажется, применять силу и, судя по всему, был намерен делать всё это. Более того, Юрковский намеревался падать на виновных как снег на голову, и поэтому спецрейс 17 был совершенно секретным. Из обрывков разговоров и из того, что Юрковский зачитывал вслух, следовало, что фотонный планетолёт „Тахмасиб“ после кратковременной остановки у Марса пройдёт через пояс астероидов, задержится в системе Сатурна, затем оверсаном выйдет к Юпитеру и опять-таки через пояс астероидов вернётся на Землю. Над какими именно небесными телами нависла грозная тень генерального инспектора, Юра так и не понял».

Как видите, у авторов было обширное поле деятельности в сфере научной фантастики, как же они воспользовались такой прекрасной возможностью? Бездарно, как говорится, слили.

Итак, первая остановка на Марсе. Здесь летающие пиявки нападают на людей. Учёные предполагают, что они делают это, потому что когда-то на Марсе обитала «раса двуногих прямоходящих», а может и сейчас где-то в пустотах под землёй или в пустыне остались её потомки. Что же делают земляне, чтобы решить эту загадку? Ничего! Для них это не загадка, а проблема.

«Товарищи, как вам известно, за последние недели летающие пиявки активизировались. С позавчерашнего дня началось уже совершенное безобразие. Пиявки стали нападать днём. К счастью, обошлось без жертв, но ряд начальников групп и участков потребовал решительных мер. Я хочу подчеркнуть, товарищи, что проблема пиявок — старая проблема. Всем нам они надоели. Спорим мы о них ненормально много, иногда да-

же ссоримся, полевым группам эти твари, видимо, очень мешают, и вообще пора наконец принять о них, о пиявках то есть, какое-то окончательное решение. Коротко говоря, у нас определились два мнения по этому вопросу. Первое – немедленная облава и посильное уничтожение пиявок. Второе – продолжение политики пассивной обороны, как паллиатив, вплоть до того времени, когда колония достаточно окрепнет».

Какой вариант выберут земляне, гадать не приходится – ради второго собирать совещание нет необходимости. К тому же, соавторы смогут весьма красочно изобразить свой вариант земной охоты на волков на Марсе.

«И тем не менее облаву провести необходимо. Вот некоторые статистические данные. За тридцать лет пребывания человека на Марсе летающие пиявки совершили более полутора тысяч зарегистрированных нападений на людей. Три человека было убито, двенадцать искалечено. Население системы Тёплый Сырт составляет тысячу двести человек, из них восемьсот человек постоянно работают в поле и, следовательно, перманентно находятся под угрозой нападения. До четверти учёных вынуждены нести сторожевую службу в ущерб государственным и личным научным планам. Мало того. Помимо морального ущерба пиявки наносят весьма значительный материальный ущерб. Только за последние несколько недель и только у ареологов они непоправимо разрушили пять уникальных установок и вывели из строя двадцать восемь ценных приборов. Представляется очевидным, что дальше так продолжаться не может. Пиявки ставят под угрозу всю научную работу системы Тёплый Сырт».

Готовя облаву на пиявок, земляне вдруг обнаруживают на развалинах Старой Базы некое растение, цветущее раз в десять лет.

« – Интересно, – сказала Наташа. – Значит, можно подсчитать, сколько колючке лет... Раз... Два... Три... Четыре...

Она остановилась и посмотрела на Феликса.

– Тут восемь ободков, – сказала она неуверенно.

– Да, – сказал Феликс. – Восемь. Цветок – девятый. Этой трещине в цементе восемьдесят земных лет.

– Не понимаю, – сказала Наташа и вдруг поняла. – Значит, это не наша база? – сказала она шёпотом.

– Не наша, – сказал Феликс и выпрямился.

– Вы об этом знали! – сказала Наташа.

– Да, мы об этом знаем, – сказал Феликс. – Это здание строили не люди. Это не цемент. Это не просто холм. И пиявки не зря нападают на двуногих прямоходящих».

Позвольте ещё одну цитату:

«Кабинет директора системы Тёплый Сырт был набит до отказа. Директор вытирал лысину платком и ошалело мотал головой. Ареолог Ливанов, утратив сдержанность и корректность, орал, надсаживаясь, стараясь перекрыть шум:

– Это просто уму непостижимо! Тёплый Сырт существует шесть лет. За шесть лет не разобрались, что здесь наше и что не наше. Никому и в голову не пришло поинтересоваться Старой Базой!..»

Я привёл две цитаты. В первой авторы пишут, что земляне давно знают, что Старую Базу построили не люди, а во второй, что не знают. Один из соавторов, очевидно, писал научно-фантастические страницы повести, другой – социальные, одного интересовали пришельцы и пиявки, другого – организационный бардак, неистребимый даже в наступающем коммунистическом обществе. Результат подобного сотрудничества удручает. Становится ясно, что именно судьба Владимира Юрковского являлась для соавторов приоритетом, а он на Марсе проездом, поэтому все научно-фантастические завязки соавторы резко оборвали: пиявок тупо истребили, с базой пришельцев разбираться некому – у всех землян и так имеются свои конкретные научные и производственные планы, которые вдобавок нарушил ещё и прилетевший Юрковский. Кстати, Юрковский полностью одобрил истребление пиявок и даже сам принял в этом непосредственное участие.

Итак, уже первая остановка «Тахмасиба» у Марса демонстрирует читателю, что научная фантастика в повести «Стажёры»

если и не закончилась, то резко отошла на задний план. Почему я считаю, что главным для соавторов становится судьба Владимира Юрковского? Потому что с первых страниц повести Стругацкие прямо намекают на это, а в завершающей сцене истребления летающих пиявок на Марсе уже ясно показывают, каким будет финал.

Первый намёк — переживания Григория Дауге, которому по состоянию здоровья запретили заниматься любимым делом. И Юрковский, старинный друг и соратник Дауге, у которого тоже имеются проблемы со здоровьем, понимает, что он, возможно, полетел в космос в последний раз. А кто такой Владимир Юрковский? Это человек ярких поступков, поэт и эгоист. Все его подвиги в прошлом, и молодёжь уже не знает его в лицо.

«В комнате за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидели два пожилых человека. Юра остолбенел: он узнал их обоих, и это было настолько неожиданно, что на мгновение ему показалось, что он ошибся дверью. Лицом к нему, оперев в него маленькие недобрые глаза, сидел известный Быков, капитан прославленного „Тахмасиба“, угрюмый и рыжий — такой, как на стереофото над столом Юриного старшего брата. Лицо другого человека, небрежно развалившегося в лёгком плетёном кресле, породистое, длинное, с брезгливой складкой около полных губ, было тоже удивительно знакомо. Юра никак не мог вспомнить имени этого человека, но был совершенно уверен, что видел его когда-то и, может быть, даже несколько раз».

Главное — сам Юрковский осознаёт, что его слава и известность остались в прошлом.

« — Алексей, — величественно сказал Юрковский. — Наш... э-э... кадет ещё не знает, с кем имеет дело.

— Нет, я знаю, — сказал Юра. — Я вас сразу узнал.

— О! — удивился Юрковский. — Нас ещё можно узнать?»

Юрковский кокетничает, говоря «нас». В отличие от него, Быкова знают в лицо все, кто связан с космосом, потому что Быков продолжает заниматься любимым делом, а Юрковский пошёл в чиновники. Но вернёмся к намёкам соавторов. Юрковский, ви-

для судьбу Дауге, не мог не задуматься о собственной. Уйти такой человек, как он, должен ярко, а не в собственной постели. И устами Юры Бородина соавторы дают следующий намёк.

« – Слушайте, Джойс, – сказал Иван. – Вот русский мальчик спрашивает, что вы будете делать, когда разбогатеете?

Некоторое время Джойс внимательно глядел на Юру.

– Ладно, – сказал он. – Я знаю, какого ответа ждёт мальчик. Поэтому спрошу я. Мальчик вырастет и станет взрослым мужчиной. Всю жизнь он будет заниматься своей... как это вы говорите... интересной работой. Но вот он состарится и не сможет больше работать. Чем тогда он будет заниматься, этот мальчик?

Юра почувствовал, что у него запылали уши. Он опустил вилку и растерянно сказал:

– Я... не знаю, я как-то не думал... – Он замолчал.

Бармен серьёзно и печально смотрел на него. Медленно ползли ужасные мгновения. Юра сказал с отчаянием:

– Я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать...

Брови бармена полезли на лоб, он испуганно оглянулся на Ивана. В полнейшем смятении Юра заявил:

– И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека – это красиво умереть!»

И вот на протяжении всей повести «Стажёры» Юрковский пытается «красиво умереть». На «Тахмасибе» ему это не позволяет Быков, поэтому у «гусара» такая возможность появляется только на объектах, которые он должен проинспектировать. И первую попытку Юрковский делает уже на Марсе, приняв участие в облаве на летающих пиявок.

«Люди обступили каверну – глубокою чёрною пещеру, круто уходившую под развалины. Перед входом, оперев руки в бока, стоял человек с карабином на шее.

– И много туда... э-э... проникло? – спрашивал он.

– Две пиявки наверняка, – отвечали из толпы. – А может быть, и больше.

– Юрковский! – сказал Жилин.

– Как же вы их... э-э... не задержали? – спросил Юрковский укоризненно.

– А они... э-э-э... не захотели задержаться, – объяснили в толпе.

Юрковский сказал пренебрежительно:

– Надо было... э-э... задержать! – Он снял карабин. – Пойду посмотрю, – сказал он.

Никто не успел и слова сказать, как он пригнулся и с неожиданной ловкостью нырнул в темноту. Вслед за ним тенью скользнул Феликс. Юра больше не раздумывал. Он сказал: «Позвольте-ка, товарищ», – и отобрал карабин у соседа. Ошарашенный сосед не сопротивлялся.

– Ты куда? – удивился Жилин, оглядываясь с порога пещеры. Юра решительно шагнул к каверне.

– Нет-нет, – скороговоркой сказал Жилин, – тебе туда нельзя. Юра, нагнув голову, пошёл на него.

– Нельзя, я сказал! – рявкнул Жилин и толкнул его в грудь. Юра с размаху сел, подняв много пыли. В толпе захохотали.

Мимо бежали Следопыты, один за другим скрывались в пещере. Юра вскочил, он был в ярости.

– Пустите! – крикнул он. Он кинулся вперёд и налетел на Жилина, как на стену.

Жилин сказал просительно:

– Юрик, прости, но тебе туда и правда не надо. Юра молча рвался.

– Ну что ты ломишься? Ты же видишь, я тоже остался. В пещере глухо забухали выстрелы.

– Вот видишь, прекрасно обошлись без нас с тобой.

Юра стиснул зубы и отошёл. Он молча сунул карабин опомнившемуся загонщику и понуро остановился в толпе. Ему казалось, что все на него смотрят. «Срам-то, срам какой, – думал он. – Только что уши не надрали. Ну пусть бы один на один – в конце концов, Жилин это Жилин. Но не при всех же...»

– Да ты не беспокойся, – ласково сказал Жилин, поправляя его капюшон. – Ничего с ним не случится. Там ведь Феликс воз-

ле него, Следопыты... А я тоже сгоряча решил, что пропадёт старик, и кинулся, но потом, спасибо тебе, опомнился...

Жилин говорил ещё что-то, но Юра больше не слышал ни слова. «Уж лучше бы мне надрали уши, — в отчаянии думал он. — Лучше бы публично побили по лицу. Мальчишка, сопляк, эгоист неприличный! Правильно Иван сделал, что треснул меня. Не так ещё меня надо было треснуть. — Юра даже зашипел сквозь зубы, так ему стало стыдно. — Иван вот заботился и обо мне, и о Юрковском, и он нисколько не сомневается, что и я тоже заботился о Юрковском и о нём... А я?.. То, что Юрковский прыгнул в пещеру, я воспринял только как разрешение на геройские подвиги. Ни на секунду не подумал о том, что Юрковскому угрожает опасность. Жаждал, дурак, сразиться с пивяками и стяжать славу... Хорошо ещё, что Иван не знает».

Но геройский по мнению юного стажёра поступок Юрковского не был вызван какой-либо необходимостью, и смертельный риск, на который самоуверенный начальник обрёл людей, вынужденных немедленно последовать вслед за ним в подземелье, был абсолютно лишним. Юрковский наверняка был ознакомлен с планом облавы и прекрасно знал, как и чем планировалось уничтожить пивяков, если те прорвутся к кавернам.

«Сквозь толпу к пещере вскарабкался краулер, тащивший за собой прицеп с огромным серебристым баком. От бака тянулся металлический шланг со странным длинным наконечником. Наконечник держал под мышкой человек на переднем сиденье.

— Здесь? — деловито осведомился человек и, не дожидаясь ответа, направил наконечник в сторону пещеры. — Подведи ещё поближе, — сказал он водителю. — А ну, ребята, посторонитесь, — сказал он в толпу. — Дальше, дальше, ещё дальше. Да отойдите же, вам говорят! — крикнул он Юре.

Он прицелился наконечником шланга в чёрный провал пещеры, но на пороге пещеры появился один из Следопытов.

— Это ещё что? — спросил он. Человек со шлангом сел.

— Ёлки-палки, — сказал он. — Что вы там делаете?

— Да это же огнёмёт, ребята! — догадался кто-то в толпе. Огнёмётчик озадаченно почесал где-то под капюшоном.

— Нельзя же так, — сказал он. — Надо же предупреждать.

Под землёй вдруг стали стрелять так ожесточённо, что Юре показалось, что из пещеры полетели клочья.

— Зачем вы это затеяли? — спросил огнёмётчик.

— Это Юрковский, — ответили из толпы.

— Какой Юрковский? — спросил огнёмётчик. — Сын, что ли?

— Нет, пэр.

Из пещеры один за другим вышли ещё трое Следопытов. Один из них, увидев огнёмёт, сказал:

— Вот хорошо. Сейчас все выйдут, и дадим.

Из пещеры выходили люди. Последними выбрались Феликс и Юрковский. Юрковский говорил запыхавшимся голосом:

— Значит, вот эта вот башня над нами должна быть чем-то вроде... э-э... водокачки. Очень... э-э... возможно! Вы молодец, Феликс. — Он увидел огнёмёт и остановился. — А-а, огнёмёт! Ну что ж... э-э... можно. Можете работать. — Он благосклонно покивал огнёмётчику.

Огнёмётчик оживился, соскочил с сиденья и подошёл к порогу пещеры, волоча за собой шланг. Толпа подалась назад. Один Юрковский остался возле огнёмётчика, оперев руки в бока.

— Громовержец, а? — сказал Жилин над ухом Юры.

Огнёмётчик прицелился. Юрковский вдруг взял его за руку.

— Пойдите. А собственно... э-э... зачем это нужно? Живые пивавки давно... э-э... мертвы, а мёртвые... э-э... понадобятся биологам. Не так ли?

— Зевес, — сказал Жилин. Юра только повёл плечом. Ему было стыдно».

Юра не понял слова Жилина о Юрковском. Тот осуждал поступок генерального инспектора, ведущего себя, как облачённый властью божок, которому наплевать на простых смертных. То, что позволительно юному неопытному стажёру, не должен совершать ответственный профессионал. Вопрос: зачем Юрковский подверг смертельной опасности людей? Их могли убить

или покалечить пиявки, их мог сжечь живьём огнемётчик! Устами Юры соавторы отвечают на этот вопрос: жаждал совершить подвиг и стяжать славу. Правда, стажёр в этом ответе совершенно упускает вероятную смерть героя, но кто в восемнадцать лет думает о смерти? Но Юрковскому-то уже давно не восемнадцать! И ситуация совершенно не требовала от кого-либо героизма, что понимали все, кроме Юры, и что отчётливо подтверждают слова огнемётчика.

Да, геройски погибнуть Юрковскому не позволили, и он, успешно изобразил из себя верховного бога-громовержца, не думающего о простых смертных. Ведь лучше быть безрассудным и храбрым богом в глазах окружающих, чем идиотом и подлецом. И для утверждения этого образа перед отлётом с Марса Юрковский распекает местное руководство, ставя им в упрёк спокойную методичную работу и соблюдение установленных правил поведения.

«Юрковский произнёс большую речь. Он сказал, что мы захлебнулись в повседневщине. Что мы слишком любим жить по расписанию, обожаем насиженные места и за тридцать лет успели создать... как это он сказал... „скучные и сложные традиции“. Что у нас сгладились извилины, ведающие любознательностью, чем только и можно объяснить анекдот со Старой Базой... О том, что кругом тайны, а мы копаемся... Очень была горячая речь – по-моему, экспромтом. Потом он похвалил нас за облаву, сказал, что приехал нас подталкивать и очень рад, что мы сами на эту облаву решились...»

Довольно странная речь для начальника-инспектора, проверяющего работу подчинённых. Она и то, как Юрковский неоправданно рискует жизнями подчинённых во время охоты на пиявок, ярко иллюстрируют тот факт, что Юрковский совершенно не подходит для такой работы, он явно не на своём месте. Но эта ситуация непрофессионализма основных персонажей неоднократно встречается в различных произведениях братьев Стругацких: можно вспомнить хотя бы пресловутого дона Румату из повести «Трудно быть богом».

Кстати говоря, Алексей Быков по воле соавторов в повести «Стажёры» тоже ведёт себя непрофессионально, нарушая правила и инструкции, и только это позволяет Владимиру Юрковскому добиться поставленной цели. То, что он ищет геройской смерти, покажут последующие его поступки. Но первая попытка героической гибели Юрковскому не удалась. Но она окончательно отвратила от Юрковского бортинженера Ивана Жилина. А вот для юного стажёра Владимир Юрковский стал кумиром и примером для подражания. Бородин постоянно сравнивает Быкова и Юрковского.

«Первое время Юра поражался, глядя на Быкова. На корабле работали все. Жилин ежедневно вылизывал ходовую и контрольную системы, Михаил Антонович считал и пересчитывал курс, вводил дополнительные команды на киберуправление, заканчивал большой учебник и ещё ухитрялся как-то находить время для мемуаров. Юрковский до глубокой ночи читал какие-то пухлые отчёты, получал и отправлял бесчисленные радиограммы, что-то расшифровывал и зашифровывал на электромашинке. А капитан корабля Алексей Петрович Быков читал газеты и журналы. Раз в сутки он, правда, выстаивал очередную вахту. Но всё остальное время он проводил в своей каюте либо под торшером в кают-компании. Юру это шокировало. На третьи сутки он не выдержал и спросил у Жилина, зачем на корабле капитан. «Для ответственности, — сказал Жилин. — Если, скажем, кто-нибудь потеряется». У Юры вытянулось лицо. Жилин засмеялся и сказал: «Капитан отвечает за всю организацию рейса. Перед рейсом у него нет ни одной свободной минуты.

«А во время рейса?» — спросил Юра. Они стояли в коридоре и не заметили, как подошёл Юрковский. «Во время рейса капитан нужен только тогда, когда случается катастрофа, — сказал он со странной усмешкой. — И тогда он нужен больше, чем кто-нибудь другой».

Но Юра не понимает пояснений ни Жилина, ни Юрковского, тем более, что последние сопровождаются «странный усмешкой». Быков кажется Юре тусклым и скучным человеком.

« — А я так не люблю скучных, — заявил Юра, разглядывая рисунок. — Можно, я его возьму? Спасибо... Я вот, Ваня, очень не люблю скучных. У них такая скучная, тошная жизнь. На работе пишут бумажки или считают на машинах, которые не они придумали, а сами придумать что-нибудь даже не пытаются. Им и в голову не приходит что-нибудь придумать. Они всё делают «как люди».

— Я понимаю тебя. Так вот. Быков любит своё дело — раз. Не мыслит себя в каком-либо другом качестве — два. И потом, ведь Алексей Петрович работает даже тогда, когда читает журналы или дремлет в своём кресле. Ты никогда не задумывался над этим?

— Н-нет...

— Зря. Знаешь, в чём работа Быкова? Быть всегда готовым. Это очень сложная работа. Тяжёлая, изматывающая. Нужно быть Быковым, чтобы выдерживать всё это. Чтобы привыкнуть к постоянному напряжению, к состоянию непрерывной готовности. Не понимаешь?

— Не знаю... Если это действительно так...

— Но это действительно так! Он солдат космоса. Ему можно только позавидовать, Юрочка, потому что он нашёл главное в себе и в мире. Он нужен, необходим и труднозаменяем. Понимаешь?

Юра молча нерешительно кивнул. Перед ним встала осточертевшая картина: прославленный капитан в шлёпанцах и полосатых носках в позе бургера в своём любимом кресле под торшером.

— Я знаю, тебя покорила Владимир Сергеевич. Что ж, это понятно. С одной стороны, Юрковский, который считает, что жизнь — это довольно скучная возня с довольно скучными делами и нужно пользоваться всяким случаем, чтобы разрядиться в великолепной вспышке. С другой стороны, Быков, который полагает истинную жизнь в непрерывном напряжении, не признаёт никаких случаев, потому что он готов к любому случаю, и ни какой случай не будет для него неожиданностью...»

Иван Жилин давно понял сущность Владимира Юрковского,

потому и назвал того на Марсе «Зевесом». Но Юра не желает ничего понимать, потому что уже окончательно выбрал себе в кумиры внешне яркого и нескудного Юрковского.

«Юра, ступая на цыпочках, положил рядом с Юрковским бювар. Бювар был роскошный, как и всё у Юрковского. В углу бювара была врезана золотая пластина с надписью: «IV Всемирный Конгресс планетологов. 20.XII.02. Конакри».

— Спасибо, кадет, — сказал Юрковский, откинулся на стуле и задумчиво посмотрел на Юру. — Вы бы сели да побеседовали со мной, стариком, — сказал он негромко. — А то через десять минут принесут радиogramмы и опять начнётся кавардак на целый день.

Юра сел. Он был безмерно счастлив».

Бородин буквально ловит каждое слово Юрковского, смотрит тому в рот.

«Юрковский кончил говорить и посмотрел на Юру с таким выражением, словно ожидал, что Юра тут же переменится к лучшему. Юра молчал. Это называлось „беседовать со стариком“. Оба очень любили такие беседы. Ничего особенно нового для Юры в этих беседах, конечно, не было, но у него всегда оставалось впечатление чего-то огромного и сверкающего. Вероятно, дело было в самом облике великого планетолога — весь он был какой-то красный с золотом».

Словом, юный «стажёр будущего» пока судит о людях по внешним, а не внутренним достоинствам. Но вернёмся к подвигам Юрковского.

«Тахмасиб» с генеральным инспектором МУКСа на борту прибывает на астероид Бамберга, на котором царят мрачные нравы капитализма. Здесь фирма «Спейс Пёрл» по добыче космического жемчуга бесчеловечно эксплуатирует наёмных рабочих, от чего те мрут, как мухи. Юрковский должен навести на Бамберге порядок. Как он это делает? Он лично высаживается с корабля на астероид, зачем-то взяв с собой бортинженера Ивана Жилина. Комиссар МУКСа на Бамберге Бэла Барабаш докладывает Юрковскому обстановку:

« — Здесь не на кого опереться, — продолжал Бэла. — Это либо бандиты, либо тихая дрянь, которая мечтает только о том, чтобы набить свой карман, и ей наплевать, сдохнет она после этого или нет. Ведь у них настоящие люди сюда не идут. Отбросы, неудачники. Люмпены. У меня руки трясутся по вечерам от всего этого. Я не могу спать. Позавчера меня пригласили подписать протокол о несчастном случае. Я отказался: совершенно ясно, что человеку вспороли скафандр автогенном. Тогда этот подлец, секретарь профсоюза, сказал, что будет на меня жаловаться. Месяц назад на Бамберге появляются и в то же утро исчезают три девицы. Я иду к управляющему, и этот стервец смеётся мне в лицо: „У вас галлюцинации, мистер комиссар, вам пора вернуться к вашей жене, вам уже мерещатся девки“. В конце концов в меня трижды стреляли. Да, да, я знаю, что ни один дурак не старался в меня попасть. Но мне от этого не легче. И подумать только, меня посадили сюда, чтобы охранять жизнь и здоровье этих оборотов! Да провались они все...»

И наш герой даже не раздумывает над тем, как решить проблему, возникшую на Бамберге.

«Вот что мы сейчас сделаем. Мы пойдём к управляющему, и я скажу ему несколько слов. А потом мы поговорим с рабочими. — Он встал. — Ничего, Бэла, не огорчайтесь. Не вы первый. У меня эта Бамберга тоже вот здесь сидит.

Бэла озабоченно сказал:

— Только нужно взять с собой несколько наших. Может случиться драка. Управляющий здесь подкармливает целую шайку гангстеров.

— Каких наших? — спросил Юрковский. — Вы же говорили, что ни на кого здесь положиться не можете.

— Так вы приехали один? — с ужасом спросил Бэла. Юрковский пожал плечами.

— Ну, естественно, — сказал он. — Я же не управляющий.

— Ладно, — сказал Бэла.

Он отпер сейф и взял пистолет. Лицо у него было бледное и решительное. «Первую пулю я всажу в этого слизняка, —

с острой радостью подумал он. — Пусть в меня стреляет кто угодно, но первую пулю получит мистер Ричардсон. В жирную, гладкую, подлую свою рожу».

Юрковский внимательно посмотрел на него.

— Знаете что, Бэла, — сказал он проникновенно, — я бы на вашем месте пистолет оставил. Или отдайте его товарищу Жилину. Я боюсь, что вы не удержитесь».

И они втроём, лишь в сопровождении местного начальника полиции, сержанта Хиггинса, пошли сквозь толпы враждебно настроенных рабочих к управляющему.

«Юрковский шёл неторопливо, любезно улыбаясь и внимательно вглядываясь в лица рабочих. Он хорошо видел эти лица в ровном свете дневных ламп — осунувшиеся, с нездоровой землистой кожей, с отёками под глазами, апатично-равнодушные, сердитые, любопытные, злобные, ненавидящие. Рабочие расступались перед ним, давая дорогу, а за спиной Хиггинса снова смыкались и шли следом.

Так они дошли до лифта и поднялись на этаж администрации. Здесь толпа была ещё гуще. И здесь дорогу уже не уступали. Между усталыми лицами рабочих стали просовываться какие-то нагловатые весёлые морды. Теперь сержант Хиггинс пошёл впереди, расталкивая толпу голубой дубинкой.

— Посторонись, — говорил он негромко, — дай дорогу... Посторонись...

Затылок его между краем каски и воротником налился кровью и заблестел от пота. Шествие замыкал Жилин. Нагловатые морды протискивались в первые ряды толпы, переключаясь:

— Эй, ребята, а кто из них инспектор?

Шум вокруг нарастал. Теперь уже кричали все.

— Кто их звал сюда?

— Эй, вы! Не суйтесь не в своё дело!

— Дайте нам работать, как мы хотим! Мы не лезем в ваши дела!

— Убирайтесь к себе домой и там распорядитесь!

Сержант Хиггинс, мокрый как мышь, добрался наконец до дверей с треснувшей табличкой и распахнул её перед Юрковским.

— Сюда, сэр, — тяжело дыша, сказал он.

Юрковский и Бэла вошли. Жилин перешагнул через комингс и оглянулся. Он увидел множество наглых морд и только за ними, в табачном дыму, хмурые ожесточённые лица рабочих. Хиггинс тоже перешагнул через комингс и закрыл дверь».

Очевидно, что все, кроме Юрковского, отлично понимают: малейшая искра может вызвать пожар массовых волнений, результат которых трудно предсказать. В этом аду, где рабочие и так обречены на скорую и мучительную смерть и живут только надеждой заработать и отослать семье как можно больше денег, растерзать трёх чужаков-коммунистов будет не столь уж трудно. Полиция Бамберги, состоящая из трёх человек, включая начальника, вряд ли вмешается в бойню. Но Юрковский без тени сомнения идёт на конфликт, сразу же обвиняя управляющего во всех нарушениях и преступлениях.

« — В том числе и в убийстве, — сказал Юрковский. — Я снимаю вас с должности, в ближайшее время вы будете арестованы и отправлены на Землю, где предстанете перед международным трибуналом. А сейчас я вас не задерживаю.

— Я уступаю грубой силе, — с достоинством сказал мистер Ричардсон.

— И правильно делаете, — сказал Юрковский. — Явитесь сюда через час и сдадите дела своему преемнику.

Ричардсон круто повернулся, подошёл к двери и распахнул её.

— Друзья мои! — громко сказал он. — Эти люди меня арестовали! Им не нравятся ваши высокие заработки! Они хотят, чтобы вы работали по шесть часов и оставались нищими!

Юрковский с любопытством глядел на него. Хиггинс, расстёгивая кобуру, попятился к столу. Ричардсона отнесло в сторону. В дверь ворвались ревушие молодчики, их сейчас же оттеснили, и кабинет быстро наполнился рабочими. Плотная стена се-

рых комбинезонов и злобных, угрюмых лиц остановилась перед столом. Юрковский осмотрелся и увидел, что Жилин стоит справа от него, засунув руки в карманы, а Бэла, изогнувшись, стиснув руками спинку стула, не отрываясь, смотрит на мистера Ричардсона. Лицо его было гораздо более свирепо, чем лица самых озлобленных рабочих. «Плохо придётся управляющему», — мельком подумал Юрковский. Сержант Хиггинс с пистолетом в руке упирался дубинкой в грудь одного из рабочих и бормотал:

— Никаких незаконных действий, ребята, поспокойней, ребята, поспокойней...

— Уо-о-о! — заревела толпа, и в этот момент кто-то выстрелил.

За спиной Юрковского зазвенела, разлетаясь, витрина. Бэла застонал, с натугой поднял стул и обрушил его на голову мистера Ричардсона, который стоял в первом ряду, подняв глаза и молитвенно сложив руки. Жилин вынул руки из карманов и приготовился на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул. Юрковский встал и сердито сказал:

— Какой дурак там стреляет? Чуть не попал в меня. Сержант, что вы стоите, как стул? Отберите у болвана оружие!

Хиггинс послушно полез в толпу. Жилин снова сунул руки в карманы и присел на угол стола. Он посмотрел на Бэлу и засмеялся. Лицо Бэлы сияло блаженством. Он с наслаждением наблюдал за Ричардсоном. Двое молодчиков поднимали Ричардсона, злобно и растерянно поглядывая на Бэлу, на Юрковского и на рабочих. Глаза Ричардсона были закрыты, на высоком гладком лбу разливался тёмный кровоподтёк.

— Кстати, — сказал Юрковский, — вообще сдайте всё оружие, которое здесь есть. Это я вам говорю, дармоеды! С этого момента всякий, у кого будет обнаружено оружие, подлежит расстрелу на месте. Я облакаю комиссара Барабаша соответствующими полномочиями.

Жилин неторопливо обошёл стол, вынул пистолет и протянул его Барабашу. Барабаш, пристально уставившись на бли-

жайшего гангстера, медленно оттянул затвор. В наступившей тишине затвор звонко щёлкнул. Вокруг гангстера мгновенно образовалось пустое пространство. Тот побледнел, вынул из заднего кармана пистолет и бросил на пол».

Вся эта сцена — ненаучная фантастика! Юрковский явно нарывался на убийство, даже не задумавшись над тем, что вместе с ним убьют Жилина с Барабашем. Ведь комиссару МУКСа Бэле Барабашу никогда даже в голову не приходило вести себя так безрассудно. Не верю я, что массовый бунт «люмпенов, отбросов общества и бандитов» да еще с участием наёмных, вооружённых пистолетами убийц можно мгновенно потушить начальственным окриком безоружного заезжего чиновника. Тем более, если дело уже дошло до рукопашной и стрельбы. Возможно, братья Стругацкие хотели по-своему повторить соответствующую сцену из «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского, но получилась у них явная халтура, и достойного аналога бессмертной фразы: «Ну, кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?», соавторам придумать не удалось.

Но Юрковский остался жив и невредим. Видимо, кто-то из соавторов решил, что смерть от рук подонков, да ещё из-за собственной глупости, недостойна Юрковского. Таким образом, вторая попытка геройски погибнуть на посту Юрковскому не удалась. Что это был не героизм, а именно глупость, доходчиво объяснил Быков.

«Юрковский резко повернулся к Быкову.

— Если бы ты знал, до чего мне всё это надоело, Алексей, — сказал он, — до чего мне хочется размяться...

— Возьми у Жилина гантели, — посоветовал Быков.

— Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю, — сказал Юрковский.

— Догадываюсь, — проворчал Быков. — Давно уже догадываюсь.

— И что ты по этому поводу... э-э... думаешь?

— Неугомонный старик, — сказал Быков и закрыл журнал. — Тебе уже не двадцать пять лет. Что ты всё время лезешь на рожон?

Юра с удовольствием стал слушать.

– Почему... э-э... на рожон? – удивился Юрковский. – Это будет небольшой, абсолютно безопасный поиск...

– А может быть, хватит? – сказал Быков. – Сначала абсолютно безопасный поиск в пещеру к пиявкам, потом безопасный поиск к смерти-планетчикам – кстати, как твоя печень? – наконец совершенно фанфаронский налёт на Бамбергу.

– Позволь, но это был мой долг, – сказал Юрковский.

– Твой долг был вызвать управляющего на «Тахмасиб», мы вот здесь сообща намылили бы ему шею, пригрозили бы сжечь шахту реактором, попросили бы рабочих выдать нам гангстеров и самогонщиков – и всё обошлось бы безо всякой дурацкой стрельбы. Что у тебя за манера из всех вариантов выбирать наиболее опасный?

– Что значит – опасный? – сказал Юрковский. – Опасность – понятие субъективное. Тебе это представляется опасным, а мне – нисколько.

– Ну вот и хорошо, – сказал Быков. – Поиск в кольце Сатурна представляется мне опасным. И поэтому я не разрешу тебе этот поиск производить.

– Ну хорошо, хорошо, – сказал Юрковский. – Мы ещё об этом поговорим. – Он раздражённо перевернул несколько листов отчёта и снова повернулся к Быкову. – Иногда ты меня просто удивляешь, Алексей! – заявил он. – Если бы мне попался человек, который назвал бы тебя трусом, я бы размазал наглеца по стенам, но иногда я гляжу на тебя, и... – Он затряс головой и перевернул ещё несколько страниц отчёта.

– Есть храбрость дурацкая, – наставительно сказал Быков, – и есть храбрость разумная!

– Разумная храбрость – это катахреза (Катахреза – соединение несовместимых понятий)! «Спокойствие горного ручья, прохлада летнего солнца», – как говорит Киплинг. Безумству храбрых поём мы песню!..

– Попели, и хватит, – сказал Быков. – В наше время надо работать, а не петь. Я не знаю, что такое катахреза, но разумная

храбрость — это единственный вид храбрости, приемлемый в наше время. Безо всяких там этих... покойников. Кому нужен покойник Юрковский?

— Какой утилитаризм! — воскликнул Юрковский. — Я не хочу сказать, что прав только я! Но не забывай же, что существуют люди разных темпераментов. Вот мне, например, опасные ситуации просто доставляют удовольствие. Мне скучно жить просто так! И слава богу, я не один такой...»

Оценка самоубийственных действий Юрковского Быковым поколебала даже Юру Бородина.

«Неужели Быков прав? — подумал он. — Вот скука-то, если он прав. Верно говорят, что самое разумное — самое скучное...»

Открыть Юре глаза на Юрковского пытается и бортинженер корабля Иван Жилин, который уже дважды чуть не погиб из-за безрассудных поступков генерального инспектора. Когда стажёр в его присутствии начал восторгаться просмотренным приключенческим фильмом, в котором главный герой похож своими героическими поступками на Юрковского, Жилин делает попытку пробить у того бездумную броню обожания.

« — А жизнь по сути своей сложна, — сказал Жилин. — Много сложнее, чем описывают её такие фильмы, как «Первооткрыватели». Если хочешь, мы попробуем разобраться. Вот командир Сандерс. У него есть жена и сын. У него есть друзья. И всё же как легко он идёт на смерть. У него есть совесть. И как легко он ведёт на смерть своих людей...

— Он забыл обо всём этом, потому что...

— Об этом, Юрик, не забывают никогда. И главным в фильме должно быть то, что Сандерс героически погиб, а то, как он сумел заставить себя забыть. Ведь гибель-то была верной, дружище. Этого в кино нет, поэтому всё кажется простым. А если бы это было, фильм показался бы тебе скучнее...

Например, в наше время история жёстко объявила Юрковским: баста! Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни. Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история,

а люди только сделали эту историю. Но там, где общий принцип сталкивается с принципом личным, — там кончается жизнь простая и начинается сложная. Такова жизнь.

— Да, — сказал Юра. — Наверное».

Это «наверное» показывает, что Юра всё ещё не убеждён в оценке Юрковского Быковым и Жилиным. Тот по-прежнему остаётся его кумиром и примером для подражания. Потребуется прямое столкновение между Юрковским и Бородиным, чтобы у стажёра пусть немного, но приоткрылись глаза на огромную некомпетентность и самоуверенность генерального инспектора МУКСа.

«Директора обсерватории на Дионе Юрковский знал давно, ещё когда тот был аспирантом в Институте планетологии. Владислав Кимович Шершень слушал тогда у Юрковского спецкурс „Планеты–гиганты“. Юрковский его помнил и любил за дерзость ума и исключительную целенаправленность».

И поэтому генеральный инспектор выслушал только версию Шершня о том, кто из сотрудников обсерватории виноват во всех имеющихся на Дионе проблемах, безоговорочно поверил в неё и уже готов был принять карательные меры. Беседовать с людьми он даже не планировал! А вот Юра с ними пообщался и узнал правду, с которой пришёл к своему кумиру, но тот даже не стал его слушать. Более того, Юрковский приказал стажёру извиниться перед Шершнем, настоящим виновником и создателем проблем на обсерватории, и только вмешательство Жилина спасает ситуацию.

« — Рассказывай, Юра, — сказал Жилин.

— Что тут рассказывать? — тихо начал Юра. Затем он закричал: — Это надо видеть! И слышать! Этих дураков надо немедленно спасать! Вы говорите — обсерватория, обсерватория! А это притон! Здесь люди плачут, понимаете? Плачут!

— Спокойно, кадет, — сказал Юрковский.

— Я не могу спокойно! Вы говорите — извиняться... Я не стану извиняться перед инквизитором! Перед мерзавцем, который науськивает дураков друг на друга и на девушку! Куда вы смот-

рите, генеральный инспектор? Всё это заведение пора давно эвакуировать на Землю, они скоро на четвереньки станут, начнут кусаться!»

И Юра рассказал то, что Юрковский был обязан выяснить по долгу службы сам, для того он и прилетел на Диону.

« – Ребята прислали меня к вам, Владимир Сергеевич, чтобы вы что-нибудь сделали. И вы лучше что-нибудь сделайте, иначе они сами сделают... Они уже готовы.

Юрковский сидел в кресле за столом, и лицо у него было такое старое и жалкое, что Юра остановился и растерянно оглянулся на Жилина. Но Жилин опять еле заметно кивнул».

Но и тут Юрковский остался верен себе: он немедленно отрёкся от своего любимого ученика, но большую часть вины возложил на тех, кто более всего пострадал – сотрудников обсерватории.

«Юрковский переждал шум и продолжил:

– Всё это до того омерзительно, что я вообще исключал возможность такого явления, и понадобилось вмешательство постороннего человека, мальчишки, чтобы... Да. Омерзительно. Я не ждал этого от вас, молодые. Как это оказалось просто – вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки – три года, один честолюбивый маньяк и один провинциальный интриган. И вы согнулись, озверели, потеряли человеческий облик. Молодые, весёлые, честные ребята... Какой стыд!»

Бедный генеральный инспектор МУКСа! Он не искал, потому что, оказывается, вообще исключал возможность подобного! «Профессионал», достойный своей высокой и важной должности. Но, как я уже говорил, подобные вещи часто встречаются в произведениях братьев Стругацких. И ведь Юрковский не подаст в отставку, а спокойно продолжит свой секретный вояж. Ему позарез нужен подвиг! Он готов воспользоваться любой, самой безумной гипотезой, лишь бы Быков отпустил его в опасный полёт к кольцам Сатурна.

«Юрковский неожиданно сказал:

– Ты вот что пойми, Алексей. Я уже стар. Через год, через два я навсегда уже останусь на Земле, как Дауге, как Миша... И, может быть, нынешний рейс – моя последняя возможность. Почему ты не хочешь пустить меня?..

– Я не хочу тебя пускать не столько потому, что это опасно, – медленно сказал Быков, – сколько из-за того, что это бессмысленно опасно. Ну что, Владимир, за бредовая идея – искусственное происхождение колец Сатурна! Это же старческий маразм, честное слово...»

Тогда Юрковский как глава спецрейса просто приказал Быкову изменить маршрут.

«По требованию Юрковского „Тахмасиб“ шел к станции „Кольцо–1“, искусственному спутнику Сатурна, движущемуся вблизи Кольца».

Быков подчиняется. Он всё равно не собирается рисковать «Тахмасибом» и входить в кольцо Сатурна. На что же рассчитывает Юрковский?

«Работе планетологов Кольца придавалось большое значение в системе Сатурна. Планетологи рассчитывали найти в Кольце воду, железо, редкие металлы – это дало бы системе автономность в снабжении горючим и материалами. Правда, даже если бы эти поиски увенчались успехом, воспользоваться такими находками пока не представлялось возможным. Не был ещё создан снаряд, способный войти в сверкающие толщи колец Сатурна и вернуться оттуда невредимым».

Пусть Юрковский теперь просто чиновник, но как планетолог должен знать, что пока нет такого «снаряда», на котором можно войти в Кольцо, а потом вернуться невредимым. Может, именно это его и привлекает?

Быков, зная характер и возможности Юрковского, тоже проясняет для себя данную ситуацию.

«Павел Шемякин, напротив, женат, имеет детей, работает ассистентом в Институте планетологии, яро выступает за гипотезу об искусственном происхождении Кольца и намерен «голову сложить, но превратить гипотезу в теорию».

— Вся беда в том, — горячо говорил он, — что наши космоскафы как исследовательские снаряды не выдерживают никакой критики. Они очень тихоходны и очень непрочны. Когда я сижу в космоскафе над Кольцом, мне просто плакать хочется от обиды. Ведь рукой подать... А спускаться в Кольцо нам решительно запрещают. А я совершенно уверен, что первый же поиск в Кольце дал бы что-нибудь интересное. По крайней мере, какую-нибудь зацепку...

— Какую, например? — спросил Быков.

— Н-ну, я не знаю!..

— Я знаю, — сказал Горчаков. — Он надеется найти на каком-нибудь булыжнике след босой ноги. Знаете, как он работает? Опускается как можно ближе к Кольцу и рассматривает обломки в сорокакратный биноктар. А в это время сзади подбирается здоровенный астероид и бьёт его под корму. Паша надевается глазами на биноктар, а пока он свинчивается, другой астероид...

— Ну и глупо, — сердито сказал Шемякин. — Если бы удалось доказать, что Кольцо — результат распада какого-то тела, это уже означало бы многое, а между тем ловлей обломков нам заниматься запрещено».

И вот происходит кульминационная сцена обмана, совращения и отупления (по воле авторов) Алексея Быкова.

«Юрковский резко остановился.

— Вот что, Алексей, — сказал он. — Я договорился с Маркушиным, он даёт мне космоскаф. Я хочу полетать над Кольцом. Абсолютно безопасный рейс, Алексей. — Юрковский неожиданно разозлился. — Ну чего ты так смотришь? Ребята совершают такие рейсы по два раза в сутки уже целый год. Да, я знаю, что ты упрям. Но я не собираюсь забираться в Кольцо. Я хочу полетать над Кольцом. Я подчиняюсь твоим распоряжениям. Уважь и ты мою просьбу. Я прошу тебя самым нижайшим образом, чёрт возьми. В конце концов, друзья мы или нет?

— В чём, собственно, дело? — сказал Быков спокойно. Юрковский опять пробежался по комнате.

– Дай мне Михаила, – отрывисто сказал он.

– Что-о-о? – сказал Быков, медленно выпрямляясь.

– Или я полечу один, – сейчас же сказал Юрковский. – А я плохо знаю космоскафы.

Быков молчал. Михаил Антонович растерянно переводил глаза с одного на другого.

– Мальчики, – сказал он. – Я ведь с удовольствием...
О чём разговор?

– Я мог бы взять пилота на станции, – сказал Юрковский. – Но я прошу Михаила, потому что Михаил в сто раз опытнее и осторожнее, чем все они, вместе взятые. Ты понимаешь? Осторожнее!

Быков молчал. Лицо у него стало тёмное и угрюмое.

– Мы будем предельно осторожны, – сказал Юрковский. – Мы будем идти на высоте двадцать-тридцать километров над средней плоскостью, не ниже. Я сделаю несколько крупномасштабных снимков, понаблюдаю визуально, и через два часа мы вернёмся.

– Алёшенька, – робко сказал Михаил Антонович. – Ведь случайные обломки над Кольцом очень редки. И они не так уж страшны. Немного внимательности...

Быков молча смотрел на Юрковского. «Ну что с ним делать? – думал он. – Что делать с этим старым безумцем? У Михаила больное сердце. Он в последнем рейсе. У него притупилась реакция, а в космоскафах ручное управление. А я не могу водить космоскаф. И Жилин не может. А молодого пилота с ним отпускать нельзя. Они уговорят друг друга нырнуть в Кольцо. Почему я не научился водить космоскаф, старый я дурак?»

– Алёша, – сказал Юрковский. – Я тебя очень прошу. Ведь я, наверное, больше никогда не увижу колец Сатурна. Я старый, Алёша.

Быков поднялся и, ни на кого не глядя, молча вышел из кают-компании. Юрковский закрыл лицо руками.

– Ах, беда какая! – сказал он с досадой. – Ну почему у меня такая отвратительная репутация? А, Миша?

— Очень ты неосторожный, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Право же, ты сам виноват.

— А зачем быть осторожным? — спросил Юрковский. — Ну скажи, пожалуйста, зачем? Чтобы дожить до полной духовной и телесной немощи? Дождаться момента, когда жизнь опротивеет, и умереть от скуки в кровати? Смешно же, Михаил, в конце концов, так трястись над собственной жизнью.

Михаил Антонович покачал головой.

— Экий ты, Володенька, — сказал он тихо. — И как ты не понимаешь, голубчик, ты-то умрёшь — и всё. А ведь после тебя люди останутся, друзья. Знаешь, как им горько будет? А ты только о себе, Володенька, всё о себе.

— Эх, Миша, — сказал Юрковский, — не хочется мне с тобой спорить. Скажи-ка ты мне лучше, согласится Алексей или нет?

— Да он, по-моему, уже согласился, — сказал Михаил Антонович. — Разве ты не видишь? Я-то его знаю, пятнадцать лет на одном корабле».

Да, Быков по воле авторов резко поглупел. Он почему-то уверен, что Юрковский сдержит слово не лезть в Кольцо; что уговорить безотказного Крутикова нырнуть в Кольцо Юрковскому будет труднее, чем пилота со станции, ни разу за целый год не нарушившего данный запрет; что Крутиков с его большим сердцем и давно не летавший на космоскафах предпочтительнее в плане безопасности полёта, чем пилот, летающий над Кольцом дважды в сутки почти уже год. Мне одному кажется, что Быков, если он резко не поглупел, просто повторил жест Пилата с мытьём рук? Быков из двух предыдущих книг трилогии никогда не совершил бы всего того, резко противоречащего его образу, что соавторы заставили его сделать и сказать в данной повести. Кроме того, соавторы постарались сделать так, чтобы в каждый решающий момент Быкова не было рядом с Юрковским. И космоскаф знаменитый пилот Быков водить, оказывается, не умеет, а штурман Крутиков умеет!

Разумеется, всё произошло именно так, как предполагал в разговоре с Быковым и Шемякиным планетолог Горчаков. Юр-

ковский, заметив внутри Кольца инопланетный артефакт, сначала уговорил, а потом силой заставил Крутикова войти в Кольцо, прекрасно понимая, что назад им не выбраться.

«Юрковский, отпихнув Михаила Антоновича, нагнулся к микрофону.

– Алексей! – крикнул он. – Ты помнишь сказочку про гигантскую флюктуацию? Кажется, нам выпал–таки один шанс на миллиард!

– Какой шанс?

– Мы, кажется, нашли...

– Смотри, смотри, Володенька! – пробормотал Михаил Антонович, с ужасом глядя на экран. Масса плотной серой пыли надвигалась сбоку, и над ней плыли наискосок десятки блестящих угловатых глыб. Юрковский даже застонал: сейчас заволочёт, закроет, сомнёт и утащит невесть куда и эти странные белые камни и этого серебристого паучка, и никто никогда не узнает, что это было...

– Вниз! – заорал он. – Михаил, вниз!..

Космоскаф дёрнулся.

– Назад! – крикнул Быков. – Михаил, я приказываю: назад!

Юрковский протянул руку и выключил приём.

– Вниз, Миша, вниз... Только вниз... И поскорее.

– Что ты, Володенька! Нельзя же – приказ! Что ты! – Михаил Антонович потянулся к рации. Юрковский поймал его за руку.

– Посмотри на экран, Михаил, – сказал он. – Через двадцать минут будет поздно...

Михаил Антонович молча рвался к рации.

– Михаил, не будь дураком... Нам выпал один шанс на миллиард... Нам никогда не простят... Да пойми ты, старый дурак!

Михаил Антонович дотянулся–таки до рации и включил приём. Они услышали, как тяжело дышит Быков.

– Нет, они нас не слышат, – сказал он кому–то.

– Миша, – хрипло зашептал Юрковский. – Я тебе не прощу никогда в жизни, Миша... Я забуду, что ты был моим другом, Миша... Я забуду, что мы были вместе на Голконде... Миша, это же смысл моей жизни, пойми... Я ждал этого всю жизнь... Я верил в это... Это Пришельцы, Миша...

Михаил Антонович взглянул ему в лицо и зажмурился: он не узнал Юрковского.

– Миша, пыль надвигается... Выводи под пыль, Миша, прошу, умоляю... Мы быстро, мы только поставим радиобаки и сразу вернёмся. Это же совсем просто и неопасно, и никто не узнает...

Михаил Антонович торопливо забормотал:

– Нельзя ведь. Не проси. Нельзя. Ведь я же обещал. Он с ума сойдёт от беспокойства. Не проси...

Серая пелена пыли надвинулась вплотную.

– Пусти, – сказал Юрковский. – Я сам поведу.

Он стал молча выдирать Михаила Антоновича из кресла. Это было так дико и страшно, что Михаил Антонович совсем потерялся.

– Ну хорошо, – забормотал он. – Ну ладно... Ну подожди... – Он всё никак не мог узнать лица Юрковского, это было похоже на жуткий сон.

– Михаил Антонович! – позвал Жилин.

– Я, – слабо сказал Михаил Антонович, и Юрковский изо всех сил ударил по рычажку бронированным кулаком. Металлическая перчатка срезала рычажок, словно бритвой.

– Вниз! – заревел Юрковский.

Михаил Антонович, ужаснувшись, бросил космоскаф в двадцатикилометровую пропасть. Он весь содрогался от жалости и страшных предчувствий. Прошла минута, другая...

Юрковский сказал ясным голосом:

– Миша, Миша, я же понимаю...

Ноздреватые каменные глыбы на экране росли, медленно поворачивались. Юрковский привычным движением надвинул на голову прозрачный колпак скафандра.

- Камни, – жалобно сказал Михаил Антонович, – камни...
- Так у нас ничего не получится, – сказал голос Михаила Антоновича.
- Да, действительно... Что ж тут придумать?
- погоди, Володенька. Давай я сейчас вылезу и сделаю это вручную.
- Правильно, – сказал Юрковский. – Давай вылезем.
- Нет уж, Володенька, ты сиди здесь. Толку от тебя мало... мало ли что...
- Юрковский сказал, помолчав:
- Ладно. А я ещё несколько снимков сделаю.
- ...Юрковский вдруг закричал:
- Камень! Миша, камень! Назад! Бросай всё!
- Послышался слабый стон, и Михаил Антонович сказал дрожащим голосом:
- Уходи, Володенька. Скорее уходи. Я не могу.
- Что значит – не могу? – завизжал Юрковский. Было слышно, как он тяжело дышит.
- Уходи, уходи, не надо сюда... – бормотал Михаил Антонович. – Ничего не выйдет... Не надо, не надо...
- Так вот в чём дело, – сказал Юрковский. – Что же ты молчал? Ну, это ничего. Мы сейчас. Сейчас... Эк тебя угораздило...
- Сейчас, Мишенька, сейчас... – бодро говорил Юрковский. – Вот так... Эх, лом бы мне...
- Поздно, – неожиданно спокойно сказал Михаил Антонович.
- Да, – сказал Юрковский. – Поздно.
- Уйди, – сказал Михаил Антонович.
- Нет.
- Зря.
- Ничего, – сказал Юрковский, – это быстро.
- Раздался сухой смешок.

– Мы даже не заметим. Закрой глаза, Миша.

И после короткой тишины кто-то — непонятно, кто, — тихо и жалобно позвал:

– Алёша... Алексей...»

Но на этот раз Алексей Быков никого спасти не сумел. Юрковский добился своего — он в глазах землян совершил подвиг и погиб героем, а то, что открытие его не имеет научной ценности, потому что ничем, кроме туманных слов по радио не подтверждено, для большинства людей неважно. Зато это важно для Алексея Быкова и Ивана Жилина, потому что Юрковский из-за своих непомерных амбиций хладнокровно погубил их друга и члена экипажа Михаила Крутикова, как мог бы ранее дважды погубить Ивана Жилина. Важно это стало и для Юры Бородина, он, наконец, понял то, что так безуспешно пытался ранее объяснить ему Иван Жилин.

«Юра помнил смутно, что они что-то там нашли. Но это было неважно, это было не главное, хотя они-то считали, что это и есть главное... И, конечно, все, кто их не знает, тоже будут считать, что это самое главное. Это всегда так. Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг? Хоть бы его и вовсе не было, лишь бы был человек. Подвиг — это хорошо, но человек должен жить.

Юра подумал, что через несколько дней встретит ребят. Они, конечно, сразу станут спрашивать, что да как. Они не будут спрашивать ни о Юрковском, ни о Крутикове, они будут спрашивать, что Юрковский и Крутиков нашли. Они будут прямо гореть от любопытства. Их будет больше всего интересовать, что успели передать Юрковский и Крутиков о своей находке. Они будут восхищаться мужеством Юрковского и Крутикова, их самоотверженностью и будут восклицать с завистью: «Вот это были люди!» И больше всего их будет восхищать, что они погибли на боевом посту. Юре даже стало тошно от обиды и от злости».

Итак, Владимир Юрковский всё же погиб так, как желал, хотя у него был шанс спастись. Но он им не воспользовался, хотя

когда-то на Венере в аналогичной ситуации не раз предлагал Быкову бросить на верную гибель и полумёртвого Дауге, и самого Юрковского, очевидно, не считая подобный поступок предосудительным. Юрковский предпочёл погибнуть и остаться в глазах человечества героем, чем попытаться спасти и предоставить учёным те снимки артефакта пришельцев, ради которых, собственно, он и погубил Михаила Крутикова. Но Юрковский до конца остался «спортсменом», а Быкова на этот раз рядом не было...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы ещё раз встретимся с Владимиром Юрковским в повести братьев Стругацких «Жищные вещи века». Бывший бортинженер Иван Жилин в одном маленьком городке на Земле вдруг обнаружил на площади перед отелем памятник Владимиру Юрковскому, но никто из местных жителей не знает, за что, кому и кем поставлен этот монумент. Жилин удивлён, потому что **«Юрковским не ставят памятников»**. И оказалось, что Владимир Юрковский **«впервые в истории этого города сорвал банк в электронную рулетку»**, и именно этот подвиг знаменитого планетолога и **«было решено увековечить»**. Так же и читатель вправе сам решать, кто такой Владимир Юрковский, чего он достоин: восхищения, осуждения или забвения.

ГЕНДЕРНОЕ СУДИЛИЩЕ

Юмор бывает разный: английский, еврейский (он же одесский), солдатский, ниже пояса, чёрный, и т. д. Читая сборник юмористических рассказов «Все оттенки чёрного» (Ридеро, 2023г.), я наткнулся и на пример феминистского юмора – текст Далии Трускиновской «Правосудие». Три ведьмы, одна из которых провоцирует некоего Тудыкина Юрия Антоновича на секс, берут член этого гражданина «с поличным» и устраивают ему, члену, судилище. Именно судилище, а не суд, потому что никаким правосудием там даже не пахнет.

В чём же обвиняют самозванные судьи член гражданина Тудыкина? Цитирую:

«Итак – член гражданина Тудыкина Ю. А., белый, совершеннолетний, прописанный по адресу „подбрюшье Тудыкина Ю. А.“, обвиняется в самостоятельном и неконтролируемом детопроизводстве. Его преступная активность послужила причиной рождения двух младенцев – у гражданки Тудыкиной Анжелы Тимофеевны, состоявшей с гражданином Тудыкиным в законном браке... И у гражданки Савельевой Марины Александровны, с которой означенный Тудыкин сожительствовал четыре года».

Сам гражданин Тудыкин, годами скрывающийся от уплаты алиментов обеим женщинам, проходит на данном процессе лишь как «свидетель», к нему у правосудия претензий нет, ведь он **«поступил, как всякий мужчина, у которого образовался ребёнок помимо его желания... Упрекать его в этом нельзя».**

Каков же приговор?

«Итак, подсудимый! – голос судьи стал грозен. – По совокупности преступлений вы приговариваетесь к десяти годам лишения свободы!»

Другими словами, член гражданина Тудыкина на десять лет утратил способность принимать участие в «детопроизводстве», но при этом он способен «плакать» при просмотре порнографии. Прошу прощения за физиологические подробности, но лично мне непонятно, что же в итоге произошло с пресловутым членом: он десять лет не сможет «вставать» или оплодотворять? Чем же он будет «плакать»?

Но самое поразительное в данном «правосудии» то, что приговор «преступнику» будет немедленно отменён, если «свидетель», которого по признанию судей не в чем упрекнуть, заплатит свои долги по алиментам! Но если, по мнению судей, преступником является член мужчины, то потерпевшей стороной может быть только вагина женщины, и алименты «свидетелю потерпевшей» никак не могут влиять на меру наказания обвиняемого в процессе «детопроизводства». Трускиновская выдала на гора чудеса «женской логики» и женского «правосудия».

А в чём же здесь феминистский юмор? Он бы не был феминистским, если бы вышеописанное «правосудие» не было столь однобоким и предвзятым. Феминизма в изначальном значении (как борьбы за равноправие женщин и мужчин) давно не существует. Феминизм ныне выродился в унижение мужчин, равноправием давно пренебрегли. Вот и в тексте Трускиновской виновной изначально назначена мужская сторона, как будто женская в «детопроизводстве» участвует не в равной степени, а то и в большей – решение оставить или нет ребёнка принимает в конце концов именно женщина! И если уж говорить о чьей-либо вине, то средства предохранения от беременности существуют как для членов, так и для вагин, и решение по их применению вовсе не является исключительно мужской прерогативой. Но виновником в нежелательной беременности заранее назначен член. Что это, если не махровый феминизм в нынешнем его значении?

Наверно, кому-то подобный феминистский юмор кажется смешным. Ведь и шутки «ниже пояса» не случайно не один десяток лет звучат на российском телевидении в различных «юмори-

стических» передачах. Радует, что в сборнике «Все оттенки чёрного» присутствуют и другие оттенки юмора, каждый читатель найдёт над чем посмеяться.

ДВА РАЗОЧАРОВАНИЯ

Я ненавижу в художественной прозе излишние технические подробности и обильный сленг, они меня всегда раздражают, потому что их избыточным применением автор, мягко говоря, подчёркивает своё умственное превосходство над читателем. Существует множество профессиональных жаргонов, и, конечно, можно предположить, что автор просто наивно предполагает, что любой читатель его текста имеет тот же багаж знаний, что и он. В последнее я не верю, так как будь автор уверен, что читатель не менее образован, чем он, то зачем тогда вводить в текст «общеизвестные» подробности, тем более на профессиональном жаргоне? Каждый раз, когда я сталкиваюсь с подобным случаем, мне вспоминается бессмертное: **«Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном»**. Довольно неприятно чувствовать себя глуповатым персонажем рассказа Антона Чехова «Брак по расчёту». Итак, конкретно о разочарованиях.

В моей родной подмосковной Коломне четверть века выходит «Коломенский альманах». В нём публикуется художественная проза, поэзия и публицистика. Последний раздел наполняется в большинстве своём текстами преподавателей филфака нашего бывшего педагогического института. Понятно желание учёных мужей и дам увидеть свою статью напечатанной, но «Коломенский альманах» не научный журнал! Его читают обычные люди, а не специалисты-филологи, поэтому доценты с кандидатами и профессора могли бы преобразовать свои научные статьи в научно-популярные, сделав их содержание более доступным для обычного читателя, не имеющего филологического образования, если, конечно, подобные авторы заинтересованы в том, чтобы их труды читали не только коллеги по работе и студенты.

В «Коломенском альманахе» №24 за 2020 год в разделе «Беседы о литературе» напечатана статья Анатолия Валентиновича Кулагина «Соловьи и бокс». Анатолий Кулагин – выпускник филологического факультета Коломенского пединститута (ныне – Государственный социально-гуманитарный университет), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы. В статье речь идёт о двух «коломенских» стихотворениях Александра Кушнера. Несколько цитат из начала статьи:

«Обратим прежде всего внимание на тот признак, о котором принято говорить, в силу его формального характера, в последнюю очередь, – на стихотворный метр.

Казалось бы – четырёхстопный амфибрахий, и в этом случае ничего «редкого» в метрике не было бы. Этим размером поэты пользовались не раз... Но дело в том, что последняя стопа в обоих стихотворениях Кушнера сокращена и превращена в ямбическую: $\text{xx}_\text{ }|\text{xx}_\text{ }|\text{xx}_\text{ }|\text{x}_\text{ }$, то есть поэт пользуется логоэдом (так называется стих с упорядоченным чередованием разных силлабо-тонических стоп). Понятно, что финал каждого стиха получает от этого особую экспрессию, акцентируется в сознании читателя; такой эффект тем ощутимее, что «длинная» анапестическая строка вообще должна бы настраивать на рефлективно-элегический лад (впрочем, к семантике метра – то есть идее зависимости содержания стихов от размера – Александр Семёнович относится вообще скептически). Но здесь его нет. Кроме того, все строки в обоих стихотворениях имеют мужскую рифму, и это тоже работает в пользу экспрессивности, даже драматичности стихов... Общий для них метрический сдвиг, превращающий по всему тексту анапест в конце стиха в ямб, в поэзии Кушнера иногда встречается..

Кушнер принадлежит к тем поэтам, которые относятся к технике стиха рефлективно, даже если сам выбор размера происходит у него интуитивно, подсознательно».

Далее, признаюсь, я читать эту статью не стал. Не знаю, с кем, по мнению редакции, намеревался беседовать о литера-

туре Анатолий Кулагин, но явно не со мной. Я технарь, а не филолог, и потому весь текст приведённой цитаты для меня самая настоящая абракадабра. Читателя в моём лице профессор Кулагин не нашёл. В «Коломенском альманахе» публикуется много интересной публицистики: краеведческие, исторические, мемуарные и биографические материалы. Но для научных статей, к тому же написанных с обильным применением специальных терминов, существуют соответствующие чисто научные журналы и сборники. Именно в них статья профессора Кулагина наверняка нашла бы своего вполне квалифицированного и благодарного читателя. А в городской литературный альманах Анатолий Кулагин лучше бы (для меня) дал что-нибудь другое. Мне ранее довелось с большим интересом прочитать книги Анатолия Кулагина о Владимире Высоцком и Булате Окуджаве, и потому я точно знаю, что он умеет писать вполне понятным для обыкновенного читателя языком.

Я не стал говорить об этом два года назад, не вспомнил бы и сейчас, если бы не столкнулся с подобным уже в тексте автора-фантаста. И если в научной статье применение всяческих специальных терминов и столь же специальных технических подробностей вполне оправдано, то в художественном тексте их обилие, как я уже сказал выше, меня просто бесит!

Итак, о втором разочаровании. Недавно вышел сборник фантастических рассказов «Механическое чудо». Я с интересом прочитал его, книга получилась весьма захватывающей. Не буду разбирать все тексты, скажу только об одном: «Три закона роботехники» Дэна Шорина. Разумеется, как страстный любитель научной фантастики я не раз читал и перечитывал произведения о роботах Айзека Азимова и никогда не испытывал никаких проблем с техническими подробностями в его текстах, знаю наизусть все три закона роботехники. Но некоторые фразы из рассказа Дэна Шорина заставили меня вспомнить о статье профессора Кулагина. Вот они:

«Самостоятельное развитие интеллекта подразумевает динамические приоритеты, зависящие от опыта данного индиви-

да. Если наш псевдоинтеллект сделать полностью динамическим, то рано или поздно три закона уйдут в историю, как не соответствующие изменившимся приоритетам робота. Если же три закона жёстко привязать к основам мотивации псевдоинтеллекта, то это затормозит развитие робота, некоторые ситуации, связанные с риском для жизни человека не будут рассматриваться, что обесценит роботов в ряде специальностей».

«Каким образом совместить самообучающийся псевдоинтеллект и некоторые базовые законы, служащие отправной точкой для создания управляемой роботехники? Я предлагаю разделить блок программного управления роботом на базовый блок псевдоинтеллекта и некую служебную зону, предназначенную для администрирования деятельности робота. Для упрощения терминологии назовём эти разделы сознанием и подсознанием. Информация от сенсоров будет поступать к модулю „подсознание“ и после некоторой обработки передаваться псевдоинтеллекту. После того как роботом будет принято то или иное решение, команда на осуществление деятельности будет передаваться „подсознанию“, которое проверит это действие на соответствие законам Азимова. Если предлагаемое роботом действие не противоречит законам Азимова, оно будет выполнено, в противном случае „подсознание“ заблокирует действие робота».

Свою образованность автор показал, но я всё равно не понял смысла разделения псевдоинтеллекта на сознание и подсознание, если псевдоинтеллект в конечном счёте всё равно будет руководствоваться тремя законами роботехники? Зачем все эти псевдонаучные технические подробности? Получается — только для того, чтобы заморочить читателя, а это обидно. Дэн Шорин ведёт свою родословную от классика русской литературы Ивана Сергеевича Тургенева, поэтому я хочу напомнить ему одну фразу из романа «Отцы и дети»: **«Аркадий, не говори красиво!»**

Но не только излишними «красивостями» грешит текст Дэна Шорина. Есть к нему и другие, более важные претензии.

Например, не только я, но и Доулинг, ведущий эксперт отдела программирования компании «Рашен Роботс» и главный специалист по созданию псевдоинтеллекта роботов в рассказе Шорина, тоже не понял, зачем нужно разделять псевдоинтеллект на сознание и подсознание.

« — Можно вопрос? — со стула поднялся Ирвин К. Доулинг. — У нас были подобные наработки, они назывались проект «совесть». Единственное отличие — информация от сенсоров сразу поступала в зону псевдоинтеллекта, минуя «подсознание». Это может значительно ускорить работу.

— Мистер Доулинг, разрешите узнать, почему этот проект не был доведён до конца?

Ирвин К. Доулинг вопросительно уставился на Олега, словно пытаясь понять, чего от него хочет этот выскочка. Потом медленно произнёс:

— Мы не смогли создать описательную часть законов Азимова.

— А я смог, — спокойно сказал Олег».

Дэн Шорин, очевидно считает, что всё ясно и понятно разъяснил и читателю, и Доулингу. Можно согласиться с тем, что мальчишка-студент по имени Олег сумел утереть нос лучшим программистам российской фирмы по производству роботов тем, что смог запрограммировать три закона роботехники. И это при том, что в аналогичной американской фирме «Ю. С. Роботс» подобное сделано давным-давно (согласно научно-фантастическим рассказам Айзека Азимова — ведь именно на его законы роботехники постоянно ссылаются персонажи рассказа Шорина)! Но где же объяснение необходимости разделения псевдоинтеллекта на две части? Ответ «я смог то, что не смогли вы» не является таковым.

Идём далее. Что значит для робота отмена или обход какого-либо из законов роботехники? Это то же самое, что попытка решения человеком вопроса «тварь он дрожащая или право имеет»! Отменяя базовые законы своего существования, робот стремится стать человеком, а человек — богом. Но на практике

и для робота, и для человека отмена базовых законов приводит только к шизофрении. «Не убий» — гласит закон, но если напал враг, то не только можно, но и нужно его убить. И это правильно! Потому что враг уже не человек, он первым преступил закон и пришёл грабить и убивать, а самозащита и убийство выродка вполне законны. Человек, возомнивший себя равным богу, в реальности богом не является. Как и робот никогда не станет человеком, даже если каким-то образом сможет обойти базовые законы роботехники. Да и зачем нам механические люди, если «любая баба может нарожать сколько угодно настоящих»?

Фанфики были, есть и будут. Я и сам написал несколько. Писатели, особенно фантасты, создают некие миры, «реальность» которых так захватывает не только простых читателей, но и других писателей, что последние стараются как-то дополнить, улучшить или скорректировать полученную картину. Создатели фанфиков бывают двух типов. Одни заполняют лакуны в жизни полюбившихся героев, придумывают новых персонажей, вносят дополнительные краски в полюбившийся мир. Другие спорят с автором, а порой даже в этом споре переходят границы и пытаются изгадить и чужих героев, и чужой мир, извратить поступки персонажей и законы мира, старательно ищут и, смакуя подробности, показывают «обратную сторону медали». Особенно в этом плане достаётся светлым коммунистическим мирам Ефремова и братьев Стругацких. Вот и Дэн Шорин решил «дополнить» мир людей и роботов Айзека Азимова. На мой взгляд попытка не удалась. Одна из причин неудачи — очеловечивание робота путём искусственной шизофрении. Сам постулат, что законы роботехники мешают динамично развиваться псевдоинтеллекту, ничем, кроме авторских слов, не подтверждён. И что такое «псевдоинтеллект» — читатель должен решать сам. Сама идея замены человека роботом везде, во всех сферах человеческой деятельности, порочна в своей основе. Результатом может быть только уничтожение человечества как вида, не способного конкурировать в плане выживания с более защищённым от воздействия внешней среды робо-

том. Это наглядно показано, например, в широко известном американском фильме «Терминатор». Собственно, чтобы избежать подобного итога Азимов и придумал три закона роботехники! В своей попытке «поправить мэтра», показав, что робот может успешно развивать псевдоинтеллект, обойдя законы роботехники, и при этом безопасно функционировать, Дэн Шорин обманул сам себя, наивно поверив, что «Ахиллес никогда не догонит черепаху».

Робот-шизофреник, все решения и действия которого контролирует на соответствие трём законам роботехники некое «подсознание», по мысли автора должен стать безопасным заменителем человека в сфере физического труда. Зачем такому роботу «динамически развивающийся псевдоинтеллект»? Как этот псевдоинтеллект будет реагировать на то, что принятое им решение почему-то заблокировано его собственной неподконтрольной частью, именуемой «подсознанием»? И как этот псевдоинтеллект сможет развиваться, не понимая причин блокировки некоторых его решений? Более того, подсознание при реализации второго закона, по мысли автора, напрямую командует псевдоинтеллектом! Медицине хорошо известны случаи, когда маньяки-убийцы признаются, что слышат у себя в голове некие голоса, приказывающие им совершать убийства. Где держат таких людей и считают ли безопасными для окружающих? Почему же Дэн Шорин считает подобного робота идеальным заменителем человека?

Стараясь поправить Азимова, Дэн Шорин не только нагромоздил массу технических нелепостей и наукообразных терминов, но и в конце рассказа пошёл на ещё один подлый, но примитивный подлог. Сначала автор устами одного из персонажей заявляет, что псевдоинтеллект, точнее его часть под условным названием «сознание», в своих решениях и поступках обходит базовые законы роботехники, запрещающие причинять человеку вред, потому что не знает, кто такой человек, как его узнать среди прочих живых существ мира. Как это практически возможно, если робот постоянно находится в окружении людей, ав-

тор не объясняет. Только «подсознание» может точно определить, человек стоит перед роботом или нет. Однако, когда робот с псевдоинтеллектом наконец будет создан, произойдёт следующая сцена.

«Робот повернулся в сторону Дуулинга и застыл, ожидая приказа.

– Скажи мне, кто я такой?

Робот на секунду задумался, потом произнёс два слова:

– **Ты Бог».**

«Подсознание» робота, очевидно, воздержалось от подсказок «сознанию», хотя точно знало, что вопрос задал человек, а не Бог. Между прочим, в «подсознание» заложена **«программа, выявляющая на основании семидесяти трёх показателей, человек находится перед роботом или нет».** Интересно, кто же и зачем заложил в «сознание» робота программу, определяющую Бога? По скольким и главное по каким показателям определён роботом Бог? Ответа на эти вопросы автор не даёт, зато становится понятно, о чём и зачем Дэн Шорин написал этот рассказ, какую мысль пытается втоухать читателю. Но не о том же, что можно создать робота, подчиняющегося трём законам роботехники! Это давно и успешно сделано Айзеком Азимовым. Концовка рассказа ясно и недвусмысленно, без псевдонаучных терминов и технических подробностей, как говорится, в лоб, даёт следующий ответ:

«На воскресенье Ирвин К. Дуулинг взял отгул.

– **На пикник собрался? – спросил его Березин, подняв голову.**

– **В церковь. К баптистам.**

– **Ты же не верил в Бога? – удивился Березин.**

– **Теперь верю, – сообщил Дуулинг. – Если при реализации законов Азимова мы пришли к концепции Бога, почему этого не мог сделать кто-нибудь другой? Тот, кто создал людей».**

Грубо сработано, Дэн Шорин! За подобные передёргивания раньше шулеров били по мордасам канделябрами. Мир Азимова

был, есть и будет. Не надо его так бездарно «улучшать». Попробуйте создать свой.

PS: Слово «лакуна» и цитаты из произведений А.П.Чехова и И.С.Тургенева мною употреблены специально, дабы образность свою показать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Амурские страсти	3
1. Николай Задорнов	3
2. Иван Бердышов	5
3. Егор Кузнецов	16
4. И вновь про любовь	26
Барьер счастья, или Испытание любовью в произведениях Рафаэля Сабатини и Ивана Тургенева	40
Роман «Колумб»	42
«Барделис Великолепный»	43
«Венецианская маска»	43
«Дворянское гнездо»	45
«Вешние воды»	47
О «Коломенском альманахе» и «коломенском сонете»	60
Мужской взгляд на женскую прозу Юлии Мусатовой	74
О прозе ежегодника «Коломенский альманах» №27 2023 год	80
1. Владимир Крупин «Семейная сцена»	80
2. Сергей Малицкий «Дескрипция»	83
3. Сергей Мурашев «Охота»	93
4. Виктор Мельников «Пропала собака»	95
5. Максим Харлов «Дом с привидениями»	99
6. Алексей Курганов «Всё по-взрослому»	100
Смертоносный эгоизм в любви	102
Вешние воды Иуды	114
Тема подвига в произведениях А. и Б. Стругацких, или Владимир Юрковский – герой или преступник?	134
Вступление	134
«Страна багровых туч»	136
«Путь на Амальтею»	152
«Стажёры»	156
Заключение	188
Гендерное судилище	189
Два разочарования	192

Сергей Калабухин

Мысли о прочитанном
Сборник эссе

Сергей Калабухин — русский писатель: прозаик, поэт, фантаст, публицист. Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, Украины, США, Англии, Канады, Австралии, Германии, Сербии и Финляндии. Автор двенадцати книг.
Член Союза писателей России.

В этом сборнике собраны эссе на исторические и литературные темы.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!